

В. Д. Доценко

РОССИИ

МОРСКИЕ БИТВЫ

XVIII—XX вв.

В. Д. Доценко

**Морские битвы
России
XVIII—XX веков**

Издание третье, дополненное

*Под редакцией профессора адмирала
В. Н. Поникаровского*

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2002

ББК 68.66

Д71

Рецензент В. А. Емельянов

Доценко В. Д.
Д71 Морские битвы России: XVIII—XX веков / Под. ред. адмирала
В. Н. Поникаровского. — СПб.: «Издательство «Полигон», 2002. —
224 с., ил.

ISBN 5-89173-191-6

Книга посвящена наиболее крупным морским сражениям Российского флота, развитию военно-морского искусства, флотоводческой деятельности императора Петра Великого, адмиралов Г. А. Спиридова, С. К. Грейга, Ф. Ф. Ушакова, П. С. Нахимова и др.

Предназначена для широкого круга читателей.

ББК 68.66

*Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части запрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

© Доценко В. Д., 2002

© ООО «Издательство «Полигон», 2002

© Сильченко С. М., акварели, 2002

ISBN 5-89173-191-6

«Небываемое бывает»

Северная война шла уже третий год. Петр I за это время успел пережить и горечь поражений, и радость побед. Но главная цель — выход к побережью Балтийского моря — пока была не достигнута: очень сильны были шведы на Балтике. Они это чувствовали, но в конце концов самоуверенность их и погубила. Петр понимал, что без флота, одними лишь сухопутными войсками проблему не решить.

В первой половине октября 1702 года русские овладели Нотебургом (так шведы называли древний Орешек). В письме к своему советнику по вопросам артиллерии Андрею Андреевичу Виниусу Петр писал: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». В договорных пунктах о сдаче шведами крепости имелись такие статьи: «Позволено господину коменданту Нотебурга с его офицерами и их солдатами, и распущенными знаменами, с его гарнизонною и гремящею игрою, с четырьмя пушками железными, с верхним и нижним ружьем, с принадлежащим порохом и с пульками во рту, из учиненных трех проломов свободно и безопасно в Нарву вытить». Так демонстративно и унижительно для шведов Петр I хотел распространить слухи об успехах русской армии.

Эта победа только открывала выход к Балтийскому морю, в водах которого пока господствовали шведы. Их флот насчитывал более 50 линейных кораблей и фрегатов, не считая нескольких десятков более мелких судов, в том числе и гребных. Россия же на Балтике флота еще не имела. По «Государевой дороге» с Белого моря на Ладогу в неимоверно трудных условиях в 1702—1703 годах перетаскивали яхты «Святой Дух» и «Курьер» и несколько десятков гребных лодок. Они-то и участвовали во взятии крепости Орешек.

На третий день после взятия Орешка Петр I переименовал его в Шлиссельбург, что означало «ключ-город», и приказал укрепить на воротах западной башни поднесенный ему шведами ключ от крепости. Тем самым он хотел показать, что взятие Орешка открывало ворота к Балтике и Ижорской земле. Позднее в память об этом событии башню назвали Государевой.

Взятию крепости Орешек Петр придавал очень большое значение. Он поспешил возвратиться в Москву, чтобы торжественно отметить победу. По этому случаю для гвардейцев Семеновского и Преображенского полков специально были сшиты мундиры; возведены (ставшие уже традиционными) триумфальные ворота. 6 декабря состоялись и сами торжества. Перед горожанами в парадном строю прошли победители. Вслед за русскими офицерами и солдатами шли пленные шведы, за которыми по земле волокли 80 трофейных пушек и мортир, 40 неприятельских знамен, двигались телеги с ружьями и военной амуницией. В эти дни на чертеже осады Орешка Петр сделал такую надпись: «Такovým образом, через помощь Божию отечественная крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 90 лет».

Это было действительно важное завоевание. На проповеди, произнесенной в Шлиссельбурге 11 октября 1719 года, обер-иеромонах флота Г.Бужинский сказал следующее: «Сим ключом отверзена провинция Ижерская, Корелская, Ливонская. Ключ сей отверзл море Балтийское... благополучное начало... флота российского, ключ сей — основание царствующаго Санкт-Питербурха».

Приобретя ключ, Петр получил возможность открыть и замок, то есть крепость Канцы, или Ниеншанц, основанную в 1632 году на месте старинного русского поселения Невские Канцы. Расположение крепости было не совсем удачным, а укрепления — слабыми. Артиллерию шведы разместили непродуманно, поэтому взять крепость не составляло особого труда. Петр это понимал, но штурм отложил до весны следующего года.

28 апреля 1703 года Петр I с четырьмя Преображенскими и тремя Семеновскими ротами на гребных лодках отправились в Невское устье для проведения рекогносцировки. По пути следования их несколько раз обстреливали шведские батареи, но безрезультатно: ядра ложились с большими недолетами.

30 апреля к полудню, как только пушки и мортиры изготовили к стрельбе, а войска заняли исходные позиции и приготовились к штурму, Петр послал к коменданту шведской крепости парламентаря, который, однако, вернулся, так и не получив ожидаемого ответа. Шведы не хотели уступать крепость русским. Тогда, ближе к вечеру, русские открыли огонь по крепости из двадцати 24-фунтовых пушек и двенадцати мортир. Обстрел продолжался до самого утра. И, как явствует из «Журнала или поденной записки, блаженные и вечнодостойные памяти Государя Императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира»: «Маия в 1-й день на разсвете в 5 часу неприятель стал бить шамад. Тогда от наших пушечная стрельба и метания бомб унято (прекращено. — *В.Д.*), и высла- ны тогда из города офицеры с прошением, чтобы для акорда сдачи крепос- ти (то есть выработки условий сдачи крепости. — *В.Д.*) принять от них ама- натов (парламентарев. — *В.Д.*)...». От шведов в переговорах участвовали капитан и поручик, а от русских — капитан и сержант от Семеновского и Преображенского полков. Договорились сдать и принять крепость со всей артиллерией и амуницией, а солдат и офицеров отпустить в Выборг.

1 мая Преображенский полк вошел в Канцы. У арсенала и батарей были выставлены караулы. Шведам дали несколько дней на сборы. В качестве трофеев русские взяли шесть медных пушек и мортир, 72 чугунные пушки и мортиры, более 50 бомб и 195 бочек пороха.

2 мая отслужили благодарственный молебен, произвели традиционный троекратный салют из пушек и ружей. В день торжества Петр переименовал эту крепость в Шлотбург, что означало «город-замок». Теперь и ключ, и замок были в руках русского царя. Путь в Балтийское море преграждал только неприятельский флот. Ликовавший Петр писал адмиралтейцу Ф.М.Апраксину: «Ничто иное могу писать, только слава, слава, слава Богу за исправление нашего штандарта...». Царь имел в виду вот что: с этого времени изображенный на царском штандарте двуглавый орел, ранее державший в клювах и правой лапе карты Азовского, Белого и Кас- пийского морей, получал в свободную левую лапу еще и карту Балтий- ского моря.

На следующий день после взятия крепости к устью Невы подошла швед- ская эскадра в составе девяти вымпелов под командованием вице-адмирала Г. фон Нумерса, который еще не знал о падении крепости. Русские же, как полагалось и у шведов, утром и вечером стреляли из пушек «шведский лозунг», то есть подавали условный сигнал из двух выстрелов, свидетель- ствовавший о том, что в крепости все в порядке. Над крепостью по-прежне- му развевался шведский флаг. Для доставки письма коменданту крепости Нумерсом были направлены два судна: 5-пушечный вице-адмиральский бот «Гедан» и 10-пушечная шнява «Астрильд». Они вошли в Неву и бросили

якоря напротив Екатерингофа, что за Гутуевским островом. Петр рассчитывал на внезапность. Он понимал, что шведские пушки на этапе сближения могут доставить большие неприятности.

Петр I вместе с Меншиковым («понеже иных на море знающих никого не было») выжидали удобный для атаки момент, укрывшись за островом. В готовности были тридцать гребных лодок с солдатами Семеновского, Преображенского и «низовых» полков. Дождавшись рассвета, рано утром 7 мая Петр отдал приказ на абордаж. «Половина лодок поплыли тихою греблею возле Васильевского острова под стеною онаго леса и заехали оных от моря; а другая половина с верху на них пустилась». Надвигавшаяся с запада туча, а затем дождь мешали рассмотрению приближавшихся русских лодок, тем более, что ничто не предвещало неприятностей. Из крепости снова дали положенный артиллерийский сигнал. Создавалась полная иллюзия присутствия в Канцах шведов.

Бой был жарким. Почти в одно время восемь лодок пристали к высоким бортам неприятельских судов. Вначале на палубы этих судов полетели гранаты, затем начался абордаж. В дело пошли тесаки и палаши. Впоследствии Петр писал: «... хотя неприятель жестоко стрелял из пушек, однако ж наши, несмотря на то, с одной мушкетною стрельбой и гранатами, понеже пушек не было, оныя оба судна абордировали и взяли. Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат трудно унять было, едва не всех перекололи». Остальные семь кораблей эскадры Нумерса не решились вступить в бой и поспешили уйти в море.

Шведы потеряли убитыми двух поручиков, штурмана, подштурмана, двух констапелей, двух боцманов, двух боцманматов, квартирмейстера и 47 волонтеров, матросов и солдат. В плену оказались штурман, кают-юнга и 17 матросов и солдат.

Петр I самолично побывал на шведской шняве, где нашел раненого штурмана. Он приказал тщательно ухаживать за ним и лечить. По его выздоровлении Петр убедил бывшего противника перейти на русскую службу. Им оказался голландец Карл фон Верден. В 1709 году он уже стал подпоручиком, а в 1713 году его произвели в поручики и назначили командиром корабля «Святой Антоний», а затем шнявы «Лизет». Впоследствии этот офицер производил гидрографические работы на Балтике и в Каспийском море. В 1720 году он составил карту Каспийского моря, которая была представлена Петром I в Парижскую академию наук. В 1722 году Верден участвовал в Персидском походе. Командуя ластовыми судами, он доставлял к Дербенту артиллерию, боеприпасы и провиант. В 1724 году его произвели в капитаны 2 ранга и назначили командиром Астраханского порта, а в 1727 году произвели в капитаны 1 ранга. В 1728—1730 годах он командовал линейными кораблями Балтийского флота.

30 мая царь отпраздновал первую морскую победу. Снова был троекратный залп из пушек и ружей. За этот бой Петр I получил чин капитан-командора и высший орден России — Святого Апостола Андрея Первозванного. Вручали орден первый кавалер адмирал граф Ф.А.Головин и генерал-фельдмаршал Б.П.Шереметев.

Награждение проходило 10 мая в походной церкви. На эту награду Петр отреагировал так: «Хотя и недостойны, — писал он графу Апраксину, — однако ж от господина фельдмаршала и адмирала мы с господином поручиком учинены кавалерами Св. Андрея». Поручик Александр Данилович Меншиков тоже стал Андреевским кавалером. Все офицеры были награждены золотыми медалями с цепями, а солдаты — серебряными медалями без цепей. На одной стороне медали находился барельефный портрет Петра I, а на другой — фрагмент боя и надпись: «Небываемое бывает. 1703». По правительственному заказу были изготовлены гравюры с изображением взятых судов и видом боя.

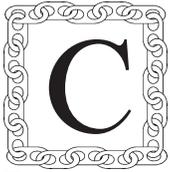
Дату этого боя приняли за день рождения Балтийского флота. В результате славной победы зарождающийся Балтийский флот получил два судна. Они долго служили в русском флоте, затем некоторое время сохранялись «для памяти», а когда пришли в ветхость, то с них сделали модели для Морского музея.

Взяв Орешек и Канцы, закрывавшие вход в исток и устье Невы, Петр I возвратил, наконец, России древний путь из варяг в греки и земли «отчичь и дедичь», захваченные шведами в смутное время междуцарствия.

После этого Петр решил построить крепость и порт ближе к морю. На месте нынешней Петропавловской крепости на Заячьем острове 16 мая 1703 года заложили Санкт-Петербург — будущую столицу Российской империи. В годовщину боя — 7 мая 1704 года Петр собственноручно поднял флаг на возведенной в Финском заливе крепости Кроншлот. В журналах Петра Великого можно найти такие слова: «1704 год. Май. В 7-й день изволил Великий Государь идти со всеми ближними людьми и с новгородским митрополитом, и с прочими властями из С. Петербурга водою на судах на взморье к Котлину острову, в новую крепость, которая построена против того острова на воде, на самом проходе корабельном, зимою, когда лед был, деревянная, и нагрузя камнем, отпущена в воду и несколько в ней пушек поставлено, мимо которой невозможно без препятствий ни единому кораблю в устье пройти. И в прибытие Его Великаго Государя тогда наречена она крепость Кроншлот, сиречь коронный замок, и торжество в ней было тридневное».

Коменданту крепости Петр I вручил инструкцию, в которой предписывалось: «Содержать сию ситадель с Божиею помощию, аще случится, хотя до последняго человека, и когда неприятель захочет пробиться мимо оной,

Гангутская победа

Сражение Российского флота со шведами при Гангуте в июле 1714 года принесло стране первую крупную победу на Балтике, которую Петр I не без основания сравнивал с Полтавской победой 1709 года. Если в результате разгрома шведов под Полтавой ход Северной войны изменился на суше, то после Гангутского сражения — на море, инициатива перешла к русским, хотя корабельный флот Швеции еще некоторое время и господствовал на Балтике.

Начало кампании 1714 года задержалось из-за позднего наступления весны. Только в конце апреля Нева наконец освободилась ото льда. Волей Петра флот сразу же пришел в движение. В этом году русский царь замыслил с помощью флота перенести военные действия на территорию Швеции. Корабельный флот должен был развернуться в районе Ревеля и, соединившись с датским флотом, дать генеральное сражение шведам. Перед галерным же флотом стояла задача прорваться к Аландским островам и содействовать сухопутным войскам в наступлении на приморских направлениях. Содействие заключалось в высадках морских десантов, перевозках войск, боеприпасов и провианта, а также в прикрытии приморских флангов своих сухопутных войск.

Учитывая характер театра военных действий на Балтике, Петр строил одновременно корабельный (парусный) и галерный (гребной) флоты. Первый предназначался для ведения боевых действий в открытом море, а второй — для действий в прибрежных районах и в шхерах. К началу кампании 1714 года ему удалось создать сильнейший на Балтике галерный флот, которого в те годы не имела ни одна держава. В его составе было 99 полугалер и скамповей. Строили эти суда на Галерной верфи в Петербурге под руководством галерного мастера Ю.А.Русинова.

Это были плоскодонные суда (осадка с грузом самой крупной 20-баночной галеры составляла всего 1,52 метра) с длинным узким корпусом, имевшие небольшую высоту надводного борта. Впереди выступал напоминавший таран шпирон. За шпироном в носовой части размещался достаточно просторный помост, на котором устанавливались орудия. В диаметральной плоскости находилась 6-фунтовая пушка, называвшаяся куршейной. Справа и слева от куршейной пушки размещались по два 3-фунтовых орудия и по четыре 2-фунтовых баса.

Абордажные команды имели на вооружении ручное огнестрельное и холодное оружие: фузеи со штыками, пистолеты, шпаги, палаши, копья, алебарды, полутики. Команда была вооружена мушкетонами, пистолетами, палашами и абордажными топорами.

Вдоль всего корпуса по диаметральной плоскости над банками возвышался помост, называвшийся куршеей. Это была своего рода дорожка, по

которой солдаты абордажной команды могли быстро перебежать с кормовой части в носовую, и наоборот. Куршея прикрывалась смолёными брезентовыми навесами.

В кормовой части размещалась обтянутая брезентом каюта капитана. На случай абордажа гребные суда имели длинные деревянные сходни или мостики с набитыми на них ступеньками. Они напоминали ворон, впервые примененный римлянами в Липарском сражении в 260 году до н. э.

Полугалеры вмещали до 300, а скампавети — до 150 человек. Эти суда имели по две мачты с косыми (треугольными) парусами. Конструктивные особенности таких судов позволяли действовать на мелководье практически в любом районе Балтийского моря. Суда отличались высокой маневренностью и сильным артиллерийским вооружением. Их слабой стороной, пожалуй, была только невысокая мореходность. При сильном волнении их заливало водой.

Кроме военных судов было построено множество провиантских — своего рода плавучий тыл. Командирами на эти суда назначались стольники, в том числе члены княжеских фамилий: Голицыны, Оболенские и Волконские.

9 мая 1714 года галерный флот оставил Петербург и направился к Котлину. Его командиром был генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин. Весь галерный флот делился на три эскадры (по 33 судна в каждой): авангард, кордебаталию и арьберггард. В свою очередь каждая эскадра делилась на три равные дивизии. Авангардом командовал корабельный шаутбенахт Петр Михайлов, то есть царь, а арьберггардом должен был командовать галерный шаутбенахт И.Ф.Боцис, но он скончался на борту галеры в ночь перед выходом. Царский судовой штандарт подняли на галере «Святая Наталья».

Федор Матвеевич Апраксин — ближайший сподвижник Петра I в 1693 году был назначен двинским воеводой и губернатором Архангельска, где наблюдал за постройкой в Соломбале первого казенного торгового корабля. В 1696 году он участвовал во втором Азовском походе, а в 1699 году — в Керченском. В 1700 году царь назначил его во главе Адмиралтейского приказа, ведавшего снабжением и строительством флота. В 1707 году Апраксин получил чин адмирала и стал президентом адмиралтейств, а со следующего года начал получать генерал-адмиральское жалование в 7 тысяч рублей в год и подписываться генерал-адмиралом. Таким образом, Апраксин явился первым в России генерал-адмиралом. За всю историю флота это высшее звание носили шесть человек: графы Ф.М.Апраксин и А.И.Остерман, князь М.М.Голицын, император Павел I, великие князья Константин Николаевич и Алексей Александрович. В 1710 году за взятие Выборга Петр наградил Апраксина орденом Святого Апостола Андрея Первозванного и золотой шпагой, украшенной бриллиантами. А в 1717 году его назначили первым президентом Адмиралтейств-коллегии. По случаю победы

в Северной войне и подписания Ништадтского мира Апраксин пожалован кейзер-флагом, который он впервые поднял в 1722 году во время Персидского похода Петра I.

Корабельный флот сосредоточили в Кронштадте. В его составе находилось девять линейных кораблей, пять фрегатов и четыре шнявы, имевшие более 600 пушек. Затем в Ревель прибыли купленные в Англии и Голландии и построенные в Архангельске суда. Численность Котлинской эскадры была доведена до шестнадцати линейных кораблей, восьми фрегатов и шняв. Число пушек превысило тысячу стволов, а экипажей — семь тысяч человек. Командовал этим флотом находившийся недавно под судом капитан-командор Вейнбрант Шельтинг. В 1704 году его приняли на русскую службу из голландского флота с чином капитана. В 1713 году он, будучи капитан-командором, командовал кораблем «Выборг». Во время погони за неприятельскими крейсерами его корабль выскочил на камни и затем был сожжен. За это Шельтинга по суду понизили в чине: он стал младшим капитаном.

По первоначальному замыслу Петра I, главная роль в кампании отводилась корабельному флоту, поэтому 11 мая он перенес свой флаг с галеры на один из кораблей и принял командование всем корабельным флотом. Через девять дней корабельный и галерный флоты покинули Котлин и направились в Выборгский залив. Вдоль берега шел галерный флот, а парусники — мористее, прикрывая гребные суда от нападения шведского флота с моря.

На этапе развертывания полугалеры и скампаваи шли под парусами, а при сближении с неприятелем и в ходе самого сражения — на веслах. Обычно на одном весле работали от трех до пяти солдат-гребцов. В западных флотах это были невольники, прикованные цепями к банкам, а в русском — как правило, провинившиеся солдаты и матросы. При хорошо отработанной технике гребли в тихую погоду суда могли развивать скорость до 6 узлов.

Главными навигационными приборами служили магнитный компас, капитанские солнечные часы, песочные часы, ручной лаг и лот.

Как и полагалось, галеры несли флаг и вымпел. Кормовой флаг представлял собой красное полотнище с косицами, в верхнем крыже которого в белом прямоугольнике помещался синий Андреевский крест. Для передачи сигналов на галерах имелись так называемые сигнальные флаги, которые также служили флагами расцвечивания в торжественные дни.

Ночью галеры приставали к берегу, где команды устраивались на ночлег. В штормовую погоду галеры вытаскивали на берег.

Итак, 20 мая 1714 года корабельный и галерный флоты выступили в поход. Корабельному флоту предстояло вначале прикрывать галеры, а затем следовать к Ревелю для встречи со шведским флотом. Вступить в сражение

с неприятелем Петр решил только в случае, если русский флот по численности судов будет не менее чем на треть превосходить противника. Такое решение, возможно, и было оправданным, поскольку русский флот еще не имел опыта ведения сражений в открытом море. Петр рассчитывал на помощь датского флота. Но события развивались не так, как этого хотел Петр. Датчане с помощью не спешили, а шведы особой активности на морском направлении не проявляли.

Однако Петр не бездействовал. Во время стоянки у Ревеля он усиленно занимался боевой подготовкой. Корабли часто выходили в море, где проводили учения по эволюциям и применению артиллерии. Петр строго взыскивал за нерадивость. Несоблюдение места в строю в походе или при экзерциции с виновного вычитывали сумму месячного жалованья.

Вскоре Котлинскую эскадру постигло несчастье: начались массовые заболевания личного состава. Экипажи кораблей пришлось перевести на берег и приступить к обкуриванию судов, что в те годы было единственным и далеко не эффективным средством борьбы с распространением инфекций. Неожиданно перед Ревелем появилась шведская эскадра из шести кораблей. Но шведы не подозревали об отсутствии на русских кораблях команд, поэтому не решились дать сражение. В этих условиях Петр совершенно оправданно перенес главное направление с морского (от Ревеля) на приморское, где действовал галерный флот во главе с Апраксиным.

Переход галер проходил в сложнейшей ледовой обстановке. Сказывались слабая подготовка гребцов и незнание навигационной обстановки. К тому же между морскими и армейскими начальниками из-за разного рода пустяков часто возникали ссоры. В этих условиях 29 мая 1714 года Петр I вынужден был подписать «Указ о разграничении власти морских и сухопутных начальников на кораблях»:

«Понеже происходят некоторыя противности между морских и сухопутных офицеров, того для сим указом объявляется.

1

Понеже каждой корабль отдан в команду одному офицеру морскому, и для того повинные его как во управлении морском, так и во время баталии слушать сухопутные, как офицеры, так и солдаты, кто б какого ранга ни был (разве явно себя кто покажет противным указом, о чем будет другой указ объявлен), понеже на нем то дело положено и на нем спросят.

2

Ежели что преступит солдат, то капитану велеть наказать его их офицеру; буде же какая ссора между матрозов и солдат будет, разыскать капитану, или кто кораблем командует, самому с офицером

сухопутным, кто старшее. А порутчикам и протчим чинам морским нижним не разыскивать и солдат не бить, разве во время бою, которые в своем деле, где они поставлены, не будут исправлять, тогда оных порутчикам и подпорутчикам тростию или шпагою бить велено.

3

Провиант иметь вместе, и о всем сухопутным офицерам спрашивать командующего кораблем офицера. Сей указ на каждом корабле публиковать, дабы неведением никто не отговаривался.

Петр.

Дан на корабле «С. Екатерины» мая 29 де(нь) 1714 году».

В целом поход проходил успешно, пока на пути продвижения галерного флота в Або-Аландские шхеры не встал шведский флот. Его гребные суда защищали прибрежный фарватер, а парусники маневрировали мористее, перекрывая выход из Финского залива в открытую часть Балтийского моря и прикрывая фланг гребных судов. Ситуация, казалось, для русских была безвыходной. В этом месте не было шхерного фарватера, по которому смогли бы прорваться русские галеры, а Гангутский полуостров далеко выступал в море, как бы разделяя финские шхеры на две части. Русским галерам предстоял более чем десятимильный переход по открытому и глубоководному участку. В сложившейся обстановке встречи с неприятельским парусным флотом было не миновать, а этого Петр не хотел, ведь противник был намного сильнее. Галеры не могли противостоять крупным парусникам в открытом море. Оказывало влияние и слабое знание навигационной обстановки. Если шведские командиры плавали давно и хорошо знали район, то русские появились здесь впервые. Они боялись посадить корабль на мель. За это царь строго наказывал.

Положение становилось очень трудным. Медлить было нельзя, так как в Або находились войска князя Голицына, у которых заканчивался провиант. Кроме того, задержка в продвижении на запад позволила бы шведам лучше подготовиться к отражению атаки русских.

В этой непростой обстановке, передав командование корабельным флотом капитан-командору В.Шельтинге, Петр I на фрегате «Святой Павел» в сопровождении шести линейных кораблей и шнявы 18 июля отправился к противоположному берегу Финского залива. Он почувствовал, что именно у Гангута развернутся главные события всей кампании. 22 июля Петр выполнил рекогносцировочный поход к мысу Гангут, чтобы лично осмотреть театр военных действий. Он убедился в том, что шведы действительно удерживали сильную позицию, преодолеть которую без вступления в генеральное сражение было невозможно, разве что по воздуху перелететь. Все пути на запад были отрезаны.

Требовались неординарные действия, и Петр решил обойти неприятеля не морем, а сушей, создав в самом узком месте полуострова Гангут переволоку. Это ему уже было знакомо. Ранее с Белого моря на Балтику сухим путем по так называемой «Государевой дороге» были переброшены две яхты и несколько гребных судов. Тогда дело завершилось взятием крепости Орешек, но там противник рядом не стоял. Тут же все приходилось делать буквально на глазах у неприятеля, который мог предпринять неожиданные действия. Риск налицо. Однако Петр был искушенным флотоводцем и понимал, что без риска воевать нельзя.

23 июля Апраксин осмотрел место будущей переволоки, длина которой оказалась чуть более 2,5 километра. Вечером к месту постройки столь необычной дороги были посланы по сто человек от каждого пехотного полка и по 50 человек от каждого батальона гвардейских полков. По этой переволоке Петр намеревался перетащить весь галерный флот, чтобы избежать встречи с главными силами шведского флота. На случай, если противник войдет в Рилакс-фиорд для встречи русских судов на месте спуска их на воду у переволоки, Петр предусмотрел прорыв части полугалер и скамповей морем, поскольку силы противника окажутся разделенными, а значит, и ослабленными. Этот замысел полностью отвечал обстановке, хотя события в последующем развивались по иному сценарию.

Шведы действительно были поставлены в затруднительное положение. Командующий их флотом адмирал Г.Ватранг к западной стороне переволоки послал эскадру, состоящую из прама «Элефант», шести двухмачтовых галер и двух шхерботов, под командованием шаутбенахта Н.Эреншельда (это передвижение шведов не осталось незамеченным русскими). Разделился и корабельный флот. У Гангута под командованием адмирала Ватранга оставались всего шесть линейных кораблей и три фрегата, остальные ушли в юго-восточном направлении. К счастью для русских, к вечеру 25 июля наступило полное безветрие. Шведские корабли стояли с обвисшими парусами. После совета флагманов Петр принял дерзкое решение: прорываться, обогнув мористее лежавшие в дрейфе шведские корабли и фрегаты. А как же переволока? Хотя по ней и не удалось перетащить ни одного судна, свою роль она сыграла, став своего рода приманкой для шведов и главной причиной разделения на части их флота, а следовательно, и его ослабления. Эскадра шаутбенахта Эреншельда оказалась как бы в ловушке.

Утром 26 июля русский галерный флот начал прорыв. Шведы пытались подтянуть свои корабли ботами и шлюпками к стремительно продвигающимся на запад русским галерам. Но галеры шли гораздо быстрее. Беспорядочная пальба со шведских кораблей создавала только шум и подбадривала русских гребцов. Неприятельские ядра падали с большими недолетами.

В первый день, уже к полудню, в шхеры прорвались 35 галер. Это был большой успех. Ватранг впал в отчаяние. В тот же день он совершил еще один просчет: вместо того чтобы подтянуть корабли поближе к берегу и не допустить прорыва оставшихся 64 российских полугалер и скампавей, он, опасаясь абордажа, приказал отбуксировать корабли мористее, создав этим маневром достаточное пространство для прорыва остальных русских судов, чем они и воспользовались на рассвете 27 июля. На этот раз русские галеры стремительно пронеслись между берегом и шведским флотом. Шведы же стали по существу сторонними наблюдателями. Их беспорядочная стрельба и на этот раз не причинила вреда русским судам. Правда, во время прорыва одна полугалера все же выскочила на мель и досталась шведам. Но эта неудача никак не могла повлиять на дальнейший ход военных действий.

Данный эпизод в реляции о Гангутской победе описан так: «В 26 день Господин Адмирал к тому месту прибыл и, по многих разговорах, взял резолюцию послать 20 скампавей, проехать мимо неприятельской флот (по-неже было тихо), что и учинено под командою капитана камендора Змаевича, брегадира Волкова и капитана Бредаля. Неприятель тотчас знак дал к походу и стал буксировать как возможно, а особливо Адмиральской корабль шлюпками и ботами буксировали скоро, и на наших зело много палили. Но, однако ж, не доносили их ядры. По том, когда видел Адмирал, что наши прошли, послал еще 15 скампавей с брегадиром Ляффортом и с капитаны Дежимантом и Грисом, которые також счастливо огребли. По том швецкой адмирал поднял белой флаг для возвращения своего вице-адмирала. В тож время, когда отправлял Адмирал скампавей, получена ведомость, что явились один фрегат и шесть галер, и два шхербота неприятельских близ того места, где намерены были мост делать. Для чего послал указ к капитану камендору Змаевичу, велено их атаковать. Но стало того дни поздно. Неприятельской вице-адмирал возвратился и соединился с флотом своим, а наш Адмирал положил пробиватца с своим флотом сквозь неприятеля.

В 27 день по утру господин наш Адмирал со всем при нем будущим флотом, с полуночи подошед, и тогож утра приближася к неприятелю, и указ дал пробиватца сквозь оног, не огребая кругом, что с помощью Божию и учинено. И так безвредно, что толко одна скампавея стала на мель, которую неприятель взял. А протчие все как суды, так и люди без вреда прошли. Хотя со всего флота стреляли по наших над меру жестоко, от которой стрельбы у одного капитана только ногу отбили».

Тем временем шаутбенахт Нильс Эреншельд готовился к отражению нападения русских судов. В Рилакс-фиорде вблизи урочища Гора Рилакс он выбрал удобное место для ведения оборонительного сражения. Как и води-

лось издревле, он поставил свои суда в линию полумесяца. В центре был 18-пушечный трехмачтовый прам «Элефант», а справа и слева — по три галеры. Всего на судах первой линии было 108 пушек. Оба фланга шведской эскадры упирались в берег. Два шхербота стояли во второй линии. Их вооружение состояло из десяти орудий. В экипажах всех судов насчитывалось около тысячи человек, в том числе пятнадцать морских и десять сухопутных офицеров. Позиция шведской эскадры была сильной. Во-первых, плотным построением Эреншельд создал и большую плотность артиллерийского огня, из-за чего оказались практически невозможными прорыв линии строя и выход в тыл. Во-вторых, диспозиция шведской эскадры затрудняла обход ее с флангов. В-третьих, стесненная акватория не позволяла ввести в сражение одновременно большое число судов.

Из-за стесненности акватории с русской стороны в сражении могли принять участие только 23 полугалеры и скампаеви. В центре строем фронта Петр поставил одиннадцать судов авангарда, а сам на отдельной галере стал позади. Такое размещение позволяло ему наблюдать за сражением и вносить соответствующие коррективы. Справа и слева в строю двойного фронта он поставил по шесть галер, по две в каждом ряду. На русских судах было чуть больше ста пушек. Таким образом, соотношение в артиллерии было примерно равным. Что же касается диспозиции, то шведы имели преимущество. Особенно сильной стороной шведской эскадры был ее центр, где стоял высокобортный «Элефант». Такое судно в абордажном бою с низкобортных галер взять крайне трудно.

Петр решил создать количественный перевес в личном составе абордажных команд. На 23 судна он посадил почти четыре тысячи человек, которыми командовал генерал А.А.Вейде.

Когда обе стороны изготовились к сражению, генерал-адмирал Апраксин все же послал к шведам парламентаря генерал-адъютанта П.И.Ягужинского. Русский парламентарь предложил Эреншельду спустить флаги во избежание «пролития христианской крови», обещав при этом ему и его личному составу хорошее обращение в плену, на что шведский флагман ответил: «Я всю жизнь служил с неизменной верностью своему королю и отечеству, и как я до сих пор жил, так и умирать собираюсь, отстаивая их интересы. Царю как от меня, так и от подчиненных моих нечего ждать, кроме сильного отпора, и, ежели он решит нас заполонить, мы еще с ним поспорим за каждый дюйм до последнего вздоха». Получив от Эреншельда отказ, генерал-адмирал Апраксин дал сигнал начать атаку неприятеля.

«Когда адмирал генерал похочет, дабы авангардии итить или послать, по рассмотрению, на обордирунг (абордаж. — *В.Д.*) к неприятелю, тогда будет поднят один флаг весь синей у тринкетовой андривели (передняя мачта. — *В.Д.*), и райна (рей. — *В.Д.*) тринкетовая к баталии поднята будет, и

выстрелить из одной пушки» — так указывалось в петровских Генеральных сигналах. Именно такой сигнал о начале сражения передал судам авангарда генерал-адмирал Апраксин.

Битва началась около двух часов пополудни и продолжалось более двух часов. Наступление велось с флангов. Русские одну за другой захватывали шведские галеры, затем «Элефант» спустил флаг. Сражение было чрезвычайно упорным. На этапе сближения с обеих сторон велась интенсивная артиллерийская перестрелка. После перестрелки из судовых пушек в дело пошло ручное огнестрельное оружие, а потом начался абордаж. В походном журнале Петра Великого об этом сражении оставлена следующая запись: «Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абордирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны». Шведы только убитыми потеряли 361 человека. На берегу вблизи места сражения были погребены 127 россиян, погибших в сражении в Рилакс-фиорде.

В этом сражении Петр сумел создать превосходство в силах на главном направлении, сосредоточив против флагманского судна противника сразу одиннадцать галер, а ударами по флангам исключил из действия часть артиллерии противника. Эреншельд решил, что со стороны русских последует фронтальный удар, но просчитался. Петр и тут переиграл шведского флагмана.

Все участники Гангутского сражения были награждены медалями: штаб- и обер-офицеры — золотыми, урядники и рядовые — серебряными. На лицевой стороне медали изображен Петр Великий в лавровом венке и доспехах, а на оборотной — фрагмент Гангутского сражения и надпись: «Прилежание и верность превосходит силно. Июля 27 дня 1714». Вокруг портрета Петра выбита надпись: «Царь Петр Алексеевич Вс. России Повелитель». Впоследствии была сделана еще и памятная медаль в честь этого сражения. На ней на латинском языке выбита надпись: «Первые плоды Российскаго флота».

В этом сражении особенно отличился капитан-командор Матвей Христофорович Змаевич. В русском флоте он числился с 1710 года, а прибыл в Россию только в 1712 году и сразу же был зачислен в галерный флот капитаном 1 ранга. Он командовал прорывом в Рилакс-фиорд первого отряда галер и первым блокировал эскадру Эреншельда, а в самом сражении — еще и галерами правого крыла, которые действовали особенно успешно. Змаевич дослужился в русском флоте до полного адмирала (хотя и был разжалован в вице-адмиралы за допущенные злоупотребления) и считался самым знающим и самым опытным в галерном деле.

31 июля 1714 года в Рилакс-фиорде состоялось празднование победы. После благодарственного молебна из всех орудий и ружей прогремел троекратный салют. Над захваченными шведскими судами развевались русские Андреевские флаги, под которыми висели склоненные книзу шведские. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в Гельсингфорс, а затем в Петербург. Галерный же флот ушел в сторону Аландских островов, которые и захватили без особого труда. Но путь к Стокгольму им преграждал шведский корабельный флот, в связи с чем Петр изменил план продвижения галер: они пошли вдоль финского побережья Ботнического залива на север с целью вытеснения шведов из этих районов.

Петр решил пышно отметить в новой столице первую крупную победу Российского флота. Подготовку к торжеству возглавил Александр Данилович Меншиков. Как явствует из «Журнала или поденной записки Петра Великаго», 6 сентября пленные шведские суда в сопровождении русских галер вошли в устье Невы и стали на якорь вблизи Екатерингофа. Но из-за противного ветра, дождя и тумана они простояли на якорях двое суток, снялись только утром 9 сентября. В тот день прошли основные торжества на Неве и на главной в Санкт-Петербурге Троицкой площади. По этому случаю были сооружены триумфальные ворота, через которые прошли победители и побежденные. На воротах был изображен сидящий на слоне орел и надпись: «Русский орел мух не ловит». В данном случае орел символизировал победительницу Россию, а слон — побежденных шведов, поскольку название судна «Элефант» в русском переводе означало «слон».

Первыми через ворота шли преображенцы, любимцы царя, за ними — две роты Астраханского полка. Они несли захваченные трофеи — пушки, флаги, знамена. Последними шли пленные шведские офицеры. Эреншельд шел за своим адмиральским флагом, он был в новом шитом серебром мундире, подаренном ему Петром I. Сам Петр занимал в строю место полковника Преображенского полка.

Петр I представил в Сенат донесение о Гангутской победе и письмо командующего галерным флотом графа Апраксина. Оба эти документа Петр зачитал вслух. Затем царя произвели в вице-адмиралы, а генералу Вейде, командовавшему в сражении войсками, пожаловали орден Святого Апостола Андрея Первозванного.

В этот день перед петербуржцами и гостями, в том числе и иностранцами, по Неве прошла вереница судов. Первыми следовали три российские скампавеи, за ними трофейные шхерботы, потом шесть шведских галер и прам «Элефант». Трофейные суда шли с высоко поднятыми Андреевскими флагами, под которыми были наклоненные книзу шведские. На «Элефанте», как и во время Гангутского сражения, находился Эреншельд. Вслед за

«Элефантом» шла скампавея под императорским штандартом. Из орудий Петропавловской крепости производились выстрелы — салют.

Пир в честь Гангутской победы проходил в великолепном дворце Меншикова. На банкете Эреншельд сидел между Петром I и Меншиковым. Празднование продолжалось несколько дней. На четвертый день на Неве был устроен грандиозный фейерверк, во время которого на шведских судах горела надпись: «Уловляя уловлен». Этой надписью как бы подчеркивался тот факт, что шведы хотели запереть наш галерный флот в устье Финского залива и не выпустить его в Або-Аландские шхеры, но сами оказались в ловушке, потеряв часть своего флота при Гангуте.

Петр в своем указе повелел ежегодно 27 июля отмечать день Гангутской победы. Этот день стал своего рода праздником Военно-Морского Флота. В одно время празднование победы ограничивалось только торжественным молебном. В середине XIX века традиция времен Петра Великого возродилась: 27 июля стали проводиться парады расцвеченных флагами кораблей и звучать орудийные салюты. До середины XVIII века в Петербурге, у Кронверка, существовал Мемориал русской морской славы, где хранились первые трофеи, в том числе и прам «Элефант». Затем вместо сгнивших кораблей сделали модели в память о первых победах русского флота. Хранятся они в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге. Среди этих реликвий прам «Элефант», фрегат «Данск-Эрн», шнява «Астрильд» и бот «Гедан».

При закладке 90-пушечного парусного линейного корабля «Гангут», состоявшейся в 1715 году, Петр лично заложил в его киль гангутскую медаль. Это был один из лучших и наиболее мощных линейных кораблей. В дальнейшем в русском флоте всегда числился корабль с таким названием.

Память о Гангутском сражении хранит освященная в 1722 году во имя святого Пантелеймона церковь, построенная в Санкт-Петербурге. Горожане называют ее Гангутской. Существуют две памятные доски в честь 200-летия победы при Гангуте, установленные на стене южного фасада храма в 1914 году. На одной из них перечислены наименования всех полков и морских частей, принимавших участие в Гангутском сражении 1714 года.

В 1870 году на берегу Рилакс-фиорда установили памятник русским морякам, погибшим в Гангутском сражении. В 1914 году в дни празднования 200-летия Гангутской победы офицеры награждались памятной медалью; появились серебряный рубль, серебряные и бронзовые плакетки, посвященные этому событию. На лицевой стороне плакетки изображены сражение и надпись: «Мужество Петрово при Ангуте явлено 1714», а на обороте — «В память первой морской победы. Гангут. 1714-27 июля-1914». Были изданы также сборники документов «Материалы для истории Гангутской операции».

«Добрый почин Российского флота»

Потерпев поражение при Гангуте, шведы перешли от активных наступательных действий к обороне. Они больше не решались встречаться с Российским флотом — ни с корабельным, ни с галерным. Инициатива перешла к русским морякам. Шаг за шагом они продвигались к территории Швеции и к началу 1719 года не раз угрожали Стокгольму. Шведы уже не чувствовали себя хозяевами Балтийского моря, как это было ранее. По реестру, подписанному графом Григорием Петровичем Чернышовым, к началу кампании 1719 года в составе Балтийского флота было 27 линейных кораблей, в том числе новейшие 90-пушечные «Гангут» и «Лесное». Командовал корабельным флотом шаутбенахт Петр Иванович Сиверс, будущий полный адмирал, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, кавалер ордена Святого Александра Невского.

В начале мая генерал-адмирал Апраксин получил известие о выходе из Пилау шведских кораблей и сразу же распорядился об отправке в Ревель капитана Наума Синявина, который вступил в командование отрядом, предназначенным для перехвата неприятельских судов. 14 мая Синявин прибыл в Ревель и на следующие сутки вышел в море. В его отряд входили 52-пушечные корабли «Портсмут», «Девоншир», «Ягудиил», «Уриил», «Рафаил», «Варахаил» и 18-пушечная шнява «Наталья». Свой флаг Синявин поднял на «Портсмуте» и стал командовать этим кораблем.

Наум Акимович Синявин первым из моряков русского происхождения получил чин вице-адмирала. Это был выдающийся деятель Петровской эпохи, родоначальник знаменитой морской династии. В 1698 году он начал морскую службу простым матросом. В следующем году во время Керченского похода он находился на царской галере «Отворенные ворота», где его и заметил Петр. В 1706 году, командуя шнявой «Мункер», Синявин захватил в плен шведский бот «Эсперн». В год Полтавской победы был пожалован в поручики Преображенского полка. Петр часто брал с собой этого офицера при длительных поездках и плаваниях, поручал ему перегон купленных за границей кораблей. В 1721 году Синявин назначен присутствующим в Адмиралтейств-коллегии, а в 1725 году был награжден орденом Святого Александра Невского. До последних дней жизни (умер Синявин в 1738 году в Очакове, находясь в должности командующего Днепровской флотилией) он исполнял важнейшие поручения царствующих особ, генерал-адмирала и Верховного тайного совета. В награду за долговременную и исправную службу на флоте по его просьбе высочайше повелено двух его сыновей принять на флот мичманами. Младший сын Синявина Алексей Наумович стал адмиралом, кавалером орденов Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святой Анны. Старший

сын Иван Наумович дослужился до контр-адмирала, младший сын которого Иван в 1762 году вышел в отставку в чине капитан-командора, а старший — Николай дослужился до контр-адмирала, главного командира Кронштадтского порта.

Выход кораблей в море и переход в район крейсерства прошли благополучно. На переходе отрабатывались методы подачи сигналов и способы перестроения. Только в полночь на 24 мая, находясь вблизи острова Эзель, Синявин обнаружил три судна — корабль, фрегат и бригантину. По всем признакам это были неприятельские суда. Поставив все паруса, отряд Синявина пошел на сближение. Рано утром более быстроходные «Портсмут» и «Девоншир» настигли противника. «Девонширом», кстати, командовал капитан 3 ранга Конон Никитич Зотов, который в 1724 году издал книгу «Разговор у адмирала с капитаном о команде. Или полное учение, како управлять кораблем во всякия разныя случаи». Это был первый в русском флоте труд по управлению парусным кораблем.

Сблизившись на пушечный выстрел, Синявин силой огня заставил неприятеля показать свои флаги, сам же до момента сближения в целях дезинформации противника приказал поднять шведские флаги. Как только на судах неприятеля появились флаги, на русских судах вместо шведских флагов взвились Андреевские, а на «Портсмуте» еще и брейд-вымпел флагмана. «... и с Божиею помощию, — как доносил Синявин государю от Дагеррорда 26 мая, — против командорского корабля, подняв красный флаг, стали стрелять и били друг против друга от пятого часа и даже до девятого». Во время перестрелки на «Портсмуте» были перебиты штаги и марса-фалы, отчего оба марселя оказались сбитыми, а корабль шведского капитан-командора начал уходить. Тем временем шедший в кильватер фрегат быстро приближался к «Портсмуту». Синявин сумел развернуть корабль бортом к неприятельскому фрегату и, как только они поравнялись, открыл ураганный огонь из всех орудий нижнего дека. На фрегате такого мощного огня не выдержали и спустили флаг. Примеру фрегата последовала и шедшая рядом шведская бригантина.

Оставив «Портсмут», «Девоншир» и «Наталью» у захваченных судов, Синявин приказал остальным гнаться за шведским флагманом. В начале двенадцатого часа «Рафаил» под командованием капитана 3 ранга Якова Шапизо настиг беглеца и, не теряя ни минуты, атаковал его с правого борта. В это время с левого борта на pistolетный выстрел подошел и «Ягудиил», командир которого капитан-поручик Джон Деляп вначале пошел было на abordаж, но, увидев, что вся команда неприятельского корабля выбежала наверх для отражения abordажных партий, произвел залп всем бортом по верхней палубе и такелажу. Так, совершенно случайно, взяв неприятельское судно в два огня, русские моряки применили новый тактический прием.

Через день после Эзельского боя об этом эпизоде Деляп писал своему другу капитан-командору Томасу Сандерсу следующее: «... 44-пушечный корабль (речь идет о 52-пушечном корабле «Вахмейстер». — *В.Д.*) был атакован капитаном Шапизо за полчаса до того времени, как я мог к нему приблизиться; а когда я подошел к нему на такое близкое расстояние, что мог с марсов своих бросать на его палубу гранаты, капитан Шапизо ушел так ему вперед, что не мог дать по нему ни одного выстрела. Я был так близко к нему, что такелаж мой пострадал до такой степени, что для завладения призом я не мог спустить своей шлюпки так же скоро, как капитан Шапизо, что дало ему право приписывать себе честь завладения призом. После этого я могу сказать, что я срубил куст, а он зайцем убежал. Потеря моя в людях состоит из убитых: комиссара, гардемарина, трех матросов и двух солдат и девяти раненых. На корабле капитана Шапизо не было никакой потери в людях, кроме лейтенанта Китера, который был смертельно ранен и того же дня умер».

Тем временем «Портсмут», на котором устранили повреждения в такелаже, вместе со шнявой «Наталья» начали сближаться с флагманским кораблем противника. Шнявой командовал лейтенант Степан Лопухин. Этот офицер дослужился до генерал-лейтенантского чина и завершил службу в должности Архангельского губернатора.

Получив серьезные повреждения, шведский корабль вскоре спустил флаг. О заключительном эпизоде боя шведский флагман так доносил шаутбенахту Сиверсу: «... я тогда стал между двух кораблей: один на лювартную (левую. — *В.Д.*), а другой на анлей (правую. — *В.Д.*) сторону, и как мы несколько времени на безпрестанном пушечном бое бились и капитан Деляп ко мне придвинулся ближе, и хотел абордировать, и я потому послал всех своих людей на верх, чтобы сдержать такой бортный бой (абордаж. — *В.Д.*), и как он капитан Деляп то увидел, паки немного от меня отворотил и выпалил на меня всем лагом по моему кораблю; и тогда он у меня испортил много такелажа, таже и руля, что мне невозможно было корабль свой править, понеже что оный мой корабль с такой жестокой пальбы со всех сторон весьма поврежден; и как всех своих людей паки послал наниз к пушкам, увидел я, что другие два корабля задние стали гораздо ко мне приближаться, один на люварт, а другой на анлей, и корабль мой, как выше объявлено, весь был поврежден от такой непрестанной и долгой пальбы; так я приказал спустить флаг для отдачи своего корабля, и понеже флашток-фалы избиты были и мой флаг на половину флаштока висел, приказал я белый флаг поднять... и приказал людям моим перестать палить из пушек, и от помянутаго капитана Деляпа еще лаг получил (полный залп бортом. — *В.Д.*), в котором и меня ранили. Что прочее учинено, мне неизвестно, понеже что я велел себя принести к лекарю, чтобы перевязать мои раны. А меня взяли на корабль к капитану Шапизо».

Плененным оказался 52-пушечный корабль «Вахмейстер» под брейд-вымпелом капитан-командора Врангеля. Ранее сдались 35-пушечный фрегат «Карлскрон-Вапен» и 12-пушечная бригантина «Бернгардус». Всего на неприятельских судах было 99 пушек. Экипажи шведских судов состояли из 11 офицеров и 376 нижних чинов. На кораблях русского отряда было 330 пушек и 1930 человек команды. Если учесть, что в бою «Уриил» и «Варахаил» не участвовали, а это 104 пушки и 582 человека команды, то все равно превосходство русских было более чем двукратным.

В ходе боя у шведов до 36 человек убитых и 14 раненых. На русском отряде убитых и раненых оказалось 18 человек.

Это был первый в истории Российского флота действительно морской бой с применением только артиллерии. До этого все морские бои и сражения завершались абордажем. Петр I назвал Эзельский бой «добрым почином Российского флота» и собственноручным письмом благодарил Сиявина за одержанную победу и произвел его сразу (через чин) в капитан-командоры.

У потомков Наума Акимовича Сиявина долго хранилось это письмо.

«Господин Капитан!

Письмо ваше, от 26 Мая писанное, я в Петербурге в 30 день получил, которое нас зело обрадовало сим добрым почином флота Российскаго, за что вас зело благодарствую и всех с вами трудившихся, и имею указ от Его Величества при прибытии в Ревель вам всем объявить его милость; а что долго вам не ответствовал, то для того понеже на завтра той ведомости пошли в Кроншлот и чаяли скоро прибыть в Ревель, но за противными ветры и по сие время стоим здесь, того ради сие письмо к вам посылаем.

Петр.

С корабля «Ингерманландии». В 8 день Июня 1719 года».

Все участвовавшие в бою у острова Эзель получили следующие чины и по рангам золотые медали. За взятие неприятельских судов на суда отряда Сиявина дали одиннадцать тысяч рублей. В память о бое была выбита медаль с надписью: «Прилежание и верность превосходят сильно».

30 мая 1719 года в Петербурге был спущен на воду 66-пушечный корабль «Исаак Виктория», названный в честь морской победы у Эзеля. Именно в день Святого Исаакия Петр I получил известие об этой победе. Строил этот корабль один из лучших корабельных мастеров Осип Най, а его первым командиром Петр назначил главного «виновника» победы — капитан-командора Наума Сиявина. Государь повелел вооружить корабль к осени того же года, что и было сделано в полной исправности.

Победа при Гренгаме

Новый 1720 год начался с громкой победы Российского флота на Балтике. В январе отряд в составе шнявы «Наталия», галюта «Элеонора», пинка «Принц Александр» и двух гукаров под командованием капитана 3 ранга Франца Вильбоа захватил шедшие из Стокгольма в Данциг два шведских судна, груженных артиллерией. На взятых галиоте и гукоре находилось 38 медных пушек, в том числе девять пушек и две мортиры, потерянные русскими под Нарвой в самом начале Северной войны.

В 1720 году в Российском флоте произошло заметное событие — был принят первый Морской устав. Известно, что еще в апреле 1710 года вышли из печати «Инструкции и артикулы военные, надлежащие к Российскому флоту», явившиеся прообразом Морского устава. Окончательную правку этого документа сделал сам Петр. В письме графу Апраксину, датированном 24 марта 1710 года, он писал: «Правы морские правил и пошло незамешкав к Москве печатать». При разработке артикулов за основу были взяты статьи Крюйса, а некоторые положения заимствованы из датского морского устава. С выходом в свет артикулов была утверждена присяга: «Божию милостию Петру Первому царю Россиян и пр., и пр. Обещаем и присягаем мы верным быть и Его Царского Величества указы, и под властью Его Величества, генералов, адмиралов, адмиралтейских советников, вице-адмиралов, контр-адмиралов, комендантов, капитанов и иных глав, высокопомянутого Его Величества над нами поставляемых, указы и приказы почитать и послушно и верно исполнять, как честным и добрым людям надлежит, и впрочем поступать по артикулам и учреждениям для нашей службы сочиненным или впредь сочиняемым. В чем да поможет нам Господь Бог Всемогущий».

Тогда же закладывались основы для создания первого Морского устава. В 1715 году во Францию был направлен капитан-поручик К.Н.Зотов с поручением: «Все, что ко флоту надлежит на море, отыскать книги, также чего нет в книгах, а от обычая чинят, то помнить и все перевести на славянский язык нашим штилем, только храня то, чтоб дела не проронить, а за штилем их не гнаться. То описание учинить на двое: одно об адмиралтействе, другое о флоте... и все, что к обоим сим принадлежит, какого звания дело ни есть, все описать». В мае того же года Петр писал князю Куракину в Голландию: «Правы морские воинские да штат адмиралтейский мы ныне собираем всех государств, кои флоты имеют, и уже датский, французский и голландский переведены; требуем английского, что потрудитесь прислать немедленно».

13 января 1720 года, наконец, был объявлен указ об издании Морского устава, а 13 апреля опубликован сам документ под заглавием «Книга устав

морской, о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море». Во введении к уставу Петр определил значение флота в системе вооруженных сил страны: «Сие дело необходимо нужно есть государству (по оной пословице, что всякий potentant, который единое войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет)...».

В апреле—мае 1720 года галерный флот под командованием участника Гангутского сражения будущего генерал-адмирала князя М.М.Голицына высадил на шведский берег крупный десант, который сжег два города, разорил 41 деревню, захватил несколько каботажных судов и богатые трофеи. Успехи русского флота сильно обеспокоили англичан, которые не желали иметь на Балтике сильного соперника. Бывшие союзники России англичане теперь примкнули к шведам. 18 мая на острове Котлин Петр I подписал знаменитый указ: «... Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело». К концу месяца к Ревелю подошла объединенная англо-шведская эскадра в составе 35 вымпелов, в том числе 25 линейных кораблей. Но эта демонстрация не испугала русских, наоборот, они стали действовать еще активнее. Самым значительным в кампанию 1720 года было Гренгамское сражение.

С переходом англо-шведского флота от Ревеля к шведским берегам русский галерный флот по приказанию Петра I перешел с Аландского архипелага в Гельсингфорс, оставив для наблюдения за передвижением противника в островном районе несколько лодок. Во время очередного выхода на разведку одна из лодок села на мель и была захвачена противником, что сильно рассердило царя, и он приказал галерному флоту возвратиться в архипелаг.

Во второй половине июля командующий галерным флотом князь Голицын снялся с якоря и направился в Аландские шхеры. В составе его флота находились 61 галера и 29 лодок. 26 июля разведывательный отряд обнаружил стоящую на якоре между островами Ламеланд и Фритсберг шведскую эскадру в составе линейного корабля, четырех фрегатов, трех галер, трех шхерботов, шнявы, галиота и бригантины. Командовал эскадрой вице-адмирал Шеблат. Однако сразу вступить в сражение было невозможно из-за сильного ветра, который не стих и на следующий день. Голицын решил дать сражение у острова Гренгам, «где было место для наших галер способное». Но как только русские галеры подошли к Гренгаму, шведы снялись с якоря и пошли на сближение. Их флагман считал свою эскадру намного сильнее.

Возможно, в открытом море это могло быть и так, но в шхерах господствовали галеры. Голицын это преимущество и использовал. Вначале он стал отступать в шхеры, где с парусными судами трудно было управляться. Галеры же были в родной стихии. Они ведь и строились для действий

в шхерах и у побережья. В погоне шведы не заметили, как попали в ловушку. Голицын перешел в решительное наступление. Первые два фрегата пытались развернуться к подходившим русским галерам лагом, но не хватило места, и они выскочили на мель. Их сразу же окружили галеры и после жаркой схватки взяли на бордаж. Два других фрегата из-за повреждения парусов отстали от основных сил. Шведский флагман только теперь понял, что попал в ловушку, и попытался из нее выбраться. Если гребные суда ретировались без особого труда, то капитану линейного корабля пришлось проявлять находчивость. Выполнив самый сложный маневр, флагман ускользнул, а фрегаты оказались добычей русских.

Об этой победе князь Голицын докладывал графу Апраксину следующее: «... я, осмотря и призвав генералитет, полковников и подполковников, имели совет и предложили, чтоб того дня выйти в гавань к острову Грейнгаму и, когда погода будет тихая, а оные суда далече не отступят, чтоб абординовать. И как мы в тое гавань стали, то оныя суда и еще прибылыя с вице-адмиралом Шеблат, на парусах шли к нам в пролив, чего невозможно было начаться; однако ж для погоды имели отступить в прежнюю свою гавань, а оные за нами ж азартовали. И усмотря, что так далеко к заливу пробились, а отмели и камня много, принуждены в надежде поиска абординовать и, как стали к ним пригребать, и оных, во оборотах, для пушечной стрельбы и в ретираде и что снасти перебиты, стало на мель два фрегата, которые хотя не с жестоким только абординунгом достали, а два фрегата взяты абординунгом на парусах на свободной воде. А достальные вице-адмиральский корабль и прочие ретировались, однако ж по возможности гнали и от вице-адмиральского корабля от кормы видели в воде доски; а нам за ним больше следовать не допустило за погодой, а паче что близко к морю и место широко, також и с моря еще два судна показались, а ежели б затихло, то бы ни одного судна весьма не упустили».

Сильный ветер и появление подкрепления спасли шведов от полного разгрома. Однако добыча была ощутимой. Русские пленили сразу четыре фрегата: 34-пушечный «Стор-Феникс», 30-пушечный «Венкер», 22-пушечный «Кискин» и 18-пушечный «Данск-Эрн». В плену оказалось 407 шведов, 103 человека были убиты. На русских галерах 82 человека были убиты и 246 ранены.

Петру I был представлен такой реестр:

«...Первый фрегат «Шторфеникс» в 34 пушки; на нем взято морских офицеров:

Капитан Гансфейр Штроле.

Порутчик Якон Сиверс.

Штурман — 1.

Шхиперов, констапелей и прочих обер служителей морских — 10.

Матросов — 99.

И того — 12.

Всего взято и побито — 102 человека.

Взято пушек:

6-фунтовых — 18.

Всего на вышепомянутых 4 фрегатах взято офицеров и прочих морских служителей, так же и сухопутных — 407.

Убито — 103.

Всего в полон взято и убито — 510 человек.

Пушек разных калибров взято — 104.

На тех же фрегатах взято пушечных ядер, картеч ручных, ядер, пороху, и прочей аммуниции не малое число».

Сражение было настолько ожесточенным, что из 61 галеры 43 из-за сильных повреждений впоследствии пришлось сжечь, а разбитую 30-весельную галеру «Вальфиш» сожгли при урочище Фрисбург в ходе сражения. О напряжении сражения красноречиво говорит и расход боезапаса: с галер было выпущено 31 506 патронов и 23 971 зарядов картечи.

Об этой победе Петру I сообщили в день Преображения (6 августа) при выходе его из церкви Святой Троицы. Царь тут же возвратился в храм и приказал служить благодарственный молебен. По случаю победы Петр писал Меншикову: «Правда, не малая виктория может причесться, а наипаче, что при очах английских, которья равно шведов обороняли, как их земли, так и флот».

В Петербурге победу праздновали три дня. Взятые фрегаты с триумфом ввели в столицу. Петр приказал эти трофеи хранить вечно. Была отчеканена медаль и установлено наравне с Гангутским церковное празднество. На медали выбита надпись: «Прилежание и храбрость превосходят силу». Князь Голицын за победу получил усыпанные бриллиантами шпагу и трость, офицеры — золотые медали с цепями, а нижние чины — серебряные. За взятие 104 пушек выдано на команды 8960 рублей призовых. Гренгамская победа была засчитана при производстве Михаила Михайловича Голицына в генерал-фельдмаршалы в 1725 году.

Бой при Гренгаме явился последним сражением Северной войны, продолжавшейся более двадцати лет. Швеция, измотанная и обессиленная, потерявшая значительные территории при поддержке новых союзников, надеялась на уступчивость России. Но Петр I занял жесткую позицию. В кампанию 1721 года он планировал завершить войну захватом Стокгольма.

Всю зиму флот усиленно готовился к раннему выходу в море. В Петербурге спустили на воду «зело благополучно» 80-пушечные трехпалубные корабли «Святой Андрей», «Фридемакер» и 66-пушечный двухпалубный «Святая Екатерина».

Корабельный флот довели до 27 вымпелов, несших более двух тысяч орудий. Галерный флот имел 171 судно.

Заметим, что еще в 1709 году русские не имели на Балтике ни одного линейного корабля. Первый 54-пушечный корабль «Полтава» был заложен на Адмиралтейской верфи в Петербурге 5 декабря 1709 года. К концу Северной войны Петр создал флот, который не уступал ни одному флоту мира. Примечателен тот факт, что для этого русскому царю потребовалось каких-то четверть века, тогда как другие страны строили свои флоты не одно столетие.

Всего за период царствования Петра I было построено более тысячи судов, в том числе 104 линейных корабля, 28 фрегатов, 305 полугалер и скампавей.

Длина парусных линейных кораблей петровского периода достигала 50, а ширина — 14 метров. На их вооружении находилось до 90 пушек, численность экипажа доходила до 800 человек, треть из которых составляли морские солдаты, а остальные были матросами и пушкарями. В экипаже матросы несли судовую службу, а солдаты — караульную, участвовали в абордажном бою и высаживались в десантах. Фрегаты имели длину до 30, ширину до 8 метров, а их вооружение состояло из 28—32 пушек. Экипажи некоторых фрегатов доходили до 220 человек. Срок службы судов исчислялся почти 10 годами, включая время после тимберовки.

В 1720 году все парусные корабли, кроме мелких, разделили на три ранга: к первому относились трехпалубные корабли, ко второму — двухпалубные, а к третьему — фрегаты. В первой половине 1723 года под руководством и при участии Петра приступили к разработке «Табели о корабельных пропорциях», а в начале следующего года этот документ был готов. В нем впервые предусматривалась постройка 100-пушечных кораблей длиной 54,43 и шириной 15,09 метра (без досок обшивки).

Шведы к началу кампании 1721 года смогли подготовить только одиннадцать кораблей, три фрегата и брандер. 30 августа в Ништадте был подписан мирный трактат. Согласно договору, шведский король «... уступал за себя и своих потомков и наследников свейского престола его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное, неприкосновенное вечное владение и собственность, в сей войне через его царского величества оружие от короны свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, с городами и крепостями: Ригой, Динамюндом, Перновойю, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими упомянутыми провинциям, подлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, берегами, с островами: Эзель, Даго, Меном и всеми другими от

Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам...».

Целую неделю в Петербурге праздновали победу в Северной войне. На пиршество было приглашено более тысячи персон. 22 октября в церкви Святой Троицы после литургии и прочтения мирного трактата от имени народа Сенат просил царя за его труды, заслуги и благодеяния, оказанные отечеству, принять титул «Отца Отечества, Великаго и Императора Всероссийскаго». Петр принял также чин адмирала красного флага. По случаю заключения мира граф Апраксин получил кейзер-флаг, то есть был утвержден в звании генерал-адмирала, Крюйса произвели в полные адмиралы, Сиверса и Гордона — в вице-адмиралы, Наума Синявина, Сандерса и Фангофта — в контр-адмиралы, а Гослера, Бредаля и Ивана Синявина — в чин капитан-командора.

Не менее пышно проходили торжества и в Москве. 10 декабря Петр Великий отправился в первопрестольную. В московских торжествах морской элемент занимал доминирующее положение. Проследовавшая по Тверской процессия состояла из моделей судов разных классов. Впереди ехал «князь-папа с компанией», за ними — Нептун в карете в виде морской раковины, затем на золоченой шлюпке следовал князь Меншиков, а на роскошной галере — генерал-адмирал Апраксин. На всех судах были гребцы, имитировавшие греблю, полозья же были спрятаны. Создавалась полная видимость передвижения по воде. За шлюпками с лоцманами на парусном корабле следовал сам царь, исполнявший должность капитана. Гремела музыка, раздавались пушечные выстрелы и крики ура! Впервые были отданы почести ботику, с которого начались морские увлечения юного Петра. Ботик, названный Петром «дедушкой русского флота», стоял на территории Кремля, на изготовленном специально для него постаменте с изображением аллегорических картин. На гравюре, исполненной в России в честь подписания Ништадтского мирного трактата, были такие слова: «Конец сей войне таким миром получен ничем иным, токмо флотом...».

В бой идут брандеры

есть Всероссийскому флоту! С 25 на 26 неприятельский военный... флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во всем Архипелаге... господствующими» — так доносил адмирал Спиридов в Адмиралтейств-коллегию о Чесменском сражении 1770 года. Но прежде чем произошло это знаменитое сражение, были переход эскадр Российского флота из Балтийского моря в Средиземное, вошедший в историю под названием первой Архипелагской экспедиции, высадка морских десантов и сражение в Хиосском проливе.

Мысль о посылке эскадр в такую даль возникла у графа Алексея Орлова. «Эскадра наша, — доносил он императрице Екатерине II, — от осьми до десяти линейных кораблей, и на которой несколько войск наших посажено будет, великий страх причинит туркам, если достигнет до наших мест; чем скорее, тем лучше. Слыша о неисправности морской турецкой силы, о слабости их с сей стороны, надежно донести могу, что она не только великия помехи причинит им в военных приуготовлениях, поделает великое разорение, понанесет ужас всем магометанам, в кураж и ободрение православным, и более страшна им может быть, нежели все сухопутное войско». Долго уговаривать императрицу не пришлось. Она приказала готовить корабли к посылке в Средиземное море. Командующим первой эскадрой назначили адмирала Григория Андреевича Спиридова. В день выхода из Кронштадта эскадру посетила Екатерина II. В качестве аванса она наградила Спиридова орденом Святого Александра Невского и вручила флагману образ Иоанна Воина. В эскадру входили корабли «Святослав», «Три Иерарха», «Ианнуарий», «Европа», «Три Святителя», «Северный орел» и «Святой Евстафий», фрегат «Надежда благополучия», бомбардирский корабль «Гром», четыре пинка и два посыльных судна. Всего на судах эскадры было 640 пушек. На борту кораблей и судов находилось 5582 человека, в том числе 3061 матрос, 1106 морских солдат, 448 морских артиллеристов и 967 солдат Кексгольмского полка, сухопутных артиллеристов и мастеровых.

Итак, 18 июля 1769 года эскадра Спиридова покинула Кронштадт. Свой флаг адмирал поднял на 66-пушечном «Евстафий». Из-за противных ветров только 30 августа эскадра пришла в Копенгаген. Здесь к ней присоединился шедший из Архангельска «Ростислав». Пополнив запасы провианта и воды, эскадра двинулась дальше. Переход был непростым: от частых штормов корабли получали серьезные повреждения и должны были заходить в иностранные порты для починки. Но самое неприятное случилось позже — начал болеть личный состав. При подходе к Англии на эскадре было более 600 больных. В последующем не было дня без смертельных исходов. Когда эскадра вошла в Средиземное море, скончались более 300 человек.

Европа несколько надменно наблюдала за походом русской эскадры. Императрица обеспокоилась, а турецкий султан не верил в то, что корабли смогут из Кронштадта дойти до берегов Турции.

Тем не менее 9 октября того же года из Кронштадта вышла вторая эскадра. Ею командовал принятый на русскую службу английский контр-адмирал Эльфинстон. Плавание этой эскадры проходило в такой же сложной обстановке: были и штормы, и повреждения, и, что особенно прискорбно, заболевшие и умершие. Линейный корабль «Тверь» не смог покинуть Балтийское море. Получив повреждения в рангоуте и такелаже во время шторма, он вернулся в Кронштадт. В Средиземное море из этой эскадры пришли корабли «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка», пинки «Орлов» и «Панин». На борту эскадры Эльфинстона было 3300 человек, а его флаг развевался над 80-пушечным «Святославом».

Это был первый в истории групповой переход кораблей из одного моря в другое. Даже при всех этих неудачах Екатерина II радовалась тому, что флот наконец достиг Средиземного моря. По этому случаю она приказала отчеканить медали с надписями: «До Геркулесовых столпов», «Дошли туда, куда никто не доходил». Однако медали по неизвестной причине так и не были выпущены.

С первого дня пребывания в Средиземном море русский флот, которым командовал граф Орлов, настойчиво искал встречи с турками. 23 июня в пять часов вечера на «Ростиславе» появился сигнал: «Вижу неприятельские корабли». Турецкий флот стоял на якоре между островом Хиос и Анатолийским берегом. В его составе находились шестнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов и до 60 галер, шебек и галиотов. Командовал флотом Джейзайрмо-Хассан-Бей. Капудан-паша Хассан-Эддин находился на берегу. «Увидя такое сооружение, — доносил императрице граф Орлов, — я ужаснулся и был в неведении: что мне предпринять должно?» После совета флагманов решили атаковать неприятеля утром 24 июня.

В составе объединенных эскадр графа Орлова было девять линейных кораблей: авангард — «Евстафий», «Европа» и «Три Святителя»; кордебаталия — «Три Иерарха», «Януарий» и «Ростислав»; арьергард — «Не тронь меня», «Святослав» и «Саратов». Авангардом командовал Спиридов, кордебаталией — Орлов, а арьергардом — Эльфинстон. Фрегаты «Надежда благополучия», «Африка» и «Святой Николай», бомбардирский корабль «Гром», пакетбот «Почтальон» и транспорты «Орлов» и «Панин», а также несколько греческих судов держались в стороне. Решили атаковать неприятеля, сближаясь с ним в традиционной линии баталии.

В одиннадцать часов утра начали сближение. Первым шла «Европа», за ней «Евстафий» под флагом Спиридова. Как только корабли сошлись на

пушечный выстрел, с турецких судов открыли ураганный огонь. Однако велся он беспорядочно и никакого вреда русским кораблям не причинял. Только сблизившись на пистолетный выстрел, Спиридов поднял сигнал: «Начать бой с неприятелем!». На всех русских кораблях, кроме стеньговых, были подняты Иерусалимские флаги: этим Орлов хотел подчеркнуть, что русский флот защищает христианство от ислама.

При сближении «Европы» с неприятелем командир корабля капитан 1 ранга Федот Клокачев из-за настойчивых требований греческого лоцмана (во избежание посадки на мель) вынужден был сделать поворот и выйти из строя. Спиридов же подумал, что «Европа» вышла из строя, не выдержав турецкого огня. «Поздравляю вас матросом! — прокричал вдогонку Клокачеву Спиридов.

Впоследствии за Чесменское сражение Федот Алексеевич Клокачев получил орден Святого Георгия 4-й степени. В 1776 году он был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим Азовской военной флотилией и портами, а в 1783 году в чине вице-адмирала стал первым командующим Черноморским флотом.

Сам же Спиридов с необычайным хладнокровием ходил по шканцам и отдавал распоряжения. На груди у него висел образ Святого Иоанна Воина, подаренный императрицей в Кронштадте. На юте «Евстафия» играла музыка.

После полудня «Евстафий» борт о борт сошелся с турецким кораблем «Реал-Мустафа». Бушприт «Евстафия» воткнулся в «Реал-Мустафу» между грот- и бизань-мачтами. Абордажные команды бросились на турецкий корабль. Завязалась ожесточенная схватка. Один из матросов вцепился в турецкий флаг, неприятельской саблей отрубило смельчаку руку, он протянул левую руку, но и она была ранена, тогда он вцепился в конец флага зубами. Но тут же был проколот насквозь. Не выдержав атаки, Хассан-Бей бросился за борт. За ним последовала вся команда. Тем временем пламя с горящего «Реал-Мустафы» перебросилось на «Евстафий». Маловетрие и избитый такелаж не позволили отойти. К «Евстафию» устремились шлюпки. Но успели снять только Г.А.Спиридова, Ф.Г. Орлова и еще нескольких человек. На одной из шлюпок командир корабля А.И.Круз отправил с донесением к графу Орлову сына Спиридова. В донесении он поспешил сообщить о захвате неприятельского корабля «Реал-Мустафа». Когда сын Спиридова прибыл на корабль к Орлову, «Евстафия» уже не было; остались лишь плавающие обломки. Опечаленный Орлов утешился тем, что его брат Федор Орлов и адмирал еще до взрыва оставили корабль и перешли на пакетбот «Почталъон».

Командир «Евстафия» предпринимал отчаянные попытки спасти корабль. Отбуксировать корабль с помощью шлюпок не было никакой возможности.

Слишком прочно его удерживали снасти турецкого флагмана. Командир приказал залить крюйт-камеру, но и это не помогло. Горящая грот-мачта турецкого корабля упала поперек «Евстафия», и пожар стал общим, охватив и русский, и турецкий корабли. Прошло еще несколько минут, раздался оглушительный взрыв. Вначале взлетел на воздух «Евстафий», а за ним и «Реал-Мустафа». На «Евстафии» погибло 620 человек, в том числе 22 офицера, спаслись лишь командир капитан 1 ранга А.И.Круз, 9 офицеров и 51 матрос.

Шедший за «Евстафием» «Три Святителя», получив повреждения в парусах и такелаже, врезался в строй турецких кораблей. С обоих бортов этого корабля сделали 684 выстрела из пушек. Корабли кордебаталии сумели сойтись на пистолетный выстрел, а вот арьергард отстал и по существу в сражении не участвовал.

Не выдержав огня, турки начали сниматься с якорей и уходить в близлежащую Чесменскую бухту. Русский флот преследовал турок до самого входа в бухту, затем стал на якорь. Так завершилось Хиосское сражение.

О нем граф А.Г.Орлов доносил следующее: «В 10 часов сделан был сигнал к атаке, в полдвенадцати передовые корабли начали сражение, в половине первого оно сделалось общим. Как ни превосходны были силы неприятельския, как храбро оныя ни защищались, но не могли вытерпеть жаркаго нападения войск В.И.В.; по продолжавшемся чрез два часа жесточайшем пушечном и ружейном огне, наконец, принужден был неприятель, отрубя якори, бежать в великом смятении в порт под крепость, называемую Чесме. Все корабли с великою храбростию атаковали неприятеля, все с великим тщанием исполняли свою должность, но корабль адмиральский «Св. Евстафия» превзошел все прочие. Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признались, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостию. 84-пушечный неприятельский корабль был уже взят кораблем адмиральским, но по несчастию загорелся оный и сжег корабль и «Св. Евстафия». Кроме адмирала, капитана и человек 40 или 50 разных чинов, никого с оного не спаслося, оба подорваны были в воздух. Как ни чувствительна была для нас потеря линейнаго корабля, но, увидя неприятельское поражение, робость их и беспорядок, в котором они находились, утешились, получа надежду истребить оный совершенно».

Обе стороны потеряли по одному кораблю. В Чесменской бухте оказались заблокированными пятнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов, шесть шебек, восемь галер и 32 галиота. Вечером на бомбардирском корабле «Гром» контр-адмирал Грейг провел разведку боем, во время которой установил диспозицию турецкого флота. Орлов на «Трех Иерархах» созвал совет флагманов, вынесших решение — атаковать неприятеля в ночь

на 26 июня. Трудно установить, кто подал мысль использовать брандеры, которых, однако, у русских не было. В качестве брандеров предложили использовать четыре самых крупных греческих судна: они были получены от греческих священников с острова Хиос — братьев Дмитрия, Афанасия и Степана Гунаропуло. Впоследствии, спасаясь от преследования, братья бежали в Россию, где были приняты императрицей и щедро вознаграждены за помощь при Чесме. Их потомки (среди них были и флотские офицеры) проживали в Петербурге, Николаеве и Херсоне.

В приказе Орлова говорилось: «Всем видимо расположение Турецкаго флота, который... стоит в бухте от нас на SO в тесном и беспорядочном состоянии; что некоторые носами к нам, к NW, а четыре корабля носами к NO, а к нам боками, несколько из них в тесноте стоит за своими к берегу так, как в куче... Наше же дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь свободныя руки». В приказе также предписывалось подходить к неприятелю на такое расстояние, чтобы «не только нижняго дека, но и верхняя пушки были бы действительны». Брандеры же в самом начале сражения должны были держаться подальше от неприятеля, «чтобы они до настоящего дела были бы от неприятеля безвредны; дело оных состоит в том, чтобы они, пришед на неприятельский флот, зажгли его». В плане предусматривалась внезапная ночная атака специально сформированного отряда, которым командовал контр-адмирал Самуил Карлович Грейг.

В отряд Грейга включили корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка», бомбардирский корабль «Гром» и четыре брандера, командовать ими вызвались добровольцы капитан-лейтенант Дугдаль, лейтенанты Ильин и Макензи, мичман князь Гагарин. Корабли «Европа», «Ростислав» и «Саратов» должны были войти в Чесменскую бухту, «Не тронь меня» — занять место у входа в бухту, фрегат «Надежда» — подавить северную береговую батарею, а «Африка» — южную. Бомбардирский корабль, расположившись у входа в бухту, должен был метать на турецкие корабли бомбы и каркасы, брандеры же — находиться под парусами в ожидании команды Грейга на прорыв в Чесменскую бухту.

В период сражения была тихая лунная ночь. В полночь на «Ростиславе» зажгли три фонаря, сигнализирующие об атаке. Вначале несколько задержалась со снятием с якоря «Надежда», но затем сражение пошло строго по плану. Во втором часу ночи «каркас, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной материи, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и такелажу; грот-стенга

скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тот час же был объят пламенем». В этот момент Грейг подал сигнал на атаку брандерами. Пока же все четыре брандера, находясь вне зоны огня, лежали в дрейфе. Увидев сигнал, брандеры прибавили парусов и пошли на сближение с неприятелем. Каждому брандеру были назначены корабли для атаки. Грейг предупреждал командиров, чтобы они по ошибке не сцеплялись с мелкими судами, поскольку пользы от такой атаки будет мало. На каждом брандере имелся десятивесельный катер с гребцами, на котором должны были возвратиться командир и команда.

Первый брандер капитан-лейтенанта Дугдаля был перехвачен турецкими галерами и взят на абордаж. Брандер все же успели поджечь, а команда пересела в катер и оторвалась от преследования. Второй брандер лейтенанта Макензи выскочил на мель, где его подожгла команда. Сам же Макензи на катере прошел вдоль берега и сумел захватить несколько мелких судов. Удачнее других действовал лейтенант Дмитрий Ильин. Когда его брандер сцепился с наветренным кораблем противника, он буквально на глазах у неприятеля поджег брандер, затем демонстративно воткнул в него горящий брандскугель и, не торопясь, спустился в катер. Отойдя на несколько метров от горящего корабля, Ильин скомандовал: «Суши весла!» — и некоторое время наблюдал за результатами своей атаки. Турецкий корабль со страшным грохотом взлетел на воздух. Сотни горящих обломков и искр осыпали близлежащие корабли. Пожар стал общим. Брандер мичмана Гагарина, пущенный по ветру, приткнулся к уже горевшему кораблю.

Тем временем корабли и фрегаты отряда Грейга усилили огонь, а другие корабли стреляли холостыми зарядами исключительно для морального воздействия на неприятеля. К трем часам ночи противник находился в жалком состоянии: корабли горели, как факелы, и взрывались один за другим. Вся бухта была окутана дымом.

«Легче вообразить, — писал в своем журнале Грейг, — чем описать ужас, ошолобление и замешательство, овладевшие неприятелем: целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось». В четвертом часу утра по приказанию Грейга огонь прекратили. Невредимыми оставались только два корабля. Но при буксировке на один из них попали горящие обломки, и он сгорел дотла, а другой — «Родос» — стал трофеем. Кроме того, были взяты пять галер и 22 медные пушки с береговых батарей. Этим и закончилось Чесменское сражение.

Потери русской эскадры составили 11 человек, в то время как турки потеряли более 10 тысяч человек и весь флот: 15 кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов.

«Блистая в свете не мнимым блеском, — писала Екатерина II графу Орлову, — флот наш под разумным и смелым предводительством вашим нанес сей чувствительный удар Оттоманской гордости. Весь свет отдает вам справедливость, что сия победа приобрела вам отменную славу и честь. Лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся находящаяся при вас эскадра».

Императрица щедро наградила победителей. Граф Орлов получил орден Святого Георгия 1-й степени и титул Чесменского; адмирал Спиридов — орден Святого Андрея Первозванного; контр-адмирал Грейг — орден Святого Георгия 2-й степени; все командиры брандеров — ордена Святого Георгия 4-й степени и следующие чины со старшинством со дня победы; капитан-лейтенант Карташев за вывод из бухты корабля «Родос» — орден Святого Георгия 4-й степени. Всему флоту было объявлено монаршее благоволение, выдано в зачет годовое жалованье и 187 475 рублей за сожженные корабли противника. В память об этой победе была выбита медаль с изображением профиля императрицы, горящего турецкого флота и лаконичной надписью «Был».

13 сентября Екатерина II подписала интересный указ. «Граф Иван Григорьевич (Чернышов. — *В.Д.*)! Прикажите выдать пять тысяч рублей между женами и детьми в Средиземном море находящихся морских служителей по причине нынешней счастливой от Бога нам дарованной победы. Если на это в адмиралтейской коллегии лишней суммы нету, то возьмите у А.В.Олсуфьева, лишь бы порядочно роздано было».

15 сентября в Петропавловском соборе в присутствии императрицы Екатерины II и всей императорской фамилии по случаю Чесменской победы отслужили благодарственный молебен. После молебна митрополит Платон у гробницы Петра Великого произнес:

«Возстань теперь, Великий Монарх, отечества нашего отец! Возстань и воззри на любезное изобретение твое: оно не истлело от времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладись плодами трудов твоих! Флот, тобою устроенный, уже не на море Балтийском, не на море Каспийском, не на море Черном, не на океане Северском; но где? Опять на море Средиземном, в странах восточных, во Архипелаге, близ стен Константинопольских, в тех то есть местах, куда ты нередко око свое обращал и гордую намеревался смирить Порту. О, как бы твое, Великий Петр, сердце возрадовалось, если бы — но слыши! Мы тебе как живому вещаем, слыши: флот твой в Архипелаге, близ берегов Азийских, Оттоманский флот до конца истребил!»

Как и Петр I, Екатерина II со дня своего восшествия на престол уделяла большое внимание флоту и морякам. Стараясь выразить особую признательность морякам и желая поднять престиж флота, 29 июня 1763 года императрица назначила наследника престола великого князя Павла Петровича

генерал-адмиралом флота. Церемония производства в этот высокий чин была торжественной и пышной: адмиралы вручили великому князю Андреевский флаг, под которым он в сопровождении императрицы и свиты совершил плавание из Адмиралтейства в Петропавловскую крепость. По окончании богослужения в доме обер-коменданта крепости Екатерина пожаловала великому князю кейзер-флаг, под которым он покинул Петропавловскую крепость. С этого времени, несмотря на юный возраст, Павел Петрович принимал деятельное участие в морских церемониях и торжествах.

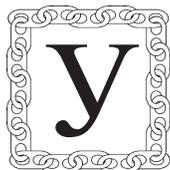
Екатерина II и ее сподвижники приложили максимум усилий для того, чтобы поднять качество судостроения. В результате подводную часть кораблей стали обшивать медью, деревянные крепления заменяли железными, верхнюю палубу стали делать непрерывной. На нижнем деке 100-пушечных кораблей стали устанавливать мощные 36-фунтовые орудия, а в 1779 году на русских кораблях появились карронады. Инициатором их внедрения был адмирал Самуил Карлович Грейг.

В 1769 году Екатерина II учредила орден Святого Георгия Победоносца 4 степеней. По статусу его давали только за конкретные подвиги в военное время: «... тем, кои... отличили еще себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для нашей воинской службы полезные советы». Это была исключительно почетная награда. Начиная с 3-й степени орден давали только адмиралам, генералам и штаб-офицерам, а с 1838 года — тем, кто уже имел орден 4-й степени. Орден Святого Георгия 1-й степени был чрезвычайно почетным и редким. За подвиги в морских сражениях его получили только два человека — генерал-аншеф А.Г.Орлов-Чесменский и адмирал В.Я.Чичагов. Генерал-фельдмаршал Г.А.Потемкин-Таврический получил этот орден за взятие Очакова.

Впоследствии русский флот в Средиземном море усиливался все новыми и новыми кораблями и полностью господствовал на этом театре военных действий. Возвратился на родину в 1775 году. Всего в Архипелагской экспедиции участвовали пять русских эскадр, в которые входило 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, бомбардирский корабль и множество мелких судов. За всю экспедицию в сражениях и боях был потерян только «Святой Евстафий», а три корабля погибли в связи с навигационными авариями.

Очаковские победы Нассау-Зигена

словия Кучук-Кайнарджийского мирного договора, и особенно присоединение к России Крыма, никак не устраивали Турцию. Она открыто шла на развязывание войны, поскольку еще и опасалась быстрого роста морских сил на юге России. 21 августа 1787 года без объявления войны одиннадцать турецких галер и кирлангичей атаковали стоявшие у Кинбурнской косы 44-пушечный фрегат «Скорый» и 12-пушечный бот «Битюг». После трехчасового боя, потопив одно турецкое судно, «Скорый» и «Битюг» отошли под прикрытие своих батарей к Глубокой пристани. 7 сентября того же года был подписан манифест об объявлении войны Турции.

В этой войне, вошедшей в историю как вторая Турецкая, большую роль сыграл созданный в 1783 году Черноморский флот. В самом ее начале в ночь с 15 на 16 сентября отличился мичман Ломбард. Командуя галерой «Десна», он вступил в бой с целой турецкой флотилией и, потопив одно судно, вынудил противника отойти к Очакову. За этим боем с берега наблюдал Александр Васильевич Суворов, который позднее писал князю Потемкину: «... атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей два часа с половиной и по учинению варварскому флоту знатного вреда сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами».

Однако командующему Черноморским флотом и портами контр-адмиралу Н.С.Мордвинову смелость Ломбарда показалась «вредным примером послушания и недисциплинированности». В сообщении к Потемкину он писал: «Хотя он поступил против неприятеля с величайшей храбростью, но как он ушел ночью без всякого повеления, то я за долг почитаю его арестовать и отдать под военный суд». Но Потемкин в отличие от Мордвинова всегда ценил инициативу и храбрость. Не мешкая, он ответил Мордвинову: «Я прощаю вину офицера. Оправдав хорошо свой поступок, уже должен быть награжден. Объяви, мой друг, ему чин, какой заблагоразсудишь». Мордвинов же не спешил с производством Ломбарда, и только после вмешательства Суворова герой получил чин лейтенанта, причем произведен он был самим Потемкиным. А к контр-адмиралу Мордвинову князь направил следующий ордер: «По засвидетельствованию генерал-аншефа Александра Суворова, уважая оказанную мичманом Жулианом Ломбардом, в сражении с турками, отличную храбрость, произвел я онаго, сего месяца 20 дня (сентября. — В.Д.), в лейтенанты. О чем дав вам знать, предписываю сим чином в Черноморский флот его причислить». Впоследствии за подвиг Ломбард получил и орден Святого Георгия 4-й степени.

Затем несколько дней кряду Ломбард предпринимал смелые рейды к Очакову, обстреливая с моря и крепость, и суда. Ему даже удалось потопить

одну канонерскую лодку. В одном из боев превосходящий в силах противник все же пленил отважного лейтенанта. Ломбарда посадили в Константинопольскую тюрьму, откуда он вскоре бежал, сушей возвратился в Россию и снова принял участие в боевых действиях гребной флотилии на Дунае. На этот раз он отличился при взятии Измаила.

Но главные события в Днепровском лимане произошли в следующем году. Взятие Очакова являлось основной целью всей кампании 1788 года. Из-за нерешительности Мордвинова, проявленной в предыдущей кампании, гребная Лиманская флотилия была выведена из его подчинения и передана под командование поступившего на русскую службу принца Нассау-Зигена, человека решительного и храброго. В 1766—1769 годах он совершил кругосветное плавание, проходившее под руководством французского капитана Бугенвиля. Его помощником стал не менее известный своими подвигами в борьбе за независимость Соединенных Американских Штатов шотландец Поль Джонс. Это его прославил в своих романах Фенимор Купер. Ему Нассау-Зиген поручил командование парусными судами.

Военные действия начались с блестящего подвига командира дубель-шлюпки №2 капитана 2 ранга Сакена. Его судно оказалось отрезанным от главных сил в районе Кинбурна. Вначале Сакен попытался уклониться от встречи с явно превосходящими силами противника. Но более легкие и быстроходные турецкие галеры все же догнали дубель-шлюпку. Так как крупные орудия находились в носовой части судна, Сакен резко развернул его и пошел прямо на неприятеля, чем в немалой степени ошеломил преследователей. Турки на время даже остановились и прекратили стрельбу. Сакен же успел спустить гребную шлюпку, которую послал к Нассау-Зигену с сообщением, что живым он не сдастся.

Тем временем две галеры пошли на абордаж, к ним присоединились еще две, завязался рукопашный бой. Исход такого боя можно было предугадать заранее. Понимал это и Сакен. Не теряя ни минуты, с горящим факелом он спустился в кюйт-камеру. Раздался сильный взрыв: вместе с русской дубель-шлюпкой погибли сразу четыре турецкие галеры. Впоследствии турки не решались сблизиться с русскими судами.

Напомню, что в русском флоте дубель-шлюпки появились в 1737 году, когда по приказанию Анны Иоанновны фельдмаршал Миних готовился к Очаковскому походу. Спустя полвека об этих судах вспомнили снова. Это были довольно крупные гребно-парусные суда, имевшие до 42 весел, не только мореходные, но и достаточно мощные, так как их вооружение состояло из 15 орудий, в том числе двух пушек 30-фунтового калибра. К началу кампании 1788 года было построено семь дубель-шлюпок.

Самые крупные столкновения между русским и турецким флотами произошли 7, 17 и 18 июня 1788 года.

7 июня турецкая эскадра в составе четырех линейных кораблей, шести фрегатов, 47 галер и мелких судов попыталась разбить эскадру Нассау-Зигена, блокировавшую Очаков с моря. Командовал этими силами капудан-паша Эски-Гассан, прозванный соотечественниками «крокодилом морских сражений». Это он командовал флагманским турецким кораблем во время Чесменского сражения 1770 года и был в числе немногих, кто спасся. Впереди турки послали разведывательно-ударную группу в составе пяти галер. За ними шли главные силы — 36 гребных судов. Корабли и фрегаты турки оставили под стенами Очакова. Русские не только отразили нападение, они перешли в решительное наступление.

В эскадру Поля Джонса входили корабли «Владимир» и «Святой Александр Невский», фрегаты «Скорый», «Николай», «Херсон», «Таганрог», «Бористень» и бот «Битюг».

В гребной флотилии Нассау-Зигена насчитывалось семь галер, семь дубель-шлюпок и семь плавбатарей и барказов. Нассау-Зиген выделил специальный отряд для нанесения флангового удара по главным силам противника. «Действие учинилось жестокое; турки пошли на нашу эскадру во всем порядке; наш огонь против них был также очень силен. При дальнейшем наступлении наш огонь турок слабел, но с прибытием капудана-паши на кирлангиче опять усилился; с прибытием на наш правый фланг резерва из трех дубель-шлюпок, двух бомбард, двух галер и одной батареи огонь с нашей стороны умножился, а с турецкой стороны пришел в ослабление. Отразив нападение турецкого флота, русский флот перешел в наступление и принудил турок отступить к Очакову». Потеряв в сражении две канонерские лодки и шебеку, турки отступили.

Об этом сражении Нассау-Зиген докладывал следующее: «Мы разбили флотилию, которой командовал капудан-паша. Отправившись сегодня утром с контр-адмиралом осматривать нашу линию, мы прибыли на правый фланг в то время, как турецкая флотилия приближалась, чтобы напасть на нашу; тогда контр-адмирал меня оставил, чтобы отдать приказания своей эскадре, и прислал мне суда, которых я ему дал. На линии сражение сделалось очень оживленным; но прибытие остальной части моей флотилии, которую привел контр-адмирал, заставило турок отступить, мы взорвали у них три судна и преследовали их до самой их эскадры; к несчастью, ветер был противный, и наши корабли не могли ее атаковать, и так мы вынуждены были возвратиться...» Спустя несколько дней Нассау-Зиген подписал и реляцию о сражении.

Если в первом сражении действия русских носили чисто оборонительный характер, то утром 17 июня обе стороны вели активные наступательные действия. Нассау-Зиген и Поль Джонс решили упредить противника, выйдя ему навстречу. На этот раз турки выставили десять линейных кораблей,

шесть фрегатов и 44 гребных судна. Сражение стало ожесточенным. Нассау-Зиген снова переиграл турецкого флагмана. Лишившись двух линейных кораблей, турки отошли. Русские захватили флаг и вымпел турецкого флагмана.

Все участники этого сражения получили медали на голубой ленте. На одной стороне медали было изображение Екатерины II, а на другой — надпись: «За храбрость в водах Очаковских». Контр-адмирал Нассау-Зиген получил орден Святого Георгия Победоносца 2-й степени, а капитан 2 ранга Федор Ахматов, капитан-лейтенанты Григорий Тимченко, Кузнецов, Тимофей Перский, Иван Поскочин, Николай Войнович, Федор Лелли, Андрей Башуцкий, Иван Быдрин и лейтенант Семен Мякинин — ордена Святого Георгия 4-й степени (за храбрость).

Фрегат «Николай» под командованием капитан-лейтенанта Петра Данилова принудил к сдаче 64-пушечный неприятельский корабль. Но Нассау-Зигену не понравилось, что турецкий корабль пленен не его галерой, а фрегатом Поля Джонса. Он приказал открыть огонь по уже спустившему флаг кораблю. Это привело турок в такое отчаяние, что они решили умереть, но не сдаться. Перестрелка снова приобрела упорный характер. Сидевший на мели другой турецкий корабль также открыл ураганный огонь. Оба фрегата пришлось сжечь.

Потеряв инициативу, турки в конце концов решили уйти из Днепровского лимана. В ночь на 18 июня они стали сниматься с якоря. Их маневр заметили с батарей Кинбурнской косы и, не теряя времени, открыли прицельный огонь. Уклоняясь от ядер, некоторые турецкие суда сели на мель. На рассвете турецкий флот атаковала Лиманская флотилия Нассау-Зигена. Атака была настолько неожиданной, что турки не успели построиться в боевые порядки. Четыре часа гремела канонада. Турки потеряли пять линейных кораблей, два фрегата, две шебеки, бомбардирский корабль, галеру и транспортное судно. Один 50-пушечный корабль попал в плен. В составе Черноморского флота он плавал под названием «Леонтий Мученик». Остальные суда спаслись бегством. Турки потеряли около шести тысяч человек, а почти две тысячи были пленены. На русской эскадре 67 человек получили ранения, 18 погибли. За это сражение Екатерина II произвела Нассау-Зигена в вице-адмиралы.

В письме к Нассау-Зигену Александр Васильевич Суворов писал следующее: «Ура! Какая слава Вам, блистательный принц! Завтра у меня благодарственный молебен».

Об этих событиях командующий сухопутными войсками галерной эскадры Николай Корсаков с борта корабля «Владимир» писал основателю Одессы Иосифу Михайловичу Дерибасу: «Я буду стараться исполнить все, о чем вы ко мне писать изволите, не взирая ни на какие личные неудовольствия.

После вашего отсутствия мы два раза прогнали неприятеля и сожгли у него семь кораблей и фрегатов, взяли два, получили до 1200 пленных с малою с нашей стороны потерю; остальные их большия суда выжили все из Лимана. Брат ваш поступал с отменным мужеством; вчерашний день он с галерою атаковал корабль и взошел на него первый, а сегодня он со своим судном дрался против пяти кораблей, в разстоянии пистолетного выстрела, при чем и получил рану пулею в левую руку и контузию в ляшку, однакож обе не опасныя; храбрые люди все ему завидуют. Я почитаю себе особливом долгом свидетельствовать перед всеми его неустрашимость и искусство, дай Боже, чтоб ему отдали всю справедливость. Алексиано в обоих сражениях, не будучи командиром, всем командовал, по его совету во всем поступали; где он, там и Бог нам помогает, и вся наша надежда была на него».

Панайоти Алексиано в 1769 году в Ливорно был принят волонтером на службу в русский флот. За храбрость в Чесменском сражении был произведен в лейтенанты и назначен командиром фрегата «Святой Павел». В сражении уже в чине капитана 1 ранга Алексиано командовал линейным кораблем «Владимир», на борту которого в том же году и скончался.

В ведомости, приложенной к реляции от 21 июня, приводилось число взятых в плен и потопленных турецких судов:

«7 июня.

- 1 бомбардирское судно с одною мортирою и двумя пушками.
- 1 канонерское с двумя пушками.
- 1 шебека.

17 июня.

- 1 корабль капитан-пашинский о 64 пушках.
- 1 корабль линейный, также о 64 пушках.

18 июня.

- 2 корабля линейных, каждый о 60 пушках.
- 3 корабля, от 40 до 50 орудий на каждом.

**Действием батареи кинбурнской на косе поставленной
и судами гребными потоплено:**

- 1 корабль бомбардирский.
- 2 фрегата, каждый о 34 пушках.
- 2 шебеки, с 28 пушками на каждой.
- 1 галера.
- 1 транспортное судно.

В плен взят один корабль о 54 пушках, который годен к исправлению и вооружению в ранг 60-ти пушечных кораблей».

По случаю побед на море в адрес Нассау-Зигена курьезное письмо направили Суворов, высказавший свой взгляд на составление реляций об

одержанных победах: «Ахиллес был возвеличен Гомером, Александр — Квинтом Картиусом, худший из историков Вольтер не отдал должного Карлу XII, а Вы самому себе причиняете еще больше зла. Ваша реляция совершенно не дает представления, это сухая записка, без тонкости, большинство лиц изображены без жизни. Ошибки парусного господина (имеется в виду турецкого адмирала. — *В.Д.*) указаны без всякого смягчения. Унижая врагов, Вы тем самым сами себя унижаете. Что еще надо? Россия никогда еще не выигрывала такого боя, Вы — ее слава! Не считая Оранского Дома, Вы соперничаете с Морицом (Морис Нассау служил в голландском флоте. — *В.Д.*). Я не придираюсь, я говорю правду. Начать надо было так: отдав приказания, я двинулся вперед. Как только занялась заря, бросился в атаку... где-нибудь в середине: их лучшие корабли преданы огню, густой дым восходит к облакам... и в конце: Лиман свободен, берега вне опасности, остатки неприятельских кораблей скованы моим гребным флотом.

Реляция, письмо, записка действует каждый со своей стороны дабы возвеличить. Довольно, принц. Вы великий человек, но плохой художник. Не сердитесь».

Гребные суда прижались к Очаковской крепости. Через четыре дня турки все же попытались их высвободить, но были отбиты береговыми батареями. 1 июля Нассау-Зиген в восьмичасовом сражении уничтожил два фрегата, четыре галеры и три мелких судна. В плен были взяты галера «Макропля» и три мелких судна.

В реляции о последнем сражении в Очаковских водах принц Нассау-Зиген записал:

«30-го июня фельдмаршал князь Потемкин отдал мне приказание уничтожить остатки эскадры, приведенной капуданом-нашой в Лиман... В 3 1/4 часа турки нас увидели, фрегат более, выступавший вперед и в 50 шагах от батареи капитан-лейтенанта Ахматова, возле которой я стоял, пустил в нас картечью; на это отвечали с такою живостью и верностью, что 10 минут спустя фрегат был объят пламенем, весь его экипаж сожжен или потоплен; сожгли две галеры и три мы взяли, на них нашли 96 невольников, которые не могли спастись с остальным экипажем. Маленький фрегат сгорел, одна шнява и одна бомбарда и маленькое судно взорваны, большая часть города сожжена; заявивши доброкачественность и меткость нашей артиллерии, я удалился. Турки во время сражения оставили батарею Гассана-наши. С нашей стороны было 22 убитых и 57 раненых, в том числе один офицер.

Сражение продолжалось 8 часов с одинаковою горячностью с той и другой стороны; две галеры были сильно повреждены, и я велел их

сжечь, осталась только бастарда; суда моей эскадры мало потерпели и вскоре будут в состоянии снова начать сражение.

Не могу нахвалиться личностями, составляющими мою эскадру в этом последнем и самом кровопролитном бое, так долго продолжавшемся, они выказали столько же совокупной исправности, как и храбрости; ночной поход был сделан с такою точностью, что мы были в самом лучшем порядке в ту минуту, когда нас заметил неприятель. Господа Скоробогатов, барон Бюлер и Лительпаж были в сражении; эти господа не имели счастья быть в других сражениях и старались отличиться, но при всем их усилии они не могли сделать больше, чем другие командиры; поручаю их и всю мою эскадру милостям господина фельдмаршала. Господа Россет, граф де Пальма, Ковалевский и Горохов были назначены идти за мною в лодке, которую пробило книпелем, и она пошла ко дну, но они счастливо спаслись, так же как экипаж. Бомба, задевшая галеру, которой командовал подполковник Феншау, зажгла шесть бомб и три картечи, 1 человек был убит, 23 были ранены, передняя часть галеры загорелась, но этот храбрый офицер, отдавши необходимые приказания, чтоб ее потушить, велел посадить в свою шлюпку своего сына и, спокойный на счет участи своего ребенка, который будучи 9 лет имел счастье быть при четырех победах, в одной из коих он был легко ранен, господин Феншау потушил пожар, который принимал уже большие размеры».

Одну из взятых турецких галер, как это было заведено в Петровские времена, князь Потемкин приказал отремонтировать и оставить «для монумента», то есть для памяти о сражениях под Очаковым. И действительно, в 1790 году галеру переделали в 36-пушечный гребной фрегат «Святой Марк».

29 июля турецкий флот в составе пятнадцати кораблей, десяти фрегатов и 45 гребных судов снова появился в Днепровском лимане. К этому времени из-за постоянно возникавших разногласий Потемкин был вынужден отправить Нассау-Зигена и Поль Джонса на Балтику. В командование Лиманской флотилией вновь вступил Мордвинов. 20 октября 1788 года он доложил Потемкину: «Имею честь донести В.Св. эскадры парусную и гребную принял в команду мою».

Потемкин потребовал от командующего Севастопольской эскадрой М.И.-Войновича немедленно выйти в море для отвлечения неприятеля от Очакова. Но последний медлил, ссылаясь то на неготовность кораблей, то на плохую погоду.

Только после повторного приказа Войнович попытался выйти в море, но уже через два дня по причине противных ветров вернулся в базу. Теперь он жаловался Потемкину на ветхость судов и плохое снабжение, на что Потемкин ответил нерешительному флагману: «В деле с неприятелем, особ-

ливо с турками, много помогает искусство; не всегда сражениями побеждают неприятеля, и часто благоразумныя расположения сделают ему больше вреда, нежели храброе нападение. Наблюдайте движения его, изыскивайте благоприятное время к поражению и пользуйтесь оным к нанесению чувствительнаго ему удара. Сие можете вы сделать без риска. Что же кажется до представления вашего о трудности атаковать неприятеля соединеннаго, то мудрено ожидать, чтоб оный стал делиться, не быв к тому принужден. Движение флота, вам ввереннаго, может повести его к сему разделению».

Потемкина раздражала бездеятельность Войновича. В конце концов Севастопольская эскадра двинулась к Очакову, но Гассан-паша оставил позицию, потеряв надежду на спасение блокированной с суши крепости. 6 декабря 1788 года русские взяли штурмом Очаков, в чем немалая заслуга была и Нассау-Зигена, одержавшего победы в четырех сражениях.

Адмирал, не знавший поражений

Вторая Турецкая война 1787—1791 годов стала триумфом Федора Федоровича Ушакова, который, так же как Александр Васильевич Суворов на суше, не проиграл ни одного сражения на море. В 1788 году Ушаков был главным «виновником» победы над турецким флотом у острова Фидониси, в 1790 году выиграл сражения в Керченском проливе и у Тендровской косы, а в 1791 году одержал убедительную победу у мыса Калиакрия.

В самом начале войны Потемкин приказал графу Войновичу: «Подтверждаю вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотяб всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где увидите флот Турецкий, атакуйте его, во что бы ни стало, хотяб всем пропасть». Но в 1787 году никаких серьезных столкновений противоборствующих сторон так и не произошло.

После многократных напоминаний, а затем и требований Потемкина нерешительный Войнович наконец 18 июня вывел Севастопольскую эскадру в море. В составе эскадры были линейные корабли «Преображение Господне» и «Святой Павел», фрегаты «Андрей Первозванный», «Георгий Победоносец», «Берислав», «Стрела», «Кинбурн», «Легкий», «Таганрог», «Перун», «Победа» и «Скорый», а также 24 мелких судна. «Правой рукой» Войновича был бригадир Федор Федорович Ушаков, командовавший авангардом.

В это время на флотах всех стран господствовала линейная тактика. Труд Джона Клерка «Движение флотов» в России еще никто не читал. Суть морского сражения заключалась в борьбе за ветер, то есть в стремлении занять более выгодное наветренное положение по отношению к противнику. Это давало неоспоримые преимущества, так как наветренный флот мог диктовать дистанцию боя и даже выйти из него в случае неблагоприятного развития событий. Корабли картинно выстраивались друг против друга и в артиллерийской дуэли решали исход всего сражения. Выиграть и тем более наголову разбить противника при такой тактике было крайне трудно.

Артиллерия у всех была примерно одинаковой. Все зависело от выучки комендоров. В этих условиях нужны были новые, нетрадиционные способы ведения сражения. В Российском флоте таким новатором стал Федор Федорович Ушаков, одним из первых отказавшийся от шаблонов линейной тактики, отдавший предпочтение маневру, прорезанию строя неприятельской эскадры, сосредоточению сил против главных сил противника и, что особенно важно, стремившийся в первую очередь уничтожить флагманский корабль неприятельского флота.

Одновременно в море вышел и Гассан-паша, имея под командованием семнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и 24 мелких судна. Он решил найти Севастопольскую эскадру и уничтожить ее в генеральном сражении. Волею судеб обе эскадры (и русская, и турецкая) следовали в одном направлении — в район острова Фидониси. На рассвете 3 июля противники обнаружили друг друга.

Турецкая эскадра более чем в два раза превосходила Севастопольскую, поэтому граф Войнович не имел особого желания вступать в сражение. Находившийся же на ветре Гассан-паша был уверен, что разгром русской эскадры — дело времени. Придерживаясь классической схемы линейной тактики, он стал сближаться на дистанцию артиллерийского залпа. Но шедший впереди эскадры Ушаков сорвал замысел турецкого флагмана. Он приказал концевым фрегатам авангарда прибавить парусов, чтобы взять противника в два огня. Этим маневром он поставил Гассан-пашу в исключительно трудное положение. Тот не знал, как ответить на неожиданный маневр Ушакова. Таким образом, несмотря на подветренное, казалось бы, невыгодное положение, инициативу сразу захватил Ушаков. Гассан-паша тоже приказал прибавить парусов, но этот маневр явился помехой: его эскадра вытянулась так, что корабли не могли оказать при необходимости поддержку друг другу. Русский же авангард шел компактным строем, быстро сближаясь с противником.

В самом начале боя корабль Ушакова «Святой Павел» (вместе с фрегатами «Берислав» и «Стрела») «отрезал» два турецких судна и буквально засыпал их ядрами. В два часа дня бой разгорелся по всей линии. Русские комендоры били прицельно, разряжая борта с необычайным искусством. Не выдержав интенсивного и точного огня, турецкие передние корабли без приказа Гассан-паши повернули на другой галс и один за другим стали выходить из боя. Им наперерез бросился флагманский корабль Гассан-паши и, осыпав их ядрами, попытался вернуть на свои места, но напрасно. Тем временем корабль Ушакова сблизился с флагманским кораблем противника и всю мощь огня обрушил на него.

К пяти часам стало ясно, что чаша весов склонилась на сторону русских, с кораблей которых стреляли точнее. Удачным залпом Ушакову удалось повредить бизань-мачту и руль корабля Гассан-паши. Это, пожалуй, и решило исход боя: корабль турецкого флагмана покинул строй, за ним последовали другие, а через несколько минут отступление стало общим. Только большая скорость кораблей спасла турецкую эскадру от полного разгрома. С тяжелыми повреждениями турецкий флот отошел к Румелийским берегам. Эскадра Войновича направилась в Севастополь.

Примечательно, что в бою у острова Фидониси только два русских линейных корабля и два 50-пушечных фрегата имели артиллерию 36- и

24-фунтового калибра, соответствовавшую вооружению семнадцати линейных кораблей противника.

В реляции об этом бое Войнович приписал победу исключительно себе и получил за него орден Святого Георгия 3-й степени. Об Ушакове он даже не упомянул. Обиженный прежде всего за своих подчиненных, Ушаков изложил суть боя, минуя флагмана, прямо Потемкину. О действиях экипажей Ушаков писал следующее: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такой сноровкой, что, казалось, каждый учится стрелять по цели, сноровливая, чтобы не потерять свой выстрел. Прошу наградить команду, ибо всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи; равно и в прошедшую кампанию, одна только их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопа, когда штормом носило его по морю». Ушаков просил наградить орденом Святого Георгия 4-й степени командиров «Берислава» и «Стрелы» капитан-лейтенантов Федора Шишмарева и Ивана Лаврова, а также унтер-лейтенанта Ивана Копытова со «Святого Павла».

В целом бой у острова Фидониси не оказал особого влияния на ход кампании 1788 года, однако сыграл положительную роль в истории флота: это была первая победа русского флота на Черном море, здесь раскрылся флотоводческий талант Федора Федоровича Ушакова.

Вскоре Потемкин решил убрать Войновича из-за его нерешительности. К моменту кампании 1789 года Потемкин отправил Мордвинова в отпуск, Войновича назначил на его место, а Севастопольскую эскадру отдал в подчинение получившему чин контр-адмирала Ушакову, ставшему кавалером ордена Святого Владимира 3-й степени.

В турецком флоте тоже произошли изменения в командном составе. Гасан-пашу отстранили от управления флотом и отправили командовать сухопутными войсками, а вместо него назначили молодого, решительного, но неопытного Гуссейна-пашу. Он воспитывался вместе с новым турецким султаном Селимом III, который, придя к власти, назначил Гуссейна капудан-пашой и выдал за него замуж свою сестру.

Однако главные события в этом году происходили на суше. Вместе с австрийцами Суворов разбил турок при Фокшанах, затем одержал знаменитую победу при Рымнике и взял Хаджибей. Потемкин взял Кишинев, Аккерман и Бендеры.

Кампания 1790 года, как и предыдущая, началась с перестановок высшего командного состава. В конце концов Потемкин отправил Войновича командовать Каспийской флотилией. Теперь Ушаков возглавлял флот и командовал Севастопольской эскадрой. Считая, что Россия, ослабленная войной со Швецией, не сможет защитить Крым, Селим III приказал Гуссейну вернуть этот полуостров Турции. На подготовку к экспедиции турки средств не жалели.

Когда в Севастополе узнали, что у Кавказского побережья появился турецкий флот, эскадра Ушакова сразу вышла в море. В ее составе было пять линейных кораблей, десять фрегатов и семнадцать мелких судов. В турецком флоте насчитывалось десять линейных кораблей, восемь фрегатов и 36 мелких судов. Вскоре Ушакову стало известно, что неприятель направляется к Керченскому проливу. Он поставил свою эскадру на якорь вблизи Бугазской протоки. Дымка слегка закрывала горизонт и, естественно, маскировала корабли. 8 июля около десяти часов утра показался неприятельский флот. Быстро снявшись с якоря, Ушаков построил эскадру в линию баталии и пошел на сближение. Гуссейн-паша выполнил примерно такой же маневр, причем против русского авангарда выделил самые мощные корабли, в промежутках между крупными кораблями поставил более мелкие.

Около полудня оба флота, сблизившись на дистанцию артиллерийского огня, некоторое время шли параллельными курсами, как бы примериваясь друг к другу. Напряжение возрастало. Наконец, турки не выдержали и пошли в атаку. Массу огня они обрушили на русский авангард, однако атака не удалась. Командующий авангардом бригадир Г.К.Голенкин искусно отразил нападение: подпустив противника на pistolетный выстрел, он открыл мощнейший огонь, чем вызвал у врага замешательство. Ушаков же, сомкнув как можно плотнее крупные линейные корабли и выделив фрегаты в отдельный отряд, пошел на помощь своему авангарду. Этим маневром он разделил неприятельскую эскадру. Около трех часов дня изменившийся ветер позволил Ушакову сблизиться на дистанцию pistolетного выстрела.

В сражение была введена не только крупная, но и вся мелкая артиллерия. Превосходство русской артиллерии было очевидным. Русские фрегаты на равных дрались с 80-пушечными линейными кораблями. Сосредоточенный и прицельный огонь наносил большие разрушения неприятельскому флоту, засыпая палубу обломками мачт и рей. Не давая ему опомниться, Ушаков вышел из линии баталии и почти вплотную сблизился с кораблем Гуссейна-паши, угрожая ему абордажем. Не выдержав натиска, турецкие корабли начали отходить, и вскоре отступление стало общим. И снова превосходство в скорости спасло турецкие корабли от полного разгрома. К шести часам вечера преследование ушедших турецких кораблей прекратилось, а вскоре противник потерялся из вида.

Первая попытка противника развернуть наступление на Крым со стороны Кавказа была успешно отражена. Центр тяжести вновь сместился к северо-западной части Черного моря.

За Керченское сражение Ушаков был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, а капитаны 1 ранга Кумани, Шатилов, Вильсон, Заостровский, Языков, Обольянинов, Ельчанинов, Поскочин и капитан 2 ранга Данилов получили ордена Святого Владимира 4-й степени за храбрость.

О Керченском сражении Ушаков писал Дерибасу следующее:

«Милостивый Государь, Иосиф Михайлович!

Имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что 8 числа сего месяца имел я против устья Еникальскаго пролива и реки Кубани жестокое сражение с Турецким неприятельским флотом, состоявшим в 10 отборных из лучших кораблей, 8 фрегатов и 36 разных судов: бомбардирских, шебек, бригантин, шаитий, лансонов и кирлангичей. По продолжении пяти часов жестокаго боя неприятель весьма разбит; три корабля и многие другие защитой всего их флота едва спасены от наших рук и никак бы увести их не могли, да и прочие подверглись бы неминуемому разбитию от нашего флота, если бы не укрыла их из нашего виду темнота ночная, при которой все они спаслись бегством, но не знаю, куды путь свой взяли: в Синоп или к Румелийским берегам. Наш урон не велик: убитых разных чинов 29 и раненых 68 человек, а на неприятельском флоте урону должно быть чрезвычайному.

*Корабль «Рождество Христово»
1790 года Июля 10 дня. Близ Феодосии».*

Усиленный турецкий флот снова вышел в море. На этот раз к молодому капудан-паше Гуссейну приставили престарелого советника капитан-бея, или полного адмирала, Саит-Бея. Имея в своем составе четырнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и четырнадцать мелких судов, он расположился между Гаджибеем и Тендровской косой, перекрывая пути подхода Севастопольской эскадры для соединения с Лиманской эскадрой.

25 августа в море вышла эскадра Ушакова. В ее составе было пять линейных кораблей, одиннадцать фрегатов и двадцать мелких судов. Рано утром эта эскадра совершенно неожиданно появилась перед беспечно стоявшим на якоре турецким флотом. Не теряя времени на перестроение в боевой порядок, прибавив парусов, русские суда начали сближаться с неприятелем. Турки в суматохе стали рубить якорные канаты и, подняв паруса, в беспорядке отходить в сторону Дуная. Часть турецких кораблей все же удалось отрезать. Капудан-паша пошел им на выручку. Ушаков всю мощь орудий своих кораблей обрушил на флагманский корабль неприятеля. Более часа шла интенсивная перестрелка. Неожиданно Ушаков ввел в сражение еще три фрегата, которые и решили исход боя.

Как и в сражении при Керченском проливе, противник обратился в бегство. Не давая ему опомниться, поставив все паруса, русские корабли врзались в самую гущу неприятельского флота и стали его громить с обоих бортов. Преследование продолжалось до позднего вечера. «Флот наш, — записано в шканечном журнале Ушакова, — гнал неприятеля под всеми

парусами и бил его беспрестанно. Во время сего сражения более всех разбиты неприятельский авангард, передовые корабли кордебаталии, из которых весьма потерпели адмиральский и капудан-паши корабли и бывшие близ оных...».

На рассвете преследование продолжилось. Вице-адмиральский 74-пушечный линейный корабль «Капудание» был настигнут фрегатом «Святой Андрей» и после трехчасовой перестрелки сдался. Турецкий вице-адмирал Саид-Бей, надеясь на помощь своего флота, сражался до последней возможности. Со сбитыми мачтами и разбитым бортом «Капудание» продолжал отстреливаться обоими бортами. После удачного выстрела попавшего в корму брандсугеля начался сильный пожар, который вскоре перекинулся на всю кормовую часть. С горящего турецкого корабля русским удалось снять только Саид-Бея, командира корабля, 18 офицеров и 81 матроса. Объятый пламенем «Капудание» взлетел на воздух. Почти без сопротивления сдался 66-пушечный «Мелеки Бахри». Этот корабль после ремонта плавал в составе Черноморского флота под названием «Иоанн Предтеча». В плену оказались 560 человек. Один 77-пушечный корабль затонул на подходах к Варне, три мелких судна были настигнуты и тоже захвачены. Победа была полной.

Общие потери турок превысили 2 тысячи человек. Потери русской эскадры составили 46 человек, из которых 21 погибли. За эту победу Ушаков получил орден Святого Георгия Победоносца 2-й степени, командир 46-пушечного фрегата «Иоанн Богослов» капитан 1 ранга Николай Кумани — золотую шпагу с надписью: «За храбрость». По приказанию Ушакова в ходе сражения Кумани вплотную сблизился с адмиральским кораблем противника и более одного часа вел бой не только с ним, но и с подошедшим на помощь еще одним кораблем. Кумани только тогда прекратил преследование, когда о том был дан общий сигнал по эскадре.

В одном из писем к статскому советнику Михаилу Леонтьевичу Фалееву — основателю города Николаева, по случаю победы у Тендры князь Потемкин писал: «Наши, благодаря Бога, такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу! Коли бы трус Войнович был, то бы он стоял у Тарханова кута либо в гавани».

До конца кампании турки больше не рисковали выходить в море, где господствовал русский флот. Кампания завершилась взятием Измаила. В середине октября 1790 года в письме Ушакову Потемкин изложил тактические соображения, которые, кстати, были выработаны практикой самого Федора Федоровича. «Известно вам мое замечание, что как во флоте Турецком бывает сбит флагманский корабль, то все разсыпаются; для сего приказал я вам иметь при себе всегда «Навархию Вознесение», «Макроплию Святого Марка» и фрегат «Григорий Великия Армении» (это были

новейшие суда Черноморского флота. — *В.Д.*) и наименовать их эскадрою Кейзер-флага. Всеми прочими кораблями, составляющими линию, занимать другие корабли неприятельски, а с помянутою эскадрою тискайтесь на флагманский, обняв его огнем сильным и живым, разделите: которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус, и чтоб при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели. Что Бог даст в руки, то Его милость; но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно скорее бывает другаго. Требуйте от всякаго, чтобы дрались мужественно, лучше скажу, по-Черноморски; чтобы были внимательны к исполнению повелений и не упустили полезных случаев. Подходить непременно меньше кабельтова».

11 мая 1791 года Потемкин направил приказ Ушакову: «Считаю флот готовым к выходу в море, я сим предписываю Вам тотчас выступить по прошествии весенних штормов. Испрося помощь Божию, направьте плавание к Румелийским берегам, и если где найдете неприятеля, атакуйте с Богом! Я Вам поручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать так, чтоб наши берега были ему неприкосновенны».

В начале июля турецкий флот в составе восемнадцати кораблей, семнадцати фрегатов и множества мелких судов вышел в море. Командовал им все тот же капудан-паша Гуссейн, в помощь которому дали восемь адмиралов, в том числе алжирского пашу Сайта-Али, отличавшегося большой храбростью и необыкновенной предприимчивостью.

На этот раз турки готовились к кампании основательно и были настроены решительно. Они считали, что при таком численном превосходстве им наконец удастся разбить Ушак-пашу (Ушакова). Были также наняты английские и французские капитаны и судостроители.

Из-за противных ветров Ушаков вышел в море только 29 июля. В его эскадру входили всего шесть линейных кораблей, двенадцать фрегатов, два бомбардирских корабля и семнадцать мелких судов. Свой флаг Ушаков держал на 84-пушечном «Рождестве Христовом», командовал кораблем капитан 1 ранга Матвей Максимович Елчанинов. Этот офицер в бою у острова Фидониси командовал фрегатом «Фанагория» и за храбрость был произведен в капитаны 2 ранга. Затем на «Рождестве Христовом» он участвовал во всех «ушаковских» сражениях и был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святого Георгия 4-й степени, золотым оружием и получил чин капитана 1 ранга. Кстати, в эскадре с таким же названием был и бомбардирский корабль под командованием капитан-лейтенанта Кандиоти. 46-пушечным фрегатом «Навархия Вознесение Господне» командовал будущий адмирал капитан 2 ранга Д.Н.Сенявин.

Авангардом командовал генерал-майор флота Голенкин, арьергардом — бригадир Пустошкин, а сам Ушаков возглавил кордебаталию.

Днем 31 июля Ушаков обнаружил противника в районе мыса Калиакрия. Турецкий флот в полном составе стоял на якоре. Турки праздновали Рамазан-байрам и беспечно веселились на берегу. При хорошем попутном ветре эскадра Ушакова буквально неслась на противника. Причем и на этот раз Федор Федорович принял неординарное решение — атаковать неприятеля со стороны берега.

Появление русской эскадры застало турок врасплох. Обрубая якорные канаты, они, как и в предыдущем сражении, в беспорядке начали отходить мористее. С большим трудом турецкому адмиралу удалось выстроить корабли в линию баталии. Впереди оказался вице-адмиральский корабль алжирца Саита-Али, имевшего огромный боевой опыт. Решив драться до последнего, алжирец приказал гвоздями прибить флаг к флагштоку, чтобы лишить команду возможности спустить его в критический момент сражения. Сайд-Али с двумя кораблями предпринял попытку взять русский авангард в два огня, как это уже не раз делал Ушаков. Но Ушаков этот маневр не прозевал. На корабле «Рождество Христово» он стремительно сошелся с турецким флагманом, как бы принимая его вызов.

Накануне выхода в море Сайд-Али поклялся турецкому султану взять в плен Ушак-пашу и привезти его в Константинополь, о чем стало известно и самому Ушакову. Его корабль буквально засыпал картечью неприятеля. Не давая противнику опомниться, умелым маневром Ушаков зашел с кормы и дал по турецкому кораблю продольный залп: это был излюбленный прием Ушакова. Была сбита бизань-мачта со всеми парусами. Проходя под кормой, Ушаков прокричал: «Сайд, бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!» С русских судов стреляли без промаха по густому лесу мачт. За час сопротивление неприятеля было сломлено. Турки снова обратились в бегство. Этим сражением была поставлена точка в длившейся пятый год войне. На Черном море теперь безраздельно господствовал русский флот.

В донесении Потемкину Ушаков писал: «Наш же флот всею линией передовыми и задними кораблями совсем его окружил и производил с такой отличной живостью жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стенах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за друга, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал, от стесняющих его безпрестанно, стесненной кучею под ветер, оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал непрерывным огнем, бил его носовыми пушками, а которым способно, и всеми лагами. Особо ж разбиты и повреждены более всех пашинские корабли».

Потемкин был обрадован этой победой. «С удовольствием получил я рапорт Вашего Превосходительства, — писал он Ушакову, — об одержанной Вами над флотом неприятельском победе, которая, возвышая честь флага

Российскаго, служит и к особливой славе Вашей. Я, свидетельствуя чрез сие мою благодарность Вашему Превосходительству, поручаю Вам объявить оную и всем соучаствовавшим в знаменитом сем произшествии. Подвиги их не останутся без достойнаго возмездия. Желаю я только, чтобы Ваше Превосходительство доставили ко мне засвидетельствование эскадренных командиров с вашим справедливым замечанием, по которому не только отличившиеся храбростию и искусством могли бы праведно быть награждены, но и те, которые в чем либо неисполнили долга своего, восприняли бы достойное наказание».

Ушаков за победу был награжден орденом Святого Александра Невского, а Голенкин и Пустошкин получили по ордену Святого Георгия 3-й степени.

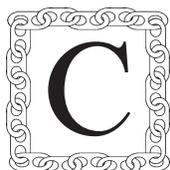
29 декабря 1791 года в Яссах между Россией и Турцией был подписан мир. Турция уступала России земли между Южным Бугом и Днестром, согласилась на присоединение к России Крыма и подтвердила условия ранее заключенного Кучук-Кайнарджийского мирного договора.

В сражениях с турецким флотом Ушаков взял в плен и потопил три линейных корабля и тридцать мелких военных и купеческих судов. Из десятой доли призовых денег, причитавшихся флагманам, Ушаков получил 3332 рубля. Ушаков побеждал самых лучших турецких флагманов — Эски-Гассана и Кучук-Гуссейна. Известно, что русские корабли уступали турецким, которые строили в основном французы. Большое преимущество в скорости давали медная обшивка подводной части и более легкие паруса. Однако Ушаков побеждал главным образом умением. Постоянная учеба как в пушечной, так и ружейной стрельбе позволяла довести до совершенства применение оружия. Силу русского огня не выдерживал ни один турецкий корабль, несмотря на то что их моряки дрались с фанатизмом. Нередко им рубили головы за то, что они не погибли в сражении.

В память о победах адмирала Ушакова в составе Черноморского флота в годы Первой мировой войны числились эскадренные миноносцы так называемой «ушаковской» серии: «Гаджибей», «Занте», «Калиакрия», «Керчь», «Корфу», «Левкас», «Фидониси» и «Цериго». Один из кораблей отечественного Военно-Морского Флота всегда носил имя «Адмирал Ушаков».

Славная победа при Роченсальме

С началом Русско-турецкой войны 1787—1791 годов король Швеции Густав III стал вынашивать планы возвращения некогда потерянных земель на побережье Балтийского моря и захвата Санкт-Петербурга. Нападение Швеции вызвало переполох в российской столице. Двор с минуты на минуту готовился покинуть берега Невы. Кронштадт с его фортами был в плачевном состоянии. Главный командир Кронштадтского порта Петр Иванович Пущин за несколько дней до начала войны докладывал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г.Чернышову: «Что-ж принадлежит, милостивый государь, до предосторожности и защищения Кронштадта, то хотя все распоряжения и сделаны, но они не могут быть надежны, канониров очень мало и те все из рекрут; военнотружущих, которые б могли управлять пушками и в случае выпалить из ружья — некому, а лучшие только адмиралтейские плотники, и те ненадежные».

Все надежды были только на Кронштадтскую эскадру Самуила Карловича Грейга, которая готовилась к походу в Архипелагские воды. В считанные дни он вывел в море все семнадцать кораблей. 19 июня 1788 года высланные на разведку крейсера донесли, что шведский флот приближается к Финскому заливу.

Авангардом Кронштадтской эскадры командовал вице-адмирал Вилим Фондезин, арьергардом — вице-адмирал Тимофей Козлянинов, а кордебатальей — сам адмирал Грейг. По отзывам Грейга, вице-адмирал Вилим Петрович Фондезин был человеком исправным и довольно опытным в военном деле, но излишне осторожным, а вице-адмирал Тимофей Гаврилович Козлянинов, по словам того же Грейга, был прекрасным флагманом, а главное — отважным офицером, также имевшим большой боевой опыт. В целом Кронштадтская эскадра выглядела довольно внушительно: полностью укомплектована и запасами, и личным составом. Однако большинство матросов были набраны в рекруты совсем недавно и не имели никакого опыта. Грейг это прекрасно понимал и сразу же по выходе в море организовал боевую подготовку. Комендоры непрерывно упражнялись в стрельбе из орудий, а командиры отрабатывали эволюции. Вечером 5 июля эскадра прибыла к Гогланду. По расчетам Грейга где-то поблизости от этого острова должны были находиться и шведы. И действительно, утром следующего дня на горизонте появился неприятель. Грейг дал сигнал на приготовление к сражению и начал выстраивать эскадру в линию баталии.

Шведская эскадра состояла из шестнадцати кораблей и семи фрегатов, командовал ею родной брат короля генерал-адмирал герцог Карл Зюдерманландский. Авангардом шведского флота командовал генерал-адъютант короля, генерал-майор Вахтмейстер, имевший вице-адмиральский флаг,

а во главе арьергарда был бригадир Мандерштед и нес контр-адмиральский флаг. Кордебаталией командовал сам генерал-адмирал, при котором находился адмирал барон Врангель.

На первый взгляд силы были примерно равными. На самом деле шведы превосходили русских в артиллерии почти в полтора раза. Их 1400 орудий в одном залпе выбрасывали до 700 пудов, в то время как 1200 русских пушек могли в одном залпе выпустить всего 450 пудов смертоносного металла. Но особенно большим было преимущество в орудиях крупных калибров. У шведов на всех шестнадцати кораблях на нижнем деке стояли пушки 30- и 36-фунтового калибров, а это 380 стволов. На вторых деках и на семи фрегатах были установлены 24-фунтовые орудия, это еще почти 500 пушек. На русской же эскадре 36-, 30- и 24-фунтовых пушек было всего 420. Немаловажными факторами являлись также качество пушек и подготовка комендоров. Шведы и здесь имели преимущество. Большая часть комендоров русской эскадры никогда ранее в море не ходила и никакого опыта, конечно, не имела. Вооружение кораблей русской эскадры отличалось разнокалиберностью и невысокой надежностью. Очень часто после третьего выстрела пушки разрывались.

Шведский флот, находясь под ветром в линии баталии, не меняя курса, медленно двигался, как бы выжидая нападения русской эскадры. Слабый ветер не позволял выполнить решительный и неожиданный маневр. Оба флагмана это понимали и решили провести сражение по классической схеме линейной тактики. К сожалению, часть русского арьергарда отстала, из-за чего в сражение вступило только семь кораблей. Медленно продвигаясь на юго-запад, оба флота вели отчаянную артиллерийскую перестрелку. Грейг всю силу огня своей эскадры сосредоточил на неприятельском авангарде. После полуторачасового сражения шведский генерал-адмиральский корабль оказался разбитым до основания: его паруса обвисли. К вечеру ветер стих. Паруса обеих эскадр обвисли, а попытки привести корабли в движение с помощью шлюпок ни к чему не привели. Около десяти часов вечера на потрепанном «Принце Густаве» спустили флаг. В плену оказался генерал-майор граф Вахтмейстер и 539 человек офицеров и матросов. На корабле было 150 человек убитых. Русская эскадра тоже потеряла один корабль: «Владислав» попал в распоряжение шведской эскадры и, не получив поддержки, спустил флаг. Победа была за русскими, так как шведы отступили.

О характере сражения можно судить по полученным повреждениям и потерям в личном составе. Корабль Козлянинова потерял весь рангоут, одних подводных пробоин на нем насчитали сорок, а бархоут его так был изрешечен ядрами, что его полностью пришлось заменить новым. На корабле «Мстислав» капитана 1 ранга Муловского был избит весь рангоут и имелось 116 пробоин в бортах. На «Ростиславе» была 121 пробоина, а на

«Изяславе» 108 пробоин и полностью выведены из строя рангоут и такелаж. Эскадра Грейга потеряла 580 человек убитыми, 720 ранеными, 470 человек с «Владислава» попали в плен.

За Гогландское сражение Грейг получил орден Святого Андрея Первозванного, Козлянинов — Георгия 3-й степени, а пять командиров — Георгия 4-й степени. Цейхмейстер Федор Яковлевич Ломен и командир «Ростислава» Евстафий Степанович Одинцов получили золотые шпаги.

Но, как считал сам Грейг, победа могла бы быть и более внушительной, если бы не постыдное поведение некоторых командиров арьергарда. По настоянию Грейга, трое из них предстали пред судом. Командиры кораблей Коковцев, Вальронд и Баранов за уклонение от боя и неоказание помощи «Владиславу» были разжалованы в матросы, а командир арьергарда вице-адмирал Фондезин снят.

Густав III тоже праздновал победу. Однако до конца кампании его флот простоял в Свеаборге. Тем временем Грейг господствовал на Балтике: он решил уничтожить противника в базе, но, простудившись, скончался 15 октября 1788 года на борту флагманского корабля.

Существует легенда, что адмирал Грейг и герцог Зюдерманландский были членами одной масонской ложи, причем швед в масонской иерархии занимал более высшую ступень, чем русский адмирал. По законам этого общества младший должен был уступить победу старшему. Однако чувство воинского долга все же взяло верх, и Грейг победил шведов, но, как говорили некоторые, его масонские чувства были чрезмерно растревожены, и вскоре после сражения он умер от нервной болезни.

Всю зиму 1788/89 года в Кронштадте и Петербурге готовились к отражению шведов от столицы и одновременно вели переговоры с Данией, обещавшей свою помощь.

В середине июля 1789 года произошло Эландское сражение. И шведы, и русские обнаружили друг друга почти одновременно и уже к четверем часам дня выстроились в линию баталии. Но сражение в тот день так и не началось. Продолжая находиться на виду друг у друга, эскадры провели всю ночь. Шведским флотом, как и в прошлую навигацию, командовал генерал-адмирал герцог Карл Зюдерманландский, державший флаг на 74-пушечном корабле «Густав III». Помощником генерал-адмирала стал адмирал Норденшельд. Авангардом командовал контр-адмирал Лильехорн, а арьергардом — полковник Модее. В составе шведского флота было семь 74-пушечных кораблей, четырнадцать 64-пушечных и восемь 40-пушечных фрегатов; на вооружении находилось 1742 орудия, в том числе 980 единиц крупного калибра. Численность команд составляла около 13 тысяч человек.

Русская эскадра включала в себя три 100-пушечных и девять 74-пушечных кораблей и восемь 66-пушечных фрегатов. Несли они 1600 пушек,

в том числе до 980 единиц крупного калибра. Численность экипажей составляла свыше 15 тысяч человек.

Почему Чичагов не начал сражение 14 июля, остается загадкой. Шведский же флагман докладывал своему королю, что он не пошел в атаку на русский флот потому, что сильный ветер слишком сильно кренил его корабли в сторону неприятеля, а это мешало применять орудия нижних деков.

С рассветом 15 июля оба флота начали строиться в линию баталии. Дул несильный северо-западный ветер. Небо до самого горизонта закрывали облака. Шведы занимали более выгодное наветренное положение. Лишь на исходе второго часа неприятельская кордебаталия открыла беглый огонь по русскому арьергарду. Через некоторое время огонь вел уже весь шведский флот. Чичагов также подал сигнал к началу сражения, но ядра и с одной, и с другой сторон падали с большими недолетами. Впоследствии огонь то возобновлялся с бешеной силой, то вдруг затихал. Трижды флоты то сближались, то отдалялись. Некоторые командиры назвали Эландское сражение «ленивой баталией».

К вечеру 15 июля ветер стих, и оба флота снова оказались в дрейфе на виду друг у друга. Затем еще несколько суток флоты пребывали в таком же положении, а 20 июля шведский флот скрылся за горизонтом. В это время появилась так необходимая в бою эскадра Козлянинова: теперь в русском флоте был 31 линейный корабль и 10 фрегатов, в командах которых насчитывалось до 23 тысяч человек.

Стороны подсчитывали потери и исправляли повреждения. На корабле «Виктор» был один убитый, на «Святом Петре» — пять убитых и 22 раненых, причем почти все пострадали от разрыва собственной пушки, на «Изяславе» — пять убитых и пять раненых, на «Болеславе» — семь раненых, на «Вышеславе» — один убитый и одиннадцать раненых, на «Принце Густаве» — шесть раненых, на «Двенадцати Апостолах» — шесть раненых, на «Победославе» — два убитых и семнадцать раненых.

Больше всех пострадал корабль капитана 1 ранга Муловского «Мстислав». Во время последней вечерней перестрелки на нем была сбита фор-стенгга. Экипаж корабля устранил повреждения, не выводя корабль из линии баталии. Были убиты командир корабля и два нижних чина, а 16 человек получили ранения.

На корабле «Дерис» погибло 15 и ранено 98 человек. Но все эти потери произошли не от шведских ядер, а от разрыва собственных пушек. Чудом удалось спасти этот корабль. От разрыва нескольких пороховых картузов пожар распространился почти по всей палубе, в том числе и в район крыйт-камеры. Несколько человек в панике бросились за борт. Только благодаря решительным действиям мичмана Насакина удалось потушить пожар и спасти корабль.

У шведов потери были не меньшими. Уже во время сражения их два корабля и фрегат были выведены из линии баталии для устранения повреждений.

Императрица была не довольна Эландским сражением. В одной из ее записок указывалось следующее: «... из вчера полученных реляций адмирала Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не он их, что он с ними имел перестрелку, что на оной потерян капитан бригадирского ранга и несколько сот прочих воинов без всякой пользы империи, что, наконец, он возвратился к здешним водам, будто ради прикрытия залива Финского. Я требую, чтоб поведение адмирала Чичагова в совете сличено было с данною ему инструкциею и мне рапортовано было за подписанием совета: выполнил ли вышеупомянутый адмирал инструкцию, ему данную за моим подписанием, или нет? Дабы я посему могла взять надлежащие меры».

Однако, несмотря на справедливое негодование императрицы, военный совет признал действия Чичагова соответствующими требованиям инструкции. Вот мнение совета: «Наш адмирал простер свое мужество и выше сего пункта, ибо, увидя приближающегося неприятеля, не уклонился от сражения с ним, к которому обязывали его повеления только тогда, когда соединится с эскадрою, из Дании идущей; но, защищая честь российского флага, вступил в бой и отразил от себя шведский флот (не дожидаясь эскадры Козлянинова. — *В.Д.*) «Что не он атаковал, а был атакован, виною тому ветер, нашему флоту противный, а неприятелю всепомоществовавший», — оправдывался Чичагов.

К началу новой кампании на Балтике успели создать сильный галерный флот, во главе которого Екатерина II поставила Нассау-Зигена. Только в начале июня этот флот в составе 75 вымпелов вышел в море с надеждой найти и уничтожить шведский гребной флот. Вскоре к этой армаде присоединились отряд гребных судов под командованием бригадира Слизова и прибывшая из Ревеля резервная эскадра вице-адмирала Александра Ивановича Круза, того самого, который в чине капитана 1 ранга командовал флагманским кораблем адмирала Г.А.Спиридова «Святой Евстафий» в Хиосском сражении. Тогда Круз за храбрость получил орден Святого Георгия 4-й степени.

К началу Роченсальмского сражения в эскадре Нассау-Зигена было десять крупных гребно-парусных и 56 гребных судов. Их вооружение состояло из 249 орудий крупного калибра, 62 мелких пушек, 562 фальконетов и 6 бомбических орудий: всего 879 стволов, выбрасывавших в одном залпе 132 пуда металла. На двадцати кораблях эскадры Круза было 208 крупных и 100 малых пушек, 76 фальконетов и 20 бомбических орудий и карронад: эти 404 орудия в одном залпе выстреливали 106 пудов металла. На русских судах с учетом команд и десанта было около 13 тысяч человек.

Шведский гребной флот в составе 62 боевых и 24 транспортных судов к лету 1789 года сосредоточился на Роченсальмском рейде. На этих судах было 447 пушек крупного калибра, 328 фальконетов и 8 бомбических орудий: все 783 орудия в одном залпе выстреливали 194 пуда металла. В шведской эскадре насчитывалось около 10 тысяч человек.

Накануне сражения принц Нассау-Зиген писал Екатерине II: «Смею уверить Ваше Величество, что мы можем захватить всю шведскую гребную флотилию, если бы эскадра вице-адмирала Круза или несколько фрегатов из нашего флота, к которым могут присоединиться и мои шебеки, могли быть поставлены между островами Муссало и Лехма. Как только будет занята эта позиция, то я сейчас начну бомбардирование с своей эскадры. Я поставил уже восемь пудовых мортир на канонерские лодки, с которых снял пушки. Можно было бы также прислать две имеющиеся там бомбарды. Имея у себя все это, мы в состоянии будем принудить неприятеля оставить охраняемый им проход. Если он обратится на вице-адмирала Круза, то я последую за ним по пятам, а если он обратится на меня, то вице-адмирал будет его преследовать и ни одно его судно от нас не спасется».

Таков был первоначальный замысел Нассау-Зигена. Ему не терпелось дать сражение шведам. 12 июля он писал императрице: «Я ожидаю только вице-адмирала Круза для того, чтобы действовать, и смею уверить Ваше Императорское Величество, что мы со славою совершим эту кампанию». Но шведский флот на самом деле занимал сильную позицию, подступиться к которой было почти невозможно.

Рано утром 4 августа шведский отряд из гребных судов севернее Роченсальма все же попытался первым атаковать эскадру Нассау-Зигена, но был отброшен. Против 23 шведских судов Нассау-Зиген ввел в бой сразу 35 гребных судов, которые успели выпустить по неприятелю до двух тысяч ядер, и шведы, держась на большом расстоянии, отступили. Они, видимо, хотели заманить русских в устроенную ими ловушку. Но из этого ничего не получилось. Преследуя шведов, русские потеряли шесть человек убитыми и четырнадцать ранеными. Инициатива шведов не понравилась Нассау-Зигену. Он хотел первым развязать сражение и опасался, что шведы покинут рейд и лишат его славы победителя.

Прорваться же на Роченсальмский рейд без серьезных потерь было трудно. Северный, или, как его еще называли, Королевский пролив, как выяснилось позже, был перекрыт затопленными транспортными судами, а более широкий южный проход являлся сложным в навигационном отношении да еще и простреливался батареями с островов Муссала и Кутцала. Шведы знали об этих географических особенностях Роченсальмского рейда и решили их использовать. Они выстроили свой галерный флот в две линии прямо у входа на рейд с южного направления. Оба фланга упирались

в острова, что исключало возможность обходного маневра. Атаковать противника в лоб могли лишь более сильные корабли Круза, однако вице-адмирал был против применения в этом малоизученном и мелководном районе крупных кораблей. Нассау-Зиген же придерживался другого мнения: именно эти корабли он и планировал первыми ввести в сражение.

Между адмиралами возник спор. В конце концов в первый день сражения Екатерина II вместо Круза назначила генерал-майора Ивана Петровича Балле.

С 1786 года Балле исполнял должность обер-интенданта. Поскольку он прекрасно разбирался в галерном деле, по просьбе Нассау-Зигена его взяли в поход «для разных по гребному флоту исправлений». Дослужился этот офицер до полного адмирала, сенатора, директора Училища корабельной архитектуры. В 1799 году он был награжден орденом Святого Александра Невского.

К ночи 13 августа все приготовления к сражению были в основном завершены. На рейде было тихо: разъезжали дозорные шлюпки, а командир авангарда капитан 1 ранга Андрей Иванович Денисов на своем катере делал промеры в шхерах и обозначал проходы навигационными вехами. Шведы же всю ночь трудились над заграждением Королевских ворот. За ночь в самом узком месте фарватера они затопили три транспортных судна.

План Нассау-Зигена заключался в том, чтобы эскадра Круза прорвалась через южный проход и, завязав сражение, оттянула бы на себя главные силы противника. Тем временем через Королевский проход на рейд должен был прорваться галерный флот Нассау-Зигена и всей мощью орудийного огня обрушиться на неприятеля с тыла. Принимая это решение, принц не знал, что путь на Роченсальмский рейд преградят затопленные суда.

Утром 13 августа эскадра Круза снялась с якоря и начала втягиваться на Роченсальмский рейд. Дул тихий южный ветер. Впереди шел пакетбот «Поспешный», с его борта для подстраховки лотовые вели промеры глубин. За ним следовали бомбардирские суда «Перун» и «Гром», которых буксировали гребные каики. Следом шли шебеки «Летучая», «Минерва» и «Быстрая». Построением руководил сам Денисов. Все эти суда составляли авангард эскадры Круза. На флагманском судне в положенное время не забыли поднять молебственный флаг, а в восемь часов утра дали сигнал: «Приготовиться к бою!». В начале одиннадцатого часа, когда эскадра находилась у входа в пролив, на фрегат «Симеон» прибыл Балле с предписанием принять должность от Круза. Смена произошла за каких-то четверть часа, и Круз сразу же отправился в Фридриксгам, а оттуда в Петербург.

За авангардом следовали остальные суда эскадры. Для шведов атака оказалась неожиданной, тем не менее эскадру Балле они встретили организованным и достаточно мощным огнем. По всей линии почти сразу же

завязалось ожесточенное сражение. Шведский вице-адмирал Эренсверд вводил в сражение все новые и новые силы. Через два часа на русских судах все мачты и реи были сбиты, в бортах зияли пробоины, на исходе были боеприпасы. В шханечном журнале шебеки «Летучая» записано: «... неприятельския ядра перебили на шебеке нашей почти все бегучие снасти, перебили штаги, ванты, побили и переранили многих людей, ядра неприятельские летели сквозь оба борта». Получил серьезное ранение командир шебеки лейтенант Егор Рябинин, вскоре погиб командир фрегата «Симеон» капитан-лейтенант Григорий Грин, получили ранения капитан 1 ранга Винтер, командир шебеки «Быстрая» лейтенант Сарандинаки, командир бомбардирского корабля «Перун» капитан-лейтенант Сенявин. Вместо Сарандинаки в командование шебекой вступил прапорщик морского батальона Николай Ковако. За отличие его произвели в лейтенанты. Одно за другим выходили из строя орудия. Но не меньше досталось и шведам: их две канонерские лодки пошли ко дну.

О начале Роченсальмского сражения вице-адмирал Нассау-Зиген докладывал в Адмиралтейств-коллегию следующее: «В 3/4 10 часа я сделал сигнал для исполнения назначенного ордера марша атаки и сражения. Генерал-майор Баллей повел атаку в 10 часов, я принужден был приказать буксировать трехмачтовые суда, ибо ветер был оным противный, сие заставило меня заметить с беспокойством, что атака началась так скоро, и понудило двинуть вперед ранее, нежели бы я сделал. Левый фланг состоял из восьми галер кордебаталии, семи арьергардии, трех катеров, имеющих впереди гаубицы трехпудового калибра, и 20 канонирских лодок. Я приказал высадить бригадире Буксгевдену 400 человек на острове Мусала с тремя единогогами 24-фунтоваго калибра, которые он поставил так, чтобы устремить огонь на эскадру неприятельскую; десять мортир, кои приказал поставить на плоты, были так же поставлены на мысу у острова Мусало. Катера, имеющие гаубицы, начали первая производить огонь, за оными галеры; чем более оныя начали выходить из-за мыса острова, под прикрытием котораго находились, тем более чувствовал я, что сие скоропостижное действие будет великаго урона, но необходимо нужно отвратить неприятельский огонь, который весь устремлен был на эскадру Баллея. Трехмачтовые суда подвигались весьма медленно, хотя и посланы были от меня для буксирования оных канонирския лодки; видя, что правый фланг не подвигался по причине той, что скоро рассмотрел сделанный мною сигнал идти в сражение, я послал туда генерал-майора Турчанинова понудить, чтобы скорее шли, с левой стороны огонь весьма усилился. Шесть канонирских лодок авангардии, которыя были по правой стороне, открыли свой огонь, двенадцать лодок кордебаталии пошли в первых между островами и противу многих проходов. Огонь на оном месте был силен, наконец, показались семь галер

авангардии. Зажигательное ядро, брошенное неприятелем, взорвало галерею «Цивильск», попав в крюйт-камеру, духом оной взорвало так же флагманскую галерею «Хитрую» находящуюся подле ея».

Когда положение эскадры Балле стало действительно угрожающим, Нассау-Зиген решил наконец вступить в сражение. Однако передовой отряд графа Юлия Литта, подойдя к Королевским воротам, натолкнулся на затопленные транспорты. Русские суда рассыпались между многочисленными островами в поисках проходов на Роченсальмский рейд, но безуспешно. Тогда Литта принял, казалось бы, безумное решение — он приступил к расчистке прохода. Осыпаемые градом снарядов и картечи, солдаты и матросы с помощью топоров, ломов и гандшпугов расчищали путь галерам. Офицеры, матросы и гвардейские солдаты, стоя по пояс в воде более четырех часов, делали свое дело. Между тем отряд Балле вел сражение на последнем издыхании. Шведы наседали все более и более. Этот эпизод в шканечном журнале шебеки «Летучая» отражен так: «... в начале 1-го часа перебило и переранило у нас людей более прежняго, матчы все перебило, снасти все вообще перервало, реи повредило, паруса по реям изорвало и правый борт во многих местах изранило, а особливо по ватерлинии, три пушки приведены были отбитием осей и колес в несостояние к действию. В начале 2-го часа неприятельская пальба продолжалась с таковым же жаром, повреждала нимало во всех местах нашу шебеку, осыпая нас всюду ядрами, еще три пушки сделались недействительными; но однакож продолжали мы пальбу из четырех оставшихся пушек с неменьшим прежняго жаром».

Не выдержав огня, Балле вынужден был дать сигнал к отходу. Шведы пошли на абордаж. Им удалось овладеть бомбардой «Перун» и пакетботом «Поспешный». К этому моменту на русских судах не осталось ни одного заряда, не было даже пуль, все весла были сломаны, а паруса и матчы сбиты. Казалось, шведы вот-вот одержат общую победу. Но около семи часов вечера на рейд с криками «Ура!» ворвался передовой отряд Литта. Предвкушавшие победу шведы пришли в смятение. Удар со стороны Королевских ворот для них оказался полнейшей неожиданностью. Шведы в беспорядке стали отступать. Теперь Нассау-Зиген вводил все новые и новые силы. Вначале были отбиты «Перун» и «Поспешный», затем пленены фрегат «Автрооле», восемь гребно-парусных судов, а также турума «Рогвальд» с подполковником Розенштейном. Ночью русские захватили еще и адмиральскую туруму «Бьерн-Иернсида», на которой последовательно погибли все четыре командира, сменявшие друг друга в ходе сражения. Свои прижатые к берегу транспортные суда шведы подожгли. По докладу майора Камнео, их было до тридцати, в том числе несколько канонерских лодок. Немногим шведским судам удалось скрыться в шхерах.

К двум часам ночи сражение закончилось. Трофеи были немалые: 214 пушек, 330 ружей, 12 пистолетов, 200 тесаков, 1050 шпажных клинков, 1000 ядер,

232 кнпелеля, 397 картечей, 332 брандскугеля, 366 пудов пороха. В плену оказались 37 офицеров и 1100 нижних чинов. На русской эскадре потери составили около тысячи человек. Нассау-Зиген потерял всего две галеры — «Цывильск» и «Хитрую». Из офицеров 15 человек были убиты и 39 ранены, из нижних чинов — убитых 368, раненых 589 человек, 22 человека попали в плен. Победа была полной. О напряжении сражения свидетельствует тот факт, что только русскими было выпущено почти 19 тысяч ядер, кнпелелей, картечи и брандскугелей.

О завершающей фазе сражения Нассау-Зиген докладывал так: «Суда их, выдержав сильный огонь, через 9 часов очень были повреждены, а как был штиль и весла их по большей части перебиты нашими ядрами, то и успели мы в первом часу утра завладеть четырьмя судами. Взяли адмиральский корабль, который, так как и прочие, сражался в самом бегстве. Когда наши кайки догнали и окружили его, то со всех пушек выпалил он по ним; кайки пошли было на абордаж; та, которою командовал господин Бабарыкин, подошла первая; но по несчастью взорвало ее неизвестно каким образом, почти все люди были убиты или ранены. Но храбрый офицер, командовавший оною, имел счастье спасти свою жизнь, получив, однако, несколько опасных ран.

Народ был уже изнурен от трудов, почему и прекратил я погоню и сражение, которое продолжалось с 10 часов утра по 1-й час полуночи, шведы сражались с необычайною храбростию, они имели меньше судов, нежели мы, но лежали на шпринге между островами, которые служили им защитою и прикрывали весь почти корпус судов их.

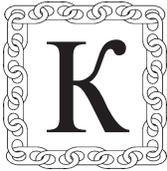
Мы не могли бы победить их в сей день, ежели бы не удалось нам очистить проход, который был открыт канонирскими лодками, на кои посажена была гвардия. Я не могу довольно нахвалиться всеми ими вообще, но те, кои находились на кайках и канонирских лодках, превзошли все то, что мог бы я сказать в похвалу их. Господин Болотников, командовавший оными, увенчался славою. Я не могу довольно похвалить вообще храбрость и расторопность всех тех, которые имели счастье быть употреблены в сей славный день».

Эта победа оказала огромное влияние на ход всей кампании. Потеря гребного и, особенно транспортного, флота вынудила шведов отказаться от наступления на суше. Настали холода, и военные действия до следующей весны были прекращены.

За эту победу Нассау-Зиген получил высший российский орден Святого Апостола Андрея Первозванного, Балле — орден Святой Анны 1-й степени, Литта — орден Святого Георгия 3-й степени, золотое оружие и чин контр-адмирала. Тринадцать человек были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени, многие получили следующие чины.

Все участники сражения под Роченсальмом получили серебряные медали, на одной стороне которой было изображение императрицы Екатерины II, а на другой — надпись: «За храбрость в водах Финских 13-го августа 1789 года».

Победы 1790 года

К началу кампании 1790 года шведский парусный флот состоял из 25 линейных кораблей, 15 фрегатов и 20 судов низших рангов. Галерный флот шведы довели до 350 вымпелов. Русский Балтийский флот ни в чем не уступал шведскому. В его составе находились 29 линейных кораблей, 13 фрегатов и 50 более мелких судов. В галерном флоте насчитывалось около 200 единиц.

Корабельному флоту ставилась задача не допустить противника в Финский залив, галерному — блокировать шведскую армию с моря, а сухопутным войскам при поддержке корабельного и галерного флотов — овладеть Свеаборгом и Гельсингфорсом. «Сии главныя части, — говорилось в рескрипте, — должныствуют почитаемы быть за единое вооружение, на трое разделяемое, из коих армия сухопутная составляет правое крыло, галерный флот — середину, а флот корабельный — левое крыло».

Императрица считала эту кампанию решающей. Она планировала уже в самом ее начале перенести военные действия на территорию Швеции. В свою очередь и Густав III не терял надежды осуществить неудавшийся ранее план нападения на Санкт-Петербург.

После смерти адмирала Самуила Карловича Грейга возникли затруднения с назначениями высшего командного состава. Лучшей кандидатурой на должность командующего флотом был, конечно, вице-адмирал Александр Иванович Круз, обладавший боевым опытом и пользовавшийся огромным авторитетом среди флотских офицеров. Но императрица с ним лично ни разу не встречалась, к тому же говорили, что он имеет «неуживчивый характер». На предложение вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И.Г.Чернышова назначить командующим Балтийским флотом Круза Екатерина ответила, что «он несчастлив на море». Видимо, она вспомнила о гибели «Святого Евстафия» в Хиосском сражении. Командующим флотом стал 63-летний Василий Яковлевич Чичагов — неплохой флагман, но только для мирного времени, боевого опыта он не имел. По отзывам современников, он и отличался «величайшей скромностью и кротостью нрава».

В начале мая шведская эскадра в составе 27 линейных кораблей появилась у Ревеля. Ревельская эскадра имела всего одиннадцать линейных кораблей, шесть фрегатов и бомбардирских судов. Шведы более чем в два раза превосходили русских. Чичагов решил, что лучше дать сражение, оставаясь на якоре. В первой он поставил на шпринг линии как можно плотнее все корабли, во второй — фрегаты и бомбардирские суда, а вдоль берега расположились мелкие суда. Оба фланга упирались в береговую черту, что исключало возможность обходного маневра. Готовясь к сражению, русские успели установить пять батарей на берегу, что значительно усиливало их позиции. К вечеру 1 мая Чичагов приготовился к встрече неприятеля.

На рассвете следующих суток со стороны острова Нарген показались шведы. Свежий северный ветер гнал неприятельскую эскадру, кренив ее суда на правый борт. В десять часов на русской эскадре дали сигнал: «Приготовиться к бою!» На кораблях все пришло в движение. Сблизившись на пушечный выстрел, шведы, поворачивая вдоль линии Ревельской эскадры, заняли свои места в линии баталии.

Этот маневр давал большие преимущества Чичагову, которые он и использовал. Во-первых, выходя на линию русской эскадры, каждый шведский корабль проходил через одну и ту же точку поворота, по которой хорошо пристрелялись русские комендоры. Во-вторых, из-за сильного крена шведских судов уменьшались дальность стрельбы и почти бездействовали крупные орудия нижнего дека. Вот поэтому после первых залпов шведов русские корабли не получили никаких повреждений. Шедший пятым «Адольф Фридрих» под флагом контр-адмирала Модея решил подать пример остальным и приблизился на дистанцию пистолетного выстрела, но тут же получил полные залпы с нижних деков русских кораблей и с перебитыми реями и разбитым бортом, переложив руль, вышел из строя. Остальные корабли так и не последовали примеру флагмана. Русские же старались бить по рангоуту и такелажу, и редко какой корабль противника оставался без повреждений.

В начале двенадцатого часа подошел центр шведской эскадры. Командир «Форзигтикхетена» попытался повторить маневр Модея, но, получив полный залп, с избитыми парусами вышел из строя. За ним шел генерал-адмиральный корабль «Густав III», который едва не угодил в плен. При выполнении поворота этот корабль на время потерял управляемость, и его понесло на русскую эскадру. Ближе всех находился «Ярослав», который и осыпал его ядрами. В связи с усилившимся ветром шведы оказались в еще более трудном положении. Сильно поврежденный «Принц Карл» так и не смог выбраться на ветер, его снесло на русскую эскадру. Шведы спустили флаг. Принимал корабль сын адмирала Чичагова капитан 2 ранга Павел Васильевич Чичагов, который впоследствии тоже стал адмиралом и дослужился до морского министра. Когда поднявшемуся на борт плененного корабля адмиралу Чичагову майор Сальстен отдал шпагу, Василий Яковлевич в знак признательности за храбрость возвратил ее шведскому командиру. На 64-пушечном «Принце Карле» было взято в плен 520 человек команды и 112 солдат. Участь этого корабля едва не разделила «София Магдалина».

В такой обстановке герцог Зюдерманландский подал сигнал к окончанию сражения. Противник отошел к острову Вульф. Ревельское сражение закончилось полной победой русских. Шведы потеряли два корабля, один из которых оказался в плену, а другой сел на мель и был сожжен командой. На русской эскадре было восемь убитых и 27 раненых.

Современники рассказывали, что когда Екатерина II отправляла Чичагова в Ревель, она предупреждала его об опасности, на что адмирал ответил: «Ну, да что ж? Ведь не проглотят!». Этот ответ так понравился императрице, что когда для Эрмитажа ваяли мраморный бюст флотоводца, она приказала увековечить на мраморе его слова: «Ведь не проглотят». Затем поручила Гавриле Романовичу Державину написать стихи с этой фразой, которыми, однако, осталась недовольна. Тогда Екатерина сама написала:

*С тройной силой шли Шведы на него,
Узнав он рек: Бог защитник мой,
Не проглотят они нас;
Отразил, пленил и победы получил.*

Это четверостишие и было вырезано на бюсте Чичагову.

Хотя Ревельская эскадра и одержала победу, шведы продолжали господствовать в открытом море. Слабой стороной русских была разобщенность их флота. В Кронштадте стояли две эскадры — Кронштадтская и резервная, которые 7 мая вышли наконец в море. Командовал объединенной эскадрой вице-адмирал Александр Иванович Круз — любимец флотской молодежи.

Тем временем шведский флот в составе 22 кораблей и восьми фрегатов подошел к Гогланду. Круз имел только семнадцать кораблей и восемь гребных фрегатов, укомплектованных малоопытными командами.

Русским авангардом командовал друг Круза вице-адмирал Яков Филиппович Сухотин, центром — сам Круз, а аррьергардом — контр-адмирал Илларион Афанасьевич Повалишин. Отрядом гребных фрегатов командовал капитан бригадирского ранга Франц Иванович Денисон. Это были достойные помощники Круза.

Сухотин начал морскую службу еще в 1743 году, много плавал, имел боевой опыт и даже одно время был главным командиром Черноморского флота. В ходе Красногорского сражения Сухотину оторвало ногу, и вскоре от полученной раны он скончался. Но при жизни его успели наградить за храбрость и распорядительность золотой шпагой с бриллиантами. Повалишин начал службу в 1758 году, также много плавал и успел покомандовать эскадрами. За Красногорское сражение он получил орден Святого Владимира 2-й степени, за Выборгское — Святого Георгия 2-й степени, а за Русско-шведскую войну в целом — золотую шпагу с алмазами. Денисон, командуя кораблем «Святой Петр», участвовал в Гогландском сражении, за которое получил чин капитана бригадирского ранга. За Красногорское сражение его наградили орденом Святого Владимира 3-й степени. В Выборгском сражении 1790 года этот храбрый офицер получил смертельное ранение.

22 мая флоты обнаружили друг друга, а на рассвете следующего дня началось Красногорское сражение. В первый день эскадры трижды сбли-

жались на дистанцию артиллерийского выстрела. Первое столкновение произошло в четыре часа утра и продолжалось почти четыре часа. Казалось, шведы вот-вот будут окончательно сломлены, но в связи с наступившим штилем сражение на время прервалось. Обе эскадры занялись исправлением повреждений и приведением кораблей в порядок. Круз на шлюпке обошел все суда и поздравил команды с победой. Не забыл он подняться и на борт флагманского корабля смертельно раненного Сухотина.

Затем отряд Денисона отразил нападение пятнадцати гребных судов. В середине дня произошло еще одно столкновение, а в шесть часов вечера началось самое ожесточенное сражение: почти в течение часа противники осыпали друг друга ядрами и кнпелями с дистанции пистолетного выстрела.

Не обошлось и без досадных происшествий. Корабль «Иоанн Богослов», которым командовал капитан генерал-майорского ранга Иван Максимович Одинцов, после первого столкновения со шведами вышел из линии баталии и без разрешения Круза ушел в Кронштадт для устранения повреждений. За этот проступок Одинцов был отдан под суд и разжалован в матросы. Правда, уже в 1795 году его снова приняли на службу; дослужился он до вице-адмирала.

На следующие сутки сражение продолжилось, но ни одна из сторон не достигла ощутимого перевеса. Тем не менее шведы отступили, причем крайне невыгодно.

В реляции вице-адмирала Круза о втором дне сражения отмечалось: «24 мая неприятель учинил паки жесточайше прежняго нападение в 3 1/2 часа по полудни и которое продолжалось до 5 1/2 часов; наших кораблей непрерывный огонь заставил неприятеля ретироваться. При семь имею честь донести, что во все бывшия сражения контр-адмирал Повалишин отличил себя особливою ревностию, бодростию и усердием к службе. Равным образом заслуживают благоволения вице-адмирал Сухотин, который лишился ноги в первом сражении, предводительствуя авангардиею, контр-адмирал Спиридов, бывший при мне советником и за болезнь отправившийся в Кронштадт, и капитан Денисон, который во время сражения все возможные помощи подавал».

В частном письме к графу Чернышову Круз писал: «... Странные бывают в жизни случаи. Кто бы подумал тому 10 лет назад, что я принужден по долгу к моему отечеству лично сражаться против весьма хорошаго мне приятеля контр-адмирала Модея, сие однакоже случилось в последнем 24 мая бое; познакомились мы с ним в Эльзиноре 1780 году, когда я шел с эскадрою в Английский канал, а он в Северное море, и за противностию ветра прожили вместе весело три недели. Признаюсь, что сей храбрый и честный сын своего отечества моими пушками ранен был».

В Красногорском сражении русская эскадра потеряла 106 человек убитыми и 279 ранеными. Только ядер с русских кораблей было выпущено

более 36 тысяч. Круз за сражение получил орден Святого Александра Невского. Всем нижним чинам было пожаловано по рублю.

Войдя в Выборгский залив, шведский флот оказался в западне. С моря его блокировали объединившиеся Ревельская и Кронштадтская эскадры, а выходы шхерными фарватерами контролировались русской гребной флотилией вице-адмирала Тимофея Гавриловича Козлянинова. Шведы отлично понимали всю сложность своего положения и изыскивали способы выйти из него с наименьшими потерями. Но Чичагов медлил: похоже, он не знал, как поступить. К середине июня на шведской эскадре продуктов и пресной воды оставалось на несколько дней. Чичагов об этом узнал от перебежчика. Казалось, развязка наступит через день-два. Но 22 июня подул свежий восточный ветер. Шведы моментально поставили паруса и всем флотом пошли на прорыв. На их пути встали отряды Повалишина и Ханькова, которые и приняли на себя удар всего шведского флота. Более часа шел жаркий бой. О нем Повалишин докладывал лично императрице следующее: «...и в половине 8 часа по приближении неприятельского авангарда началась как от нас, так и неприятеля жестокая пушечная пальба, и как положение мое не подавало неприятелю возможности окружить меня со всех сторон, то и проходил одною линиею, претерпевая от нас жестокий огонь, а прошед немного нас, один из неприятельских кораблей, за повреждением от нас немогши управить оным, стал на мель и чрез краткое время спустил флаг, а как многое число неприятелей проходить осталось, то и отняло способы послать на оный к снятию с мели; а при последнем уже неприятельского флота прохождении под прикрытием жестокой с корабля и одного фрегата неприятельского пальбы зажжены три брандера, и ближний из оных, приближаясь к кораблю «Святому Петру», где я находился, сцепился с своим кораблем и фрегатом и в самой скорости обнялись пламенем, я, тотчас употребляя все возможности, отрубил канат, отошел в некоторую от них безопасность, и потом вскорости означенный неприятельский корабль и фрегат взорвало безо всякого вреда нам, равно и прочие брандеры сгорели без малейшаго нам вреда, чем все сие действие кончилось».

Чичагов оставался сторонним наблюдателем: никакого решения не принимал. Тем временем шведские корабли один за другим выскакивали из ловушки. С большим опозданием Чичагов все же направил в район прорыва шведов эскадру вице-адмирала Мусина-Пушкина. Во время прорыва три шведских корабля и два фрегата сели на мель и были захвачены русскими, а другие корабль и фрегат взорвались от столкновения со своим брандером. Остальной флот уходил в направлении Свеаборга. Всего шведы потеряли 64 судна. Было пленено около двух тысяч и погибло около пяти тысяч человек. Потери русских составили 117 убитых и 164 раненых.

Во время преследования удалось захватить контр-адмиральский корабль «София-Магдалина», а почти у самого Свеаборга Кроун на своем фрегате «Венус» при содействии «Изяслава» пленил шведский «Ретвизан». Так завершилось Выборгское сражение — последнее в войне со Швецией.

В докладе об этом сражении Чичагов писал следующее: «22 числа в 7 часу пополуночи шведский корабельный флот при северо-восточном ветре стал сниматься с якоря, имея всю гребную свою флотилию в линии позади себя, тогда полагая, что неприятель пойдет на меня прямо, приготовился к бою, но после примечено, что он направляет свое движение по Выборгскому фарватеру, где находился наш отряд из пяти кораблей при одном бомбардирском, состоящий под командою контр-адмирала Повалишина. Приближаясь к сему отряду, принят он был со всею жестокостию произведеннаго по нем огня, однакож, не смотря на оное, решился он проходить по одному кораблю между берега и флангового корабля. А как предстояла ему по сему пути другая преграда, поставленная из фрегатов под начальством контр-адмирала Ханькова, то по претерпении крайняго поражения не осмелился уже идти безопасным для него фарватером, но принужден был, не доходя на ближнюю дистанцию пушечных выстрелов, производимых с сих фрегатов, поворачивать и следовать в разстройстве шхерным ходом, по которому разбросал по мелям пять кораблей и один фрегат, кои потом спустя флаги достались оружию В.В., да сверх того из загоревшихся поднято на воздух один корабль и два фрегата. Видя таковое его напряжение к уходу, отрубя якоря, поспешил я со флотом В.В. его преследовать».

3 августа 1790 года между Россией и Швецией был заключен мир. Оба государства остались при своих интересах, не получив от войны ничего, кроме жертв и огромных расходов. За Выборгское сражение Чичагов получил высший орден — Святого Георгия Победоносца 1-й степени.

XIX столетие

Бой брига «Александр»

1798—1800 и 1804—1807 годах с помощью армии и флота Россия противостояла захватнической политике Франции в Средиземноморье. Укрепление французов в Египте и в восточной части Средиземного моря могло привести не только к превращению Турции во французского вассала, но и потере Россией всех территориальных приобретений в результате войн с Турцией. Так получилось, что недавний противник России — Турция — теперь становился ее союзником. 25 августа 1798 года эскадра вице-адмирала Ф.Ф.Ушакова прибыла в Константинополь. После непродолжительных переговоров новые союзники согласились на общее руководство объединенной русско-турецкой эскадрой хорошо им знакомым Федором Федоровичем Ушаковым. 9 сентября объединенная эскадра двинулась в Средиземное море. Самым крупным и значительным событием первой войны с Францией было взятие острова-крепости Корфу.

18 февраля 1799 года эскадра вице-адмирала Ушакова в составе линейных кораблей «Святой Павел», «Захарий и Елизавета», «Богоявление Господне», «Святой Михаил», «Симеон и Анна», «Мария Магдалина», фрегатов «Григорий Великий», «Святой Николай», «Казанская Богородица» и девяти турецких кораблей, фрегатов и корвета на картечный выстрел подо-

шла к занимавшему ключевые позиции острову Видо. По команде Ушакова первыми открыли огонь с корабля «Святой Михаил» и фрегата «Казанская Богородица». Вслед за ними по батарее противника открыли огонь корабль «Святой Павел» и фрегат «Святой Николай». О начале штурма в своем донесении Ушаков писал так: «Турецкие же корабли и фрегаты все были позади нас и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то через нас и два ядра в бок моего корабля посадили с противоположной стороны острова; сильною нашею канонадою батареи, так сказать, почти все истреблены и обращены в прах».

К десяти часам утра все пять батарей Видо были подавлены, а высаженный на берег десант быстро завладел островом, взяв в плен 450 французов, в том числе генерала Пиврона и двадцать офицеров. О том, что бой был жарким, свидетельствуют такие факты: флагманский корабль Ушакова «Святой Павел» израсходовал 1185 бомб, ядер и картечей. При этом на корабле был разбит грот-марса-рей, изорван грот-марсель, в парусах оказалось девять, а в борту две пробоины, значительно пострадали снасти. 20 февраля взяли крепость.

Получив известие о взятии Корфу, Александр Васильевич Суворов воскликнул: «Великий Петр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, — то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?».

Трофеи были взяты немалые: линейный корабль, фрегат, посыльное судно, бомбардирский корабль, две бригантины, шесть галер, канонерская лодка, три торговых судна, 636 орудий и мортир, 137 тысяч ядер, 132 тысячи патронов, более трех тысяч пудов пороху, огромное количество амуниции и провианта. В плен было взято 2931 человек, в том числе четыре генерала. Причем великодушный Ушаков отпустил плененный гарнизон на свободу с условием, что ни один из них в течение восемнадцати месяцев не будет воевать против России. Взятие этой крепости, считавшейся неприступной, произвело огромное впечатление на всю Европу.

За эту победу Ушаков получил чин полного адмирала, а Пустошкин стал вице-адмиралом. Однако недовольный уходом французского линейного корабля и фрегата Павел I больше никого не наградил. Жители острова Корфу преподнесли Ушакову украшенную бриллиантами золотую шпагу, а жители острова Занте — позолоченный щит и золотую шпагу. Поселенцы Кафелонии и Итаки пожаловали русскому адмиралу золотые медали с надписями. Знамя, флаг и ключи от крепости, а также флаги, гюйсы и вымпелы плененных корабля и полякры Ушаков отправил к императору Павлу I.

Крупных морских сражений и даже боев в этой войне не было. Флот в основном высаживал морские десанты и вел борьбу на морских коммуникациях противника. В конце октября 1800 года эскадра адмирала Ушакова возвратилась в Севастополь. В следующую войну против Франции император Александр I назначил вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами в Средиземном море. Характер вооруженной борьбы на море мало чем отличался от методов ведения предыдущей войны. Самым заметным в этой войне был бой русского брига «Александр» с отрядом французских судов, произошедший 17 декабря 1806 года у острова Браццо.

Находившийся с 10 декабря в дозоре 16-пушечный бриг «Александр» под командованием лейтенанта Ивана Семеновича Скаловского подвергся нападению трех канонерских лодок, тартаны и требоки. На судах противника было 26 пушек, в том числе четырнадцать 12- и 18-фунтового калибра. На русском же бриге все пушки были 4-фунтового калибра. Только солдат абордажных команд противник имел более 500 человек, в то время как в команде «Александра» насчитывалось всего 75 человек. «Если я буду убит, — говорил перед боем Скаловский, — не сдавайтесь, пока все не положите головы».

Местные жители поддерживали русских моряков. Скаловского они предупредили, что сразу же зажгут на берегу столько огней, сколько неприятельских судов выйдут в море. Вскоре стоявший на вахте гардемарин доложил командиру, что на берегу горят пять костров. Значит, в море вышли пять неприятельских судов.

Французы намеревались взять русский бриг на абордаж. Как только на берегу появились сигнальные костры, «Александр» сразу снялся с якоря. Слабый ветерок вначале позволял хоть как-то маневрировать, но затем совсем стих. Это, конечно, давало противнику неоспоримое преимущество, ведь все его суда были гребно-парусными. Используя такое превосходство, неприятель пытался зайти в корму «Александра» и дать вначале продольный залп, а затем идти на абордаж. С помощью спущенного на воду барказа Скаловскому удалось маневрировать. Несмотря на град пуль и картечи, мичман Лука Мельников, грамотно управляя барказом, все время подставлял бриг лагом к неприятелю. Французы ни разу не смогли зайти с кормы или носа и выполнить продольный залп.

Команда брига сражалась отчаянно, даже судовой лекарь Гонителев взял в руки ружье. Все проявляли невиданное самообладание. Раненный в ногу матрос Ивлей Афанасьев после перевязки снова вернулся к пушке, заявив, что «стыдно сидеть внизу, когда капитан сказал — не сдаваться, пока не положим головы; а у меня она, слава Богу, еще цела». Матрос Устин Федотов тоже находился у орудия с двумя ранениями. Храбро вел себя и юнга,

имя которого так и осталось неизвестным: он действовал в бою под градом пуль и снарядов, словно на учениях. После боя Скаловский похвалил юнгу за храбрость и спросил, неужели он не боялся. «Чего же бояться, ваше благородие! Двух смертей не быть, одной не миновать», — ответил двенадцатилетний герой.

Умело поступал и Скаловский: вначале он подпустил противника на ружейный выстрел, а затем всем бортом открыл огонь по самой крупной лодке и вскоре потопил ее. Другая канонерская лодка под громким названием «Наполеон» затонула при входе в Сполатро. Дважды французы бросались на abordаж, но были отбиты. Бой продолжался три часа. Паруса и такелаж брига «Александр» были сбиты до основания. Однако потери были незначительными — пять человек убитых и семь раненых. Французы потеряли 217 человек.

За этот бой все офицеры и команда «Александра» были награждены. Лейтенант Скаловский получил орден Святого Георгия 4-й степени, мичман Мельников — Святого Владимира 4-й степени с бантом, а мичман Ратченко — Святой Анны 3-й степени.

Иван Семенович Скаловский был опытным и храбрым офицером. В 1791 году он поступил на службу в Черноморский флот гардемаринном, а через два года был произведен в мичманы. В 1798—1800 годах он плавал в эскадре адмирала Ушакова, участвовал в осаде и взятии Корфу. В 1805 году, командуя бригам «Александр», перешел из Севастополя в Корфу. За храбрость при осаде Анапы и Варны (уже в чине капитана 1 ранга) был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1829 году, командуя отрядом из трех кораблей, двух фрегатов и брига, он атаковал противника прямо у стен его крепости Пендераклии и сжег один линейный корабль, транспорт и до пятнадцати мелких судов. Тогда за отличие он был произведен в контр-адмиралы и назначен командиром 3-й бригады Черноморского флота.

Лука Андреевич Мельников в 1829 году в отряде Скаловского командовал кораблем «Иоанн Златоуст» при сожжении неприятельских судов при Пендераклии. За храбрость его наградили орденом Святой Анны 2-й степени. Ранее за восемнадцать морских кампаний он получил орден Святого Георгия 4-й степени. Закончил он службу в чине капитана 1 ранга.

Этому бою и русские, и французы придавали особое, символическое значение. Французский маршал Мармон, посылая свои суда для захвата русского брига, во время бала заявил дамам, чтобы они не пугались выстрелов, это их «Наполеон» будет брать в плен русского «Александра». Каково же было его разочарование, когда на рассвете разбитый «Наполеон» с тремя сильно поврежденными судами вошел в гавань и на глазах у публики затонул. Мармона так огорчила эта неудача, что командира флотилии и

всех офицеров он посадил вначале в крепость, а затем отдал под суд. Скаловский говорил своей команде так: «В числе лодок есть одна по названию «Наполеон». Ребята, помните, что вы имеете честь защищать имя Александра! С Богом, начинай!..».

Интересные записки об этих событиях оставил морской офицер П.И. Панафидин. «В день Крещения 6 Генваря (1807 года. — *В.Д.*) назначен был военный праздник всем войскам, которые своей храбростью изумили отважных французов и заслуживали быть угощаемы их начальником. По утру на всех кораблях люди стояли по реям. Шлюпка под вице-адмиральским флагом (*Д.Н.Сенявина. — В.Д.*) отвалила от корабля «Селафаила», корабли и крепость (*Боко-ди-Катаро. — В.Д.*) отдали честь вице-адмиралу девятью выстрелами, и со всех кораблей отвалили шлюпки и составили свиту вице-адмирала. При море была устроена Иордань; при погружении креста в воду все корабли открыли пальбу, и войска, расположенныя амфитеатром по горе, производили ружейную стрельбу. Картина была превосходная, вся гора была в огне; жители были в восторге — они в первый раз видели торжество греческой веры и с таким великолепием. По окончании церковной службы все офицеры и солдаты приглашены были на обед к адмиралу. Для офицеров устроены были столы в доме, а для солдат на площади. Пили за здоровье сначала адмирала как виновника всех успехов, потом отличившихся офицеров и солдат, и как лестно было видеть, когда все офицеры лично подходили поздравлять храброго офицера и воина. Я тронут был, когда почтенный адмирал поднял бокал и сказал: «Здоровье храброго лейтенанта Скаловского, командира брига «Александр»! Все офицеры закричали: «Ура, Скаловский!» — и несколько выстрелов полевой артиллерии своим громом подтвердили достойныя заслуги своего храброго офицера».

Победа у Афонской горы

Используя неудачи русских войск в Европе, Турция — недавний союзник в войне против Франции — стремилась захватить Закавказье, присоединенное Россией в начале XIX века. В конце октября 1806 года русское правительство приказало своим войскам перейти границу и занять Бессарабию, Молдавию и Валахию. 18 декабря того же года Турция объявила войну России. Продолжалась эта война до 1812 года.

В первой половине марта 1807 года совместными усилиями эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина и десанта была взята крепость Тенедос, захвачено 79 пушек, в том числе 48 медных, три мортиры и пленено 1200 человек гарнизона. Турки потеряли около 200 человек убитыми и более 150 ранеными. Русские потеряли четыре человека убитыми, 86 получили ранения. Во время перестрелки на корабле «Рафаил» погибли два матроса и были ранены гардемарин, четыре матроса и два канонира. Занятие Тенедоса обеспечивало базирование русских кораблей в непосредственной близости от Дарданелл, что значительно облегчало блокаду этого важнейшего для Турции пролива.

В свое время Сенявин прошел прекрасную Ушаковскую школу. В 1788 году на корабле «Преображение Господне» он участвовал в бою у острова Фидониси и уже тогда осознал преимущество маневренной тактики над линейной. В том же году за уничтожение тринадцати турецких судов Сенявин был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а в 1791 году, командуя кораблем «Навархия», он участвовал в сражении у мыса Калиакрия.

Вторым флагманом в эскадре Сенявина был контр-адмирал Алексей Самуилович Грейг, сын знаменитого Екатерининского адмирала, героя Чесменского сражения.

В 1775 году «за уважение заслуг отца» его сразу произвели в мичманы. За Афонское сражение Грейг был награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Дослужился он до полного адмирала, командующего Черноморским флотом. К концу службы его грудь украшали высшие российские ордена — Святого Андрея Первозванного, Святого Георгия 2-й степени, Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского.

По прибытии в Средиземное море Сенявин в первую очередь хотел уничтожить турецкий флот в генеральном сражении. Однако турки избегали встречи с русской эскадрой: силу русского огня они помнили с прошлой войны.

Наконец, 10 мая чуть ли не случайно у Дарданелл встретились главные силы турецкого и русского флотов. В эскадру Сенявина входили десять линейных кораблей и один фрегат. Турки имели восемь линейных кораблей,

шесть фрегатов, четыре шлюпа, один бриг и до 80 судов гребной флотилии. Командовал этими силами капудан-паша Сеид-Али, у которого в помощниках было три адмирала.

Турецкий флагман сразу не заметил, как его эскадру течением стало выносить из Дарданелл в открытое море. Сила течения оказалась сильнее ветра. Турецкие суда отдали якоря. Тем временем эскадра Сенявина под всеми парусами, хотя и медленно, приближалась к неприятелю, но сражения, к сожалению, не получилось: слабый ветер и достаточно сильное встречное течение не позволили выполнить задуманный маневр. Столкновение происходило в виде отдельных стычек кораблей. Флагманский корабль Сенявина «Твердый» атаковал турецкий корабль Сеида-Али, сблизившись с противником настолько, что реи одного корабля касались реи другого. С такого расстояния «Твердый» разрядил в неприятеля весь борт, нанеся ему жестокое поражение. «Уриил», «Ретвизан» и «Мощный» атаковали вице-адмиральский корабль. «Сильный» сблизился с неприятелем настолько, что, казалось, русские вот-вот начнут абордажный бой. Но этого не произошло в связи с гибелью командира капитан-командора Ивана Александровича Игнатьева.

Турки в беспорядке стали отступать в пролив, а русские в таком же беспорядке начали их преследовать. К одиннадцати часам ветер окончательно стих, и сражение само собой прекратилось.

В этом сражении, вошедшем в историю как Дарданелльское, русские комендоры били по корпусам турецких кораблей, в то время как в сложившейся ситуации лучше было бы стрелять по парусам и рангоуту. Только наступившая темнота и безветрие спасли турок от разгрома. Они ушли в Дарданеллы под прикрытие своих береговых батарей. Потери на русской эскадре составили до 90 убитых и раненых. Турки потеряли до двух тысяч человек, а три турецких корабля надолго были выведены из строя. Ходила молва, что капудан-паша за неудачные действия казнил своего вице-адмирала и не то двух, не то четырех командиров кораблей.

Сенявин продолжал блокаду Дарданелл и не без успеха. Вскоре в Константинополе вспыхнул голодный бунт, окончившийся свержением султана и избиением министров. Новая власть настойчиво требовала от Сеида-Али победы над русским флотом. Однако только 11 июня турецкая эскадра осмелилась выйти из Дарданелл, но оторваться от берега турки не могли: они стали на якорь у острова Мавро. Как доносила разведка, в составе неприятельской эскадры было восемь кораблей, пять фрегатов, два шлюпа и два брига. На следующий день к ним присоединились еще два линейных корабля и два фрегата. Турки продолжали уклоняться от встречи с русской эскадрой. Тогда Сенявин пошел на хитрость, заманив противника к Тенедосу. Он открыл крепость, чтобы неприятельский флот мог ее атаковать.

15 июня турецкий флот действительно подошел к Тенедосу и начал его обстреливать с моря, а на следующий день при поддержке кораблей турки начали высадку десанта. Тем временем эскадре Сенявина удалось занять удобную позицию и отрезать отход противника к проливу.

Утром 17 июня турки увидели русскую эскадру, которая шла к ним под всеми парусами. Покинув десант и мелкие суда, они в беспорядке стали сниматься с якорей и уходить на запад. В этой ситуации Сенявин имел два выхода — либо гнаться за противником, либо остаться для оказания помощи гарнизону Тенедоса. Обстановка на острове была сложной: противник высадил на берег до шести тысяч человек, у защитников крепости заканчивались боеприпасы и пресная вода, начались перебои с продовольствием. Сенявин решил сначала поддержать свой гарнизон, а затем дать сражение турецкому флоту.

Оказав помощь гарнизону, с десятью кораблями Сенявин пошел искать неприятеля. Он решил держаться ближе к Лемносу, перекрывая все пути к Дарданеллам. На рассвете 19 июня с русской эскадры заметили турецкий разведывательный корабль, а затем и всю эскадру. Ранее русской эскадре был отдан приказ:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но, покуда флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должного сражения весьма упорного, посему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются корабли «Рафаил» с «Сильным», «Селафаил» с «Уришлом» и «Мощный» с «Ярославом». По сигналу №3 при французском гюйсе немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их со всевозможной решительностью, как можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы неприятель пожсгал зажечь себя. Происшедшее сражение 10-го мая показало, чем ближе к нему, тем менее от него вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на abordаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Если неприятель под парусами, то бить по мачтам, если же на якорю, то по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обеих бортов; если случится дать место другому кораблю, то ни в коем случае не отходить дальше картечного выстрела. С кем начато сражение, с тем и кончить или потоплением или покорением неприятельского корабля.

Как по множеству непредвидимых случаев не возможно сделать на каждый положительных наставлений, я не распространю оных более; надеюсь, что каждый сын отечества потщится выполнить долг свой славным образом.

Корабль «Твердый».

Дмитрий Сенявин».

С точки зрения военно-морского искусства этот приказ безукоризненный. В нем есть все: и характеристика противника, и цели сражения, и выделение направления главного удара. Причем сам Сенявин действовал не на главном направлении, где все было ясно: по паре кораблей с одного борта вступают в сражение с неприятельскими адмиральскими кораблями. Он с четырьмя кораблями составлял как бы резерв, обеспечивавший действия сил на главном направлении. Используя этот резерв, он сначала ударил по авангарду, чем нарушил строй, а затем отразил подходивший на помощь адмиральским кораблям неприятельский арьергард.

19 июня в пятом часу утра на «Твердом» был дан сигнал: «Поставить все возможные паруса и спустаться на неприятеля!»

В эскадре Сенявина были 80-пушечные корабли «Рафаил» и «Уриил», 74-пушечные «Твердый», «Святая Елена», «Сильный», «Селафаил» и «Ярослав», 66-пушечные «Скорый», «Ретвизан» и «Мощный». На десяти кораблях было 728 пушек. Турки имели девять линейных кораблей, пять фрегатов, три корвета и два брига, которые несли 1138 пушек.

Завидев русскую эскадру, Сеид-Али начал выстраивать линию баталии на правый галс. Сенявин же, не теряя ни минуты, на всех парусах неся на неприятеля двумя группами. В наветренной группе шли корабли, которые, согласно приказу, должны были атаковать турецких флагманов. При сближении Сенявин распорядился подготовить шлюпки для отражения вражеских брандеров. Около семи часов, по сигналу флагмана «Спуститься на неприятеля!», наветренная группа повернула на противника, образуя три пары. Подветренная группа пошла на перехват неприятельского авангарда. В 7 часов 45 минут с «Твердого» подали условный сигнал: «Назначенным кораблям атаковать неприятельских флагманов вплотную!» Будучи под ветром, турки намного раньше открыли огонь, начав стрелять по оказавшимся впереди «Рафаилу» и «Сильному». Но русские пока молчали. Каждая их пушка была заряжена двумя ядрами. Первым залпом с дистанции картечного выстрела Сенявин намеревался подавить противника сразу.

Сблизившись почти вплотную со 120-пушечным «Мессудие», командир «Рафаила» капитан 1 ранга Дмитрий Александрович Лукин стал приводить корабль к ветру, ложась на параллельный неприятельскому флагману курс. Но из-за сильно поврежденных задних парусов корабль не послушался руля и увалился под ветер. Прорезав неприятельский строй между «Мессудие» и 90-пушечным «Седель-Бахри», командир «Рафаила» дал полный залп на оба борта. Его корабль на время заволокло дымом. Другие корабли, подойдя на пистолетный выстрел и повернув все вдруг, всеми бортами разрядились по трем неприятельским флагманам. Строй был настолько плотным, что бушприты задних мателотов лежали на корме передних кораб-

лей. Головным оказался «Селафаил», затем шли «Уриил», «Сильный», «Мощный» и «Ярослав».

Между тем «Твердый», «Скорый», «Ретвизан» и «Святая Елена» напали на неприятельский авангард. Приказав контр-адмиралу Грейгу сражаться с концевыми кораблями авангарда, Сенявин на «Твердом» вместе со «Скорым» атаковал головной корабль противника. Сенявину удалось зайти с носа и почти в упор дать по неприятелю продольный залп пушками левого борта. Неприятельский корабль лег в дрейф и этим маневром нарушил всю линию баталии. Командир «Скорого» капитан 1 ранга Роман Петрович Шельтинг тоже почти вплотную сблизился с этим кораблем и разрядил в него весь левый борт. Не выдержав огня с «Твердого» и «Скорого», головной турецкий корабль вышел из линии баталии. Два других корабля последовали его примеру. Четвертым в строю шел флагманский корабль Бекир-бея «Седель-Бахри». «Селафаил» и «Уриил» расстреляли его в упор.

Ситуация складывалась так, что головной турецкий корабль мог выйти прямо под корму изрядно избитого «Рафаила». Эту опасность заметил Сенявин. Поставив «Твердый» прямо по курсу неприятельского корабля, он дал продольный залп из всех орудий левого борта, сбив оставшиеся паруса. Турецкий корабль окончательно вышел из строя и больше в сражении не участвовал. Затем Сенявин такой же маневр выполнил и в отношении сильно поврежденного флагманского «Седель-Бахри». Но на этот раз он разрядил правый борт. На палубу «Седель-Бахри» полетели сбитые реи.

Сенявин умело руководил сражением. В двух шагах от адмирала упал сигнальщик с подозрной трубой, картечью ему оторвало руку. Рядом упало ядро и почти пополам разорвало раненого сигнальщика и убило еще двух матросов. Адмирал остался невредимым и продолжал отдавать в рупор приказания и своим примером бесстрашия вдохновлять своих подчиненных. «Скорый» завязал отчаянный бой с вышедшими из строя кораблями авангарда, на помощь которым подошел еще и фрегат. Оказавшись в окружении, Шельтинг буквально осыпал неприятеля картечью. Турки на время даже оставили верхнюю палубу, а один из турецких кораблей снесло на «Скорый», так что его утлегарь лег на гакаборт русского корабля. Турки хотели пойти на абордаж, но со «Скорого» дали несколько залпов картечью, и противник отступил. На «Скором» тяжело был ранен и вскоре умер лейтенант Кубарский. Его сменил лейтенант Денисьевский, который почти сразу же получил ранение. На всех кораблях были убитые и раненые, но никто не покинул боевой пост. Раненые сражались до изнеможения, пока их на носилках не уносили в лазарет.

За Афонское сражение командир «Скорого» Роман Петрович Шельтинг получил орден Святого Владимира 3-й степени. Это был заслуженный офицер: сам император наградил его двумя бриллиантовыми перстнями, а за

18 морских кампаний — орденом Святого Георгия 4-й степени. Его мундир украшали также ордена Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени. В последние годы своей службы Шельтинг был капитаном Архангельского порта, военным губернатором и командиром Свеаборгского порта. В отставку он вышел в чине генерал-лейтенанта.

Командование совершенно не участвовавших в сражении кораблей турецкого аръергарда решило наконец оказать помощь своему флагману. Но Сенявин привел корабль к ветру и пошел на пересечение курса неприятельского аръергарда, состоявшего из двух кораблей и двух фрегатов. Маневр получился: корабли удалось отсечь.

В сложной ситуации оказался «Ярослав»: с поврежденными парусами он отстал и поравнялся с турецким аръергардом. Был момент, когда «Ярослав» сражался сразу с пятью кораблями и двумя фрегатами.

К одиннадцати часам, не выдержав огня, турки стали отступать к Афонской горе. На «Твердом» подняли сигнал «Спуститься на неприятеля», что означало сблизиться еще плотнее. Но уже в час пополудни по эскадре передали сигнал «Прекратить сражение!». На концевых кораблях этот сигнал был разобран лишь через 30 минут. В это время ветер окончательно стих, и обе эскадры в беспорядке лежали в дрейфе близ Афонской горы. На кораблях приступили к устранению повреждений. В середине дня подул слабый западный ветерок, при котором турки оказались в наветренном положении, чем и воспользовались. Их корабли постепенно стали удаляться от находившейся под ветром русской эскадры. Только сильно поврежденный «Седель-Бахри» и буксировавшие его суда стали заметно отставать. Около шести часов вечера, когда ветер заметно усилился, Сенявин послал вдогонку «Уриил» и «Селафаил». Ночью противника настигли. «Седель-Бахри» спустил флаг, а его охранение, состоявшее из корабля «Нюма-Башарет», фрегата «Нессим-Фету» и шлюпа «Метелин», бежало. Все пушки на захваченном корабле были медными: на нижнем деке — 42-, на среднем — 22-, а на верхнем — 12-фунтовые. «Седель-Бахри» (что в переводе на русский язык означает «Оплот моря») был относительно новым и достаточно крепким кораблем. В качестве трофеев были захвачены 500 сабель, 300 ружей и около 600 пудов пороху. На турецком корабле 230 человек были убиты, 160 ранены, а 774 попали в плен. Все пленные были распределены на суда русской эскадры. Среди турецкой команды оказались одиннадцать моряков с корвета «Флора» и шесть англичан.

Очевидцы рассказывали, что когда лейтенант Василий Титов прибыл на «Седель-Бахри» для доставки на «Селафаил» Бекир-бея и его флага, турецкий флагман заявил, что он готов отдать свой флаг только самому Сенявину. Как ни уговаривал Титов турка, тот стоял на своем. В конце концов турецкий флагман, не удержавшись, спросил у лейтенанта: «За что рус-

ские так на него рассердились, что все корабли его били?» — «За то, — ответил ему Титов, — что ваше превосходительство храбрее и лучше других дрались». Этот ответ так понравился турку, что он согласился на предложенные условия, заявив: «Судьбе угодно было отдать меня в руки ваши, но я надеюсь, что победитель мой засвидетельствует, что я защищал флаг свой до последней крайности». Сенявин принял от Бекир-бея флаг, вернул ему саблю и даже поместил в своей каюте. Впоследствии русский и турецкий адмиралы расстались друзьями.

Бежавшие «Нюма-Башарет», «Нессим-Фету» и «Метелин» оказались отрезанными от Дарданелл отрядом Грейга, посажены на камни, а после высадки команд на берег — сожжены турками. Затем они сожгли еще корабль и фрегат. Всего же в этом сражении турки потеряли три корабля, два фрегата и шлюп. В Афонском сражении эскадра Сенявина не потеряла ни одного корабля. К концу месяца все повреждения были устранены.

Сеид-Али был так уверен в своей победе, что накануне выхода в море дал слово привезти в Константинополь голову самого Сенявина. Он, видимо, забыл о своем обещании пленить Ушакова.

В сражении погибли командир «Рафаила» капитан 1 ранга Д.А.Лукин, один гардемарин и 76 нижних чинов. Ранены были восемь офицеров, четыре гардемарина и 161 матрос. Лукин был любимцем эскадры.

Дмитрий Александрович Лукин родился в 1770 году. По распоряжению генерал-адмирала великого князя Павла Петровича, вместе с братом Алексеем был принят в Морской корпус. В 1785 году он был произведен в гардемарины, а через два года стал мичманом. В 1790 году, находясь на фрегате «Брячеслав», участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях, за которые был произведен в капитан-лейтенанты. В 1799 году за проявленную расторопность во время высадки десанта на Голландский берег Лукин был награжден орденом Святой Анны 3-й степени, а в 1801 году получил чин капитана 2 ранга и должность командира «Рафаила». В следующем году за 18 морских кампаний был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а в 1803 году за спасение севшего на мель «Ретвизана» — орденом Святого Владимира 4-й степени.

Служивший на «Рафаиле» Павел Свињин по поводу гибели Лукина в Афонском сражении писал следующее: «Сколь ни славна была победа наша над неприятелем, но она куплена также и с нашей стороны чувствительною потерей: на флоте нашем было 80 человек убитых и около 170 раненых; но главную потерю нашу составлял знаменитый капитан 1-го ранга Лукин, убитый в самом пылу сражения ядром в грудь. Отечество лишилось в нем искуснаго морского офицера, мужеством и храбростию приобретающего повсюду отличное уважение. Неисповедимы судьбы Всевышняго! Но если, жалея о столь важной потере для Российскаго флота, и позволишь упрекнуть

его самого в излишней запальчивости, которая была причиною его смерти, то в то же время признаешь, что Лукин умер на поприще славы смертию, завидною для воина. При атаке неприятеля он, не удовольствовавшись тем, что имел противу себя 100-пушечный корабль, прорезал неприятельскую линию, зашел под корму адмиральского корабля, к которому подоспел на помощь ближний фрегат, и около часу действовал в них на оба борта так жарко, что от нас казался он объатым пламенем». Моряки называли этого славного офицера «российским Геркулесом». Он без особого труда ломал подковы, мог держать пудовое ядро на вытянутой руке, одной рукой отрывал от палубы шканечную пушку в 87 пудов, одним пальцем вдавливал гвозди в борт судна.

О заключительном этапе Афонского сражения участник событий капитан-лейтенант Владимир Богданович Броневский в своих записках рассказывал так: «После столь совершенной победы, истребив у неприятеля два корабля и три фрегата и взяв в плен полного адмирала, Сенявину предстоял выбор самый затруднительный. Гнаться ли за остатками, или возвратиться в Тенедос спасти гарнизон от плена неминуемого и жестокого и отказать от редкого случая быть истребителем всего турецкого флота. В сем случае Сенявин не усомнился пожертвовать славою и честолюбием личным спасению братий своих, оставленных и осажденных силою чрезмерно превосходною, о участи которых соболезнуя, доброе его сердце не могло чувствовать сладких ощущений победителя. Таковой выбор удивил всех тех, которые не могли быть, подобно Сенявину, в торжестве умеренными, в славе скромными и к истинной пользе отечества ревнительными».

Победа при горе Афон имела стратегическое значение: русский флот господствовал в Архипелаге. Именно после этого сражения в Турции серьезно заговорили о мире.

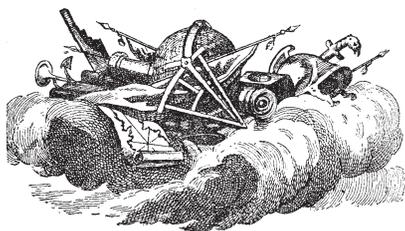
За выигранное Афонское сражение император наградил Сенявина орденом Святого Александра Невского. С тактической точки зрения это сражение в русской морской истории не имело равных. Сенявин сумел реализовать самую сильную сторону русской эскадры — отменную выучку ее личного состава. Командиры настолько умело управляли своими кораблями, что их бушприты ложились на корму передних мателотов. Такой выучкой не мог похвастаться ни один флот в мире. Примечательно, что это выполнялось при любом ветре и под огнем противника! Этот маневр обеспечивал создание огневого превосходства над противником. В Афонском сражении пять русских кораблей шли как одно целое.

Сенявин, как и Ушаков, умел найти свое место в сражении. Поскольку в сражении шести кораблям, действовавшим на главном направлении, были поставлены четкие задачи, а при действиях других кораблей могли возникнуть непредвиденные обстоятельства, требовавшие быстрых и

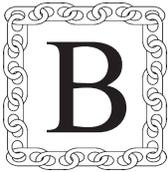
неординарных решений, Сенявин и оставался при этих кораблях. Из своего опыта он знал, что стоит уничтожить флагманские корабли турецкого флота, как сразу начнутся паника и общее отступление. При этом он решил не брать противника в два огня, как это делал Ушаков, а нанести удар по трем адмиральским кораблям парами кораблей с одного борта.

Совершенно гениальным был расчет на первый удар. Для его осуществления Сенявин приказал все пушки зарядить двумя ядрами и палить только с дистанции пистолетного выстрела, то есть наверняка.

Наконец, сближение с противником — это тоже высочайшее искусство флагмана. Сенявин не стал терять времени на перестроение в линию баталии, он почти перпендикулярно спустился на неприятеля. Занимать огневые позиции русские корабли начали уже под выстрелами противника. И здесь проявился талант Сенявина. Он знал, что турки, как правило, открывают огонь с предельных дистанций и не всегда ведут его интенсивно и точно. Только оторвавшийся от остальных «Рафаил» получил серьезные повреждения и не смог занять назначенную огневую позицию. Остальные корабли эскадры, как на маневрах, занимали свои места.

Прославившие Андреевский флаг

В Лондоне 24 июня 1827 года между Россией, Англией и Францией был подписан совместный договор, согласно которому стороны обязывались оказывать помощь грекам в их борьбе против турецкого гнета. Незадолго до этого 10 июня эскадра Балтийского флота под командованием адмирала Д.Н.Сенявина, состоявшая из девяти линейных кораблей, семи фрегатов, корвета и четырех вспомогательных судов, вышла из Кронштадта и направилась в Англию. 8 августа четыре линейных корабля, четыре фрегата, корвет и два брига под командованием контр-адмирала Л.П.Гейдена продолжили плавание в Средиземное море. Остальные корабли возвратились на Балтику.

Логин Петрович Гейден в 1795 году поступил на службу капитан-лейтенантом Черноморского флота. До этого он плавал в голландском флоте. В 1808 году, командуя тремя отрядами гребной флотилии, проявил храбрость в сражениях со шведским гребным флотом, за что был награжден орденами Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 3-й степени. В 1813 году за обстрел французских батарей был награжден золотым оружием и произведен в капитан-командоры. О Логине Петровиче адмирал Кодрингтон рассказывал следующее: «... такой добрый человек, какого не бывало, сердцем мягок, ликом весел и приятен, обходителен и открыт, всякому внушавший приязнь и доверие, отчего каждый его любил. Весьма был отличаем и почитаем своим Государем, полагавшим великую веру в его знание, и показал адмирал через малое время, что заслуженное имел о нем понятие». В 1833 году он получил чин полного адмирала. Закончил службу главным командиром Ревельского порта. К концу службы его мундир украшали почти все высшие ордена России, в том числе Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Владимира 2-й степени, Спасителя 1-й степени, а также ордена многих иностранных государств.

В Наваринском сражении участвовал и его сын — Логин Логинович Гейден. Во время сражения он был на фрегате «Константин», проявил личную храбрость и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1861 году, как и отец, он получил чин полного адмирала. Он имел почти все высшие ордена: Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Владимира, Святой Анны и Святого Станислава 1-й степени. В 1892 году по случаю 50-летнего пребывания в адмиральских чинах Логин Логинович был награжден портретами императоров Николая I, Александра II и Александра III. Этой наградой он очень дорожил и всегда носил ее в петлице на Андреевской ленте. Как и отец, он закончил службу главным командиром Ревельского порта и военным губернатором города. Умер Логин Логинович в 1901 году. Он был последним из моряков, обладавшим орденом Святого Апостола Андрея Первозванного.

Вблизи Палермо эскадра Гейдена попала в шторм. Сильные порывы ветра рвали паруса и гудели в туго натянутых вантах. При очередном порыве ветра один из матросов, находившихся на рее линейного корабля «Азов», сорвался и упал за борт. Мичман Александр Александрович Домашенко в это время находился в кают-компании. Услышав крик «Человек за бортом!», он мгновенно выскочил на верхнюю палубу и бросился в море спасать моряка. Домашенко был отменным пловцом и вполне рассчитывал на свои силы. Но слишком поздно спустили шлюпку: смелый мичман и матрос скрылись под водой.

Позднее Павел Степанович Нахимов, ставший свидетелем этой трагедии, писал своему другу Михаилу Францевичу Рейнеке: «О, любезный друг, какой великодушный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближняго! Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещен в историю нашего флота...». В награде погибшему мичману отказали, ссылаясь на то, что матрос не был спасен, да и сам спаситель утонул. Чиновники морского ведомства не смогли увидеть в этом поступке благородства и храбрости. В 1828 году в Кронштадте сослуживцы Домашенко установили ему памятник с надписью: «Офицеры корабля «Азов» любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившего жизнью за столь человеколюбивый поступок».

К началу октября 1827 года объединенная англо-франко-русская эскадра под командованием английского вице-адмирала сэра Эдуарда Кодрингтона блокировала турецко-египетский флот Ибрагим-паши в Наваринской бухте. Контр-адмиралы граф Логин Петрович Гейден и Шевалье де Риньи подчинились англичанину — Кодрингтону. Долгие годы Кодрингтон служил под командованием знаменитого адмирала Горацио Нельсона. В Трафальгарском сражении он командовал 64-пушечным кораблем «Орион». В Англии его считали прозорливым политиком и хорошим флотоводцем.

5 октября три адмирала, собравшись на английском флагманском корабле «Азия», написали письмо-ультиматум Ибрагим-паше. Парламентером стал английский подполковник Крадком. Вот текст этого документа:

«Ваша Светлость!

По слухам, какие до нас со всех стран доходят, и по достоверным сведениям узнаем мы, что многочисленные отряды вашей армии рассеялись в разных направлениях по западной части Мореи, опустошают онаю, жгут, истребляют, исторгают с корнями деревья, виноградники, всякие произрастения и, одним словом, наперерыв спешат превратить страну сию в совершенную пустыню.

Сверх сего известились мы, что против округов Майны приготовлена экспедиция и что туда двинулись некоторые войска.

Все сии необыкновенно насильственные действия происходят, можно сказать, в глазах наших и в нарушение перемирия, которое Ваша Светлость обязались честным словом соблюдать ненарушимо до возвращения ваших курьеров. В нарушение такого перемирия, в силу которого позволено флоту вашему 26 числа последнего сентября обратный вход в Наварин.

Нижеподписавшиеся находятся в прискорбной необходимости объявить вам ныне, что таковой с вашей стороны поступок и столь удивительное нарушение ваших обещаний поставляют вас, Милостивый Государь, вне законов народных и вне существующих трактатов между высокими дворами союзников и Оттоманскою Портою. К сему же нижеподписавшиеся присовокупляют, что производимые в сие самое время, по повелению вашему, опустошения совершенно противными пользам вашего Государя, который по причине сих опустошений может потерять существенные выгоды, доставляемые ему над Грециею Лондонским трактатом. Нижеподписавшиеся требуют от Вашей Светлости представление решительного и скорого ответа и поставляют вам на вид неминуемые следствия вашего отказа или уклонения.

*Подписали: вице-адмирал Э.Кодрингтон,
контр-адмирал граф Гейден,
контр-адмирал Шавалье де Риньи.*

На этот ультиматум адмиралы ответа так и не получили. Ибрагим-паша уклонился, сделав вид, что документ до него не дошел вообще, что впоследствии явилось основанием для истолкования Турцией действий союзного флота как вероломства. Утром 8 октября 1827 года главнокомандующий союзными флотами вице-адмирал Кодрингтон отдал следующий приказ:

*«Азия» у Наварина, 7-го октября 1827 г.
Правила, коими должен руководствоваться соединенный флот
при входе в Наварин.*

Известно, что из египетских кораблей, на коих находятся французские офицеры, стоят более к юго-востоку, а потому желание мое есть, чтобы контр-адмирал и кавалер де Риньи поставил эскадру свою против их: а как следующий за ним корабль имеет флаг на грот-брам-стеннге, то я и намерен стать с моим кораблем «Азия» противу его, за мной корабли «Генуя» и «Альбион» станут противу линейных турецких кораблей. Касательно же российской эскадры, то мне желательно, чтобы контр-адмирал граф Гейден поставил свои корабли последовательно близ английских кораблей. Российские же фрегаты займут турецкие суда в след за своими кораблями. Английские

фрегаты займут те из турецких судов, кои будут находиться на западной стороне гавани противоположно английским кораблям. Французские фрегаты займут на той же стороне те турецкие суда, которые находиться будут противу их кораблей.

Корветы, бриги и прочие мелкие суда находятся под начальством капитана фрегата «Дартмут»; для отвода брандеров на такое расстояние, чтобы они не могли вредить которому либо из кораблей и судов соединенного флота.

Ежели время позволит, прежде открытия неприятельских действий со стороны турецкого флота, то всем судам стать фертоинг со шпрингами, привязанными к рыму каждого якоря.

Ни одной пушки с соединенного флота не должно быть сделано без сигнала, разве только что турки откроют огонь, тогда те корабли и суда должны быть истреблены немедленно.

В случае же сражения и могущего случиться какого либо беспорядка советую привести себе на память слова Нельсона: «Чем ближе к неприятелю, тем лучше».

Глубокое исследование этого документа свидетельствует не только о флотоводческом таланте Кодрингтона, но и о том, что у него не было даже намек на желание ущемить другую нацию. Видна четкая и конкретная постановка задач и способов их выполнения. Судя по тексту второй части приказа, и особенно его концовки, у главнокомандующего все же была надежда на мирный исход конфликта.

Контр-адмирал де Риньи направил письмо французским офицерам, служившим во флоте противника:

«Господа, положение, в котором, как вы видите, находятся оттоманские морские силы, блокируемые в Наваринском порте, измена своему слову его светлости Ибрагим-паши, который обязался временным прекращением неприязненных действий, — все это указывает вам, что впредь вы можете встретиться с своим родным флагом. Вы знаете, чем рискуете. Требуя, чтобы вы покинули турецкую службу в минуту, когда оттоманский флот поставил себя во враждебное положение, которого он должен нести последствия, я даю предостережение, которым вам не следует пренебрегать, если вы остались французами.

Имею честь и прочее, Де-Риньи».

Русская эскадра состояла из 74-пушечных линейных кораблей «Азов», «Иезекииль» и «Александр Невский», 84-пушечного корабля «Гангут», фрегатов «Константин», «Проворный», «Кастор» и «Елена». Всего на русских кораблях и фрегатах было 466 орудий.

В состав английской эскадры входили линейные корабли «Азия», «Генуя» и «Альбион», фрегаты «Глазго», «Комбриэн», «Дартмут» и несколько мелких судов. Всего англичане имели 472 пушки.

Французская эскадра состояла из 74-пушечных линейных кораблей «Сципион», «Тридент» и «Бреславль», фрегатов «Сирена», «Армида» и двух мелких судов. Всего на французской эскадре было 362 пушки.

Турецко-египетский флот стоял в Наваринской бухте на фертоинге в строе в виде сжатого полумесяца, «рога» которого простирались от Наваринской крепости до батареи острова Сфактерия. Линейные корабли (3 единицы) и фрегаты (23 единицы) составляли первую линию, корветы и бриги (57 единиц) находились во второй и третьей линиях. Пятьдесят транспортов и купеческих судов стояли на якорях под юго-восточным берегом Мореи. Вход в бухту шириной около полумили простреливался батареями с Наваринской крепости и острова Сфактерия (165 орудий). Оба фланга прикрывались брандерами. Впереди кораблей на дреках были установлены бочки с горючей смесью. На возвышенности, с которой просматривалась вся Наваринская бухта, находилась ставка Ибрагим-паши.

В целом позиция турецко-египетского флота была сильной. Однако наблюдалась скученность кораблей и судов, линейных кораблей было мало. Если считать число стволов, то турецко-египетский флот имел на тысячу с лишним пушек больше, но по мощи артиллерии превосходство оставалось за союзной эскадрой, причем значительное. Десять линейных кораблей союзников, вооруженных 36-фунтовыми пушками, были намного сильнее турецких фрегатов, вооруженных 24-фунтовыми пушками, и особенно корветов. Стоявшие в третьей линии и тем более у берега суда не могли стрелять из-за больших расстояний и опасения поразить свои корабли.

8 октября в одиннадцать часов утра подул легкий зюйд-зюйд-вест, и союзники немедленно начали строиться в две колонны. В правую входили английская и французская эскадры под командованием вице-адмирала Кодрингтона. Выстраивались они в следующем порядке: «Азия» (под флагом вице-адмирала Кодрингтона, на корабле находились 86 пушек и 800 человек команды); «Генуя» (74 пушки, 700 человек); «Альбион» (74 пушки, 700 человек); «Сирена» (под флагом контр-адмирала де Риньи, 60 пушек, 600 человек); «Сципион» (74 пушки, 700 человек); «Тридент» (74 пушки, 700 человек); «Бреславль» (74 пушки, 700 человек).

Российская (подветренная) эскадра выстраивалась в следующем порядке: «Азов» (под флагом контр-адмирала графа Гейдена, 74 пушки и 600 человек команды); «Гангут» (84 пушки, 650 человек); «Иезекииль» (74 пушки, 600 человек); «Александр Невский» (74 пушки, 600 человек); «Елена» (36 пушек, 250 человек); «Проворный» (44 пушки, 300 человек); «Кастор» (36 пушек, 250 человек); «Константин» (44 пушки, 300 человек).

Отряд капитана Томаса Фелловса шел в таком порядке: «Дартмут» (флаг капитана Фелловса, 50 пушек и 400 человек команды); «Роза» (18 пушек, 150 человек); «Филомель» (18 пушек, 150 человек); «Москито» (14 пушек, 120 человек); «Бриск» (14 пушек, 120 человек); «Алсиона» (14 пушек, 120 человек); «Дафна» (14 пушек, 100 человек); «Гинд» (10 пушек, 50 человек); «Армида» (44 пушки, 320 человек); «Глазго» (50 пушек, 400 человек); «Комбриэн» (48 пушек, 380 человек); «Толбот» (32 пушки, 250 человек). Всего в составе союзного флота было десять линейных кораблей, девять фрегатов, один шлюп и семь мелких судов, имевших 1308 пушек и 11 010 человек команды.

Турки же, кроме прочной позиции, крепости и батарей, имели три турецких корабля (86-, 84- и 76-пушечных и на каждом по 900 человек, всего 246 пушек и 2700 человек команды); пять двухпалубных 64-пушечных египетских фрегатов (320 пушек, 3250 человек); пятнадцать турецких 50- и 48-пушечных фрегатов (736 пушек, 9000 человек); три туниисских 36-пушечных фрегата и 20-пушечный бриг (128 пушек, 1125 человек); сорок два 24-пушечных корвета (1008 пушек, 10 500 человек); четырнадцать 20- и 18-пушечных бригов (252 пушки, 2100 человек). Всего в составе турецкого флота было 83 военных судна, более 2690 пушек и 28 675 человек команды. Кроме того, турецко-египетский флот имел десять брандеров и 50 транспортных судов.

В то время, когда союзные корабли начали строиться в колонны, ближе всех к Наваринской бухте находился французский адмирал со своим фрегатом. Его эскадра была под ветром в районе островов Сфактерия и Продано. Вслед за ними шли англичане, за которыми на самом близком расстоянии шел корабль русского адмирала, а за ним в боевом строю и в надлежащем порядке — вся его эскадра. Около полудня Кодрингтон приказал французским кораблям выполнить поворот оверштаг последовательно и войти в кильватер английской эскадре. При этом русская эскадра должна была их пропустить, для чего Кодрингтон послал на шлюпке своего флаг-офицера к Гейдену с приказанием лечь в дрейф, чтобы пропустить французов вперед. После перестроения, передав сигнал «Приготовиться к бою!», Кодрингтон в час пополудни начал входить с правой колонной в Наваринскую бухту.

Граф Гейден, к крайнему своему прискорбию, должен был исполнить волю вице-адмирала, а потому приказал на корабле «Азов» положить грот-марсель на стенгу, счел за нужное еще уменьшить в колонне расстояние, дал сигнал задним прибавить парусов. Маневр Кодрингтона потом толковали по-разному: некоторые утверждали, что он сделал это умышленно, чтобы поставить под удар русскую эскадру. Объяснение же намного проще: английский адмирал подумал, что входить через узкий пролив

одновременно двумя колоннами рискованно. Всякое могло случиться — и посадка на мель, и начало сражения в момент входа кораблей в Наваринскую бухту. Более простым и менее рискованным был маневр — последовательно войти в бухту одной кильватерной колонной. На этом варианте и остановился Кодрингтон, тем более что никто не знал, когда же начнется сражение. Была надежда избежать кровопролития вообще. Волей случая оно началось, когда в Наваринскую гавань начали втягиваться русские корабли.

Английский адмирал перед входом в гавань был встречен турецким офицером, который заявил, что якобы находящийся в отсутствии Ибрагим-паша «...не оставил приказаний касательно дозволения входа союзных эскадр в сей порт, а потому он требует, чтобы, не ходя дальше, поворотили в море». На это заявление Кодрингтон ответил, что он пришел не получать, а отдавать приказания и что он истребит весь их флот, если хотя бы один выстрел сделан будет по союзникам. В этот момент появилась надежда на мирный исход конфликта. Английские корабли, так же как и на маневрах, входили в бухту и по диспозиции становились на шпринг.

Командиру фрегата «Дартмут» капитану Феллоусу подчинялся отряд мелких судов, предназначавшихся для уничтожения брандеров, которыми прикрывались фланги неприятельского флота. Войдя в порт, он послал лейтенанта Фицроя на один из ближайших брандеров, чтобы отвести его подальше от союзной эскадры. Но турки, приняв это за нападение, открыли интенсивный ружейный огонь, убили посланного офицера и нескольких матросов. Тогда с ближайших фрегатов «Дартмут» и «Сирена» открыли ответный ружейный огонь. В ходе перестрелки с одного из египетских корветов сделали пушечный выстрел по фрегату «Сирена». Ядром у матроса оторвало обе ноги. Затем последовал другой выстрел со второго фрегата, а потом началась беспорядочная пальба из ружей и пушек турецкого флота. Через некоторое время в перестрелку включились береговые батареи.

Уже в самом начале сражения капитан Феллоус под градом пуль освободил от брандера корабль «Сципион». Другой брандер, обрубив якорные канаты, пошел на «Дартмут» и, пришвартовавшись к его правому борту, зажег на нем брамсели, но экипаж быстро погасил пожар, а брандер был отбуксирован и уничтожен.

В это время англичане, стоявшие на шпрингах в готовности к сражению, открыли меткий и сильный огонь с кораблей и фрегатов. Гейден вводил свою эскадру в затянутый дымом порт, и едва «Азов» миновал крепость и укрепления, как турки открыли по нему сильнейший огонь.

Вице-адмирал Кодрингтон сначала сражался с кораблем турецкого флагмана, несмотря на то что ближе находился корабль египтянина Могарембея. Кодрингтон, желая избежать напрасного кровопролития, послал

к Могарем-бею своего лоцмана, грека, уроженца острова Мило, но вмешались турки. Они дали картечный залп по шлюпке с парламентаром. По «Азии» открыл огонь другой корабль. Теперь флагманский корабль англичан вступил в бой не только с двумя кораблями, но и с судами второй и третьей линий. «Азия» потеряла бизань-мачту, с падением которой прекратили стрельбу некоторые кормовые пушки. Английский адмирал подвергался величайшей опасности. Но в этот момент в сражение вступил Гейден: его корабль, покрытый густым дымом, осыпaeмый картечью, ядрами и пулями, быстро подошел к неприятелю на расстояние пистолетного выстрела, стал на якорь и мгновенно убрал паруса.

Павел Степанович Нахимов так описывал начало сражения: «В 3 часа мы положили якорь в назначенном месте и повернули шпрингом вдоль борта неприятельского линейного корабля и двухдечного фрегата под турецким адмиральским флагом и еще одного фрегата. Открыли огонь с правого борта... «Гангут» в дыму немного оттянул линию, потом заштилил и целым часом опоздал придти на свое место. В это время мы выдерживали огонь шести судов и именно всех тех, которых должны были занять наши корабли... Казалось, весь ад развернулся пред нами! Не было места, куда бы не сыпались кнители, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться истинно с особенным мужеством, чтоб выдержать весь этот огонь и разбить противников...».

А вот как описывает это сражение историограф Средиземноморской эскадры капитан 1 ранга Иван Иванович Кадьян:

«Тогда положение англичан переменялось, противники их начали слабее и слабее действовать, и господин Кодрингтон, коему помог наш адмирал, сокруша капитан-бея, сокрушил и Могарема, корабль первого, пронесся по линии, брошен на мель, а второго сгорел, суда второй и третьей линии, бившие «Азию» с носу и кормы, потоплены. Но зато «Азов» обратил на себя общее внимание врага ярою злобою противу его кипевшего не только ядра, картечь, кнители, пули и брандскугели, но даже обломки железа, гвозди и ножи, кои турки в бешенстве клали в пушки, сыпались на него с одного корабля, пяти двухдечных фрегатов, бивших его в корму и в нос, и многих судов второй и третьей линий. Корабль загорался, пробоины увеличивались, рангоут валился.

Его сиятельство граф Гейден, находясь на юте во все время сего страшного сражения с веселым челом и совершенно спокойным духом, великим людям свойственным, наблюдал действия эскадры и противоборство многочисленного, в четверо сильнейшего неприятеля, предупреждая и отвращая все его дерзкие предприятия, с душевным удовольствием примечал ослабевающую силу онаго, но сердечно скорбел о потере достойных воинов

своих. Храбрый и опытный капитан Лазарев 2-й, находясь попеременно в разных местах корабля своего, управлял оным с хладнокровием, отличным искусством и примерным мужеством, ободряя личным присутствием твердость и храбрость нижних чинов и искусно направляя действие артиллерии, ускорял разрушение сил оттоманских, и Тагир-паша, на сем фланге начальствовавший, опасаясь потопления избитого фрегата своего с поспешностью перешел на другой. Когда же приспели к местам своим «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский» и «Бреславль», когда полетели и их ядра на вражеские корабли, тогда «Азов» мало помалу начал выходить из страшного аду, в коем он находился. 24 убитых, 67 раненых, избитый такелаж, паруса, а в особенности рангоут, и более 180 пробоин, кроме 7 подводных, доказывают истину сказанного.

Турки вообще целили по рангоуту, что было бы полезно, если бы сражались под парусами, напротив, союзники метили, как и быть должно, по корпусам, разрушая кои, били у них много людей. Мачты корабля «Азов» были так избиты, что на пути в Мальту, имея фальшивое вооружение, он с великою опасностью нес нижние паруса.

Капитан-лейтенант Баранов был в сей геройской битве действительным помощником капитана своего господина Лазарева и показал особенное присутствие духа, он исполнял с быстротою и точностью все его приказания, и, направляя корабль, как дело того требовало, равнодушно распоряжался действиями и управлением онаго, и когда из правой его руки вырвало картечью рупор, то господин Баранов, невзирая на боль, контузию причиненную, с стоической твердостью и необыкновенным хладнокровием, взяв другой в левую руку, спокойно продолжал делать зависящие от него распоряжения.

Рассматривая положение кораблей «Азов» и «Азия», нетрудно решить, кто из них находился в большей опасности, и сэру Кодрингтону или графу Гейдену принадлежит победный дня сего венец. Здесь, кстати сказать, что когда «Азия» перебила шпринг у корабля капитан-бея, тогда он повернулся к «Азову» кормою, граф, увидя сие, приказал громить его в оную из 14 орудий, когда же он по причине перебитых канатов своих пошел за «Альбионом», с другим 76-пушечным кораблем, с сим последним с начала сражения дравшимся, по которому «Азов» весьма сильно действовал, и там оба остановились на якорях, тогда, будучи не в состоянии сопротивляться долее, а особенно когда у него в констапельской сделался пожар, и сильные картечные выстрелы «Азова» не дозволили гасить оной, тогда яростию дышущие оттоманы, отрубив канаты, устремились среди гибельнаго положения своего в злом намерении сцепиться с кораблем «Азов» и сжечь его, но, встретив сильную и необоримую преграду в его ядрах и картечах, часть экипажа онаго бросилась на гребные суда, а другие, подняв торопливо

фор-стенги-стаксель, спустились под оным на берег, пламя указывало путь его к онаму.

Кроме сего корабля, адмирал наш потопил два большие 50-пушечные фрегата, два корвета второй линии со всеми бывшими на них разноплеменными народами и истребил фрегат Тагир-паши, убив и ранив на оном из числа 600 около 500 человек. Паша, видя его наполненный трупами и боясь утонуть на оном, перешел на другой, но вскоре и оттуда должен был спастись и остальное время до рассвета провел на острове.

Следовавшие за кораблем «Азов» наши корабли и фрегаты по мере вступления их в порт встречали сильную канонаду крепости, батарей и судов неприятельских, а брандера, зияющие жерлами, готовые заплыть в одну минуту, шли на сближение с ними; «Гангут» и «Иезекииль», встретив во время два из них верными выстрелами, немедленно пустили их ко дну со всем экипажем. Третий потоплен кораблями «Иезекииль» и «Александр Невский».

Французский корабль «Сципион» наскочил на турецкий брандер и своим бушпритом увяз в его вантах. Пламя перекинулось на корабль. Девять человек сгорели в огне, многие получили серьезные ожоги. Но в конце концов с пожаром справились. С помощью других кораблей брандер был пущен ко дну.

Линейный корабль «Гангут» вступил в бой одновременно с несколькими судами противника, в том числе с фрегатом Тагир-паши. Корабль «Иезекииль» атаковал 54-пушечный турецкий фрегат и много мелких судов второй и третьей линий. Корабль «Александр Невский» уже при входе в Наваринскую бухту уничтожил береговую батарею, а затем в течение 40 минут расправился с 58-пушечным турецким фрегатом».

Участвовавший в сражении на корабле «Гангут» лейтенант Александр Петрович Рыкачев так описал Наваринское сражение: «Мы в это время следовали за кораблем «Азов» в совершенном дыму, в самом разгаре начавшейся битвы. На право была у нас Наваринская крепость, на лево сильная батарея острова Сфактория. По обе стороны у входа горели брандеры, угрожая нам пожаром. Весь неприятельский флот, построенный в три линии полукружием, был перед нами, действуя уже всеми своими орудиями. Если прибавить к этому еще то обстоятельство, что густой дым закрывал не только тесный и мало известный нам проход, но даже и всю губу, то не трудно составить себе хотя приблизительное понятие о том затруднительном положении, в котором мы находились.

Крепости и батареи встретили нас сильным картечным огнем, причинившим большой вред нашему рангоуту и парусам и переранившим и убившим многих на юте. С перваго же нашего залпа и залпа с французскаго корабля «Бреславль», находившагося у нас вправо, батареи и крепости

совсем замолчали. Покончив с батареями, в густом дыму, под выстрелами всей правой стороны турецкого флота шли мы вперед за кораблем «Азов», действуя на оба борта. Достигнув до якорного места, назначенного нам по диспозиции вице-адмирала Кодрингтона, сделанной 7-го октября, перед носом корабля «Азов» в расстоянии от него в полукабельтове бросили мы даглист со шпрингом на 28-ми саженьях глубины. Едва успел корабль наш придти на канат, как у нас под самым бушпритом пронесло горящий турецкий корвет, сцепления с которым мы избежали только, потравив 10-ть сажень канату. Его пронесло в неприятельскую линию, где не более как через пять минут он взлетел на воздух.

Став на якорь, мы действовали батареями одной правой стороны против трех турецких фрегатов, из которых один был двухдечный. Корабль наш сильно терпел от огня продолжения неприятельской линии до тех пор, пока ставший у нас перед носом корабль «Иезекииль» не занял суда впереди нашего траверза. Тогда мы действовали только по двум фрегатам и корветам второй линии. Густой дым с обеих сторон мешал хорошенько видеть действия остальных судов соединенного флота. Французский адмиральский фрегат «Сирена» был сильно обит, за то дравшийся с ним египетский корабль уже горел. Английские корабли «Альбион» и «Генуа» ужасно громили свалившиеся два линейные турецкие корабля и двухдечный фрегат. Адмиральский корабль «Азия» помогал им своим правым бортом, а левым действовал против египетского двухдечного фрегата. Наш «Азов» частью своей левой батареи действовал по вышесказанным кораблям и бил еще продольными выстрелами 80-ти пушечный турецкий корабль, дравшийся с «Альбионом» и упавший из линии, потеряв свои якоря. В то же время «Азов» не прекращал огонь по фрегату Тагир-Паши и сам много потерпел до нашего прихода на место под выстрелами всего полукружия турецкого флота. Прочие корабли французской линии уже истребили своих противников. Корабль «Бреславль», бросивший прежде в дыму якорь по середине губы, отрубил канат, прошел под корму нашего адмиральского корабля и жестоко бил корветы второй и третьей линий, а своими носовыми пушками действовал также по турецкому кораблю.

Около 4-х часов увидели мы шедший прямо на нас горящий брандер. Нам удалось уклониться от него действием шпринга и несколькими меткими выстрелами пустить его ко дну. Через полчаса после этого дравшийся с нами фрегат, закрыв борта, но не спуская флага, погрузился в воду. Вскоре и другой, 64-х пушечный, взлетел на воздух. Громогласное «Ура!» по всей нашей линии было знаком того, что победа начала явно клониться в нашу сторону. Признаюсь, этот взрыв турецкого фрегата вряд ли кто из нас забудет во всю жизнь. От сотрясения воздуха корабль наш содрогнулся во всех своих членах. Нас засыпало снарядами и головнями, от чего в двух местах

на нашем корабле загорелся пожар, но распоряжением частных командиров и проворством пожарных партий огонь был скоро погашен без малейшего замешательства. После взрыва нашего ближайшего противника мы продолжали действовать плутонгами по корветам, бывшими во второй линии сзади фрегатов. Суда эти, отрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув онаго, тонули, а люди спасались вплавь. Около этого же времени взлетел на воздух 80-ти пушечный турецкий корабль, дравшийся с кораблем «Азия». Тогда сражение уже было совершенно выиграно. Кругом все горело. Безпрестанные взрывы оттоманских судов освещали торжествующий союзный флот, и к 6-ти часам вечера пальба по всей линии умолкла. Сдались соединенному флоту два 90 пушечных корабля и три больших фрегата. Взлетел на воздух 1 корабль и 11 фрегатов. Прочие суда прекраснаго флота египетскаго паши были частью потоплены или брошены на берег; одним словом, флот Ибрагима был уничтожен». В послужном списке этого офицера появилась запись: «...находясь на верхнем деке, верными и скорыми выстрелами истреблял неприятеля, и по абордированию пущеннаго на нас корабля, деятельно осмотрев оный, потушил на нем огонь и отбуксировал под ветер; за что Всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом 21 декабря 1827 года». На этом же корабле находился и брат Александра Петровича Рыкачева мичман Дмитрий Петрович Рыкачев, награжденный орденом Святой Анны 3-й степени.

В 18 часов 20 минут сражение прекратилось. Было уничтожено 60 судов противника, в том числе три линейных корабля, девять фрегатов, двадцать четыре корвета, четырнадцать бригов, десять брандеров. Число убитых и утонувших превысило 8 тысяч человек. Ночью сгорели почти все оставшиеся суда. Союзники потерь в кораблях не имели. На русской эскадре погибли два офицера и 57 матросов, на английской — шесть офицеров и 73 матроса, а на французской — 41 матрос. На союзной эскадре ранения получили 25 офицеров и 562 матроса.

После отбоя тревоги на кораблях отслужили благодарственный молебен за дарованную победу и приготовились к отражению ночной атаки турецких брандеров. Наваринская бухта в то время была похожа на Чесменскую после знаменитого сражения 1770 года: непрерывно взрывались горевшие суда, бухта заполнилась судовыми обломками и трупами. После полуночи один из уцелевших турецких фрегатов предпринял попытку атаковать русскую эскадру. На «Азове» заметили приближающегося противника и, обрубив якорный канат, уклонились в сторону. Фрегат прошел в нескольких метрах от «Азова» и врезался бушпритом в такелаж «Гангута». Команда «Гангута» немедленно перебежала на турецкий фрегат и изрубила разжигавших костры турок. Огонь на фрегате удалось залить, а затем он был отбуксирован и сожжен в стороне от русской эскадры.

В своем донесении Л.П.Гейден писал:

«Три союзные флота соревновали один другому в храбрости. Никогда не видно было столь искреннего единодушия между различными нациями. Взаимные пособия доставлялись с неписаной деятельностью. При Наварине слава английского флота явилась в новом блеске, а на французской эскадре начиная от адмирала Риньи все офицеры и служители явили редкие примеры мужества и неустрашимости.

Капитаны и прочие офицеры российской эскадры исполняли долг свой с примерным рвением, мужеством и презрением всех опасностей, нижние чины отличились храбростью и повиновением, которые достойны подражания.

Неустрашимый капитан 1 ранга Лазарев 2-й управлял движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным. Капитаны Авинов, Хрущев, Богданович и Свинкин равно отличились. Сей последний, хотя при начале дела был тяжело ранен картечью, но продолжал командовать во все сражение, держась около 4 часов за веревку и на коленях на палубе своего корабля. Капитан «Гангута» Авинов явил также пример редкого присутствия духа.

Здесь уместно привести приказ Кодрингтона, ибо в нем, как в донесении Гейдена, полностью опровергаются слухи о том, что между союзниками существовала не только взаимная неприязнь, но и вражда:

«Прежде, нежели соединенные эскадры оставят место ознаменованное ими столь решительною победою, главнокомандующий вице-адмирал поставляет себе приятною обязанностию изъявить господам офицерам и нижним чинам, на оных подвизавшимся, то высокое свое понятие о чрезвычайной их храбрости и хладнокровии, которое возымел он в 8-й день сего месяца.

Он совершенно уверен, что ни в каком флоте, принадлежащем одной и той же нации, не могло быть такого единодушия совершенного, такого полного согласия, каким в действии одушевлены были эскадры трех наших союзных дворов в сем кровопролитном и гибельном для неприятеля сражении, он в особенности приписывает сие славным подвигам своих сподвижников господ контр-адмиралов, деяния коих послужили примером прочим кораблям их, и столь скорому и непременно вспоможению, доставляемому от одного другому в самом жару и смятении сражения.

Такое единодушие к общей цели, такое хладнокровие и храбрость и столь примерная точность в действии артиллерии были следствием одержанной победы над благоразумно и в превосходнейшей силе приуготовленным неприятелем. Турецкий и египетский флоты получили возмездие за свое вероломство и нарушение данного обещания.

Высокомерный Ибрагим-паша обещал не оставлять Наварин и не действовать против союзного флота, но бесчестно изменил данному слову.

Союзные начальники обещали истребить турецко-египетский флот, ежели хотя один выстрел будет сделан по оным; и с помощью храбрых людей, коими счастье имели они командовать, в полной мере исполнили обещание свое — из 66 военных судов, флот их составлявших, остался один только фрегат и 15 мелких судов в таком состоянии, что едва ли когда они в состоянии будут служить в море. Таковая победа не может быть одержана без больших пожертвований. Главнокомандующий оплакивает потерю многих искуснейших и храбрейших воинов и одно лишь утешение находит в том, что они пали, исполняя долг свой и за дело страждущего человечества.

Главнокомандующий изъявляет искреннейшую признательность высоким своим сподвижникам, господам контр-адмиралам за благоразумное и отличное управление своими эскадрами, а равно капитанам, офицерам, матросам и солдатам столь ревностно исполнившим их приказания и столь мужественно поразившим зачинщиков».

Все командиры русских кораблей и фрегатов были награждены английскими и французскими орденами. Это тоже своего рода взаимное признание и оценка вклада в общую победу.

За отличие в этом сражении капитан 1 ранга М.П.Лазарев был произведен в контр-адмиралы, награжден английским орденом Бани и французским — Святого Людовика. Граф Л.П.Гейден получил чин вице-адмирала, орден Святого Георгия 3-й степени, французский орден Святого Людовика 1-й степени и английский — Бани 2-й степени большого креста. Его флагманский корабль «Азов» первым в Российском флоте поднял кормовой Георгиевский флаг. В Наваринском сражении отличились лейтенант П.С.Нахимов, мичман В.А.Корнилов, гардемарин В.И.Истомин — будущие флотоводцы, герои Синопа и Севастополя. Русский император наградил Кодрингтона орденом Святого Георгия 2-й степени, а де-Риньи — орденом Святого Александра Невского. Для нижних чинов на каждый корабль выдали по десять, а на фрегат — по пять Георгиевских крестов.

Какие же тактические уроки можно сделать из этого сражения? Говорить о полном превосходстве какой-либо стороны нельзя. В линейных кораблях, а следовательно, и в мощи корабельной артиллерии превосходство было на стороне союзников. Зато турецко-египетская сторона имела позиционное преимущество и, конечно, сильно укрепленные береговые батареи. Просчетом Ибрагим-паши стало то, что он пропустил союзников в Наваринскую бухту. По всем правилам военно-морского искусства Ибрагим-паша должен был дать сражение в узком проходе в бухту, но он этого не сделал. Затем он безграмотно применил артиллерию: вместо того чтобы бить по корпусу судна, его корабли стреляли по рангоуту, в результате чего туркам не удалось потопить ни одного союзного корабля.

«Потомству в пример»

После Наваринского сражения и разгрома турецкого флота перед Черноморским флотом стояла единственная задача — удержать господство на море. Это означало, что русский флот не должен выпустить из Босфора в Черное море неприятельские корабли. С этой задачей эскадра вице-адмирала Алексея Самуиловича Грейга справлялась блестяще. 11 мая 1829 года турецкий флот в составе четырнадцати вымпелов появился в Черном море. На следующий день он завладел русским фрегатом «Рафаил», спустившим флаг без единого выстрела. Но едва турецкие корабли оторвались от Босфора, как были обнаружены крейсировавшими на траверзе Пендераклии фрегатом «Штандарт» и бригами «Орфей» и «Меркурий». Старший отряда командир «Штандарта» капитан-лейтенант Павел Яковлевич Сахновский дал сигнал «Взять курс, при котором судно имеет наилучший ход». Зная о своем преимуществе, турки тоже подняли все паруса и пошли на сближение. «Штандарту» и «Орфею» удалось оторваться и уйти от преследования, «Меркурий» же, несмотря на поставленные бом-брамсели, стаксели и лисели, отстал и вскоре был настигнут 110- и 74-пушечными кораблями: на первом развевался флаг капудан-паши, а на втором — контр-адмирала.

Бриг «Меркурий» построил на Севастопольской верфи известный корабельный мастер подполковник Корпуса корабельных инженеров Иван Яковлевич Осьминин. Спуск брига на воду состоялся 7 мая 1820 года. Это относительно небольшое двухмачтовое судно предназначалось для несения дозорной службы и разведки. Его длина составляла менее 30 метров. Построен он из крепкого крымского дуба. Вооружение состояло из восемнадцати 24-фунтовых карронад для ближнего боя и двух переносных пушек меньшего калибра. При необходимости эти пушки можно было использовать либо как ретирадные, либо как погонные, то есть из них можно было вести огонь как при отступлении, так и при преследовании противника. Во время обороны Севастополя в 1855 году корпус брига использовался в качестве понтона при наведении моста через Южную бухту, а в 1856 году его отбуксировали в Николаев для разборки на дрова. Этот бриг был назван в честь 24-пушечного катера «Меркурий», отличившегося во время Русско-шведской войны 1788—1790 годов. 29 апреля 1789 года катер «Меркурий» атаковал и захватил в плен шведский тендер «Снапоп», затем 21 мая того же года он пленил 44-пушечный шведский фрегат «Венус». Командовал балтийским «Меркурием» капитан-лейтенант Р.В.Крун, которого императрица Екатерина II наградила орденом Святого Георгия 4-й степени, пожаловала следующим чином и пожизненной пенсией.

Понимая, что неравного боя не избежать, командир брига капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский собрал офицеров на военный совет,

на котором, как и было заведено в русском флоте, младший из присутствующих штурман Прокофьев высказал свое мнение: «Будем сражаться, пока хватит сил, ну, а там сцепимся с турками да и взорвемся». Все присутствовавшие одобрили это мнение. Тогда Казарский, положив на шпиль заряженный пистолет, произнес: «Господа! Последний оставшийся из нас в живых приведет в исполнение это решение и вот из этого пистолета выстрелит в крайт-камеру». После этого выстроенная команда встретила решение офицеров восторженным «Ура!» Между тем турки подходили все ближе и ближе.

Первым настиг «Меркурия» 110-пушечный «Селимие», командир которого хотел зайти в корму и губительным продольным залпом сразу решить исход боя в свою пользу. Однако Казарский, умело маневрируя, уклонился от первого залпа. Выбрав удачный момент, он дал полный залп правым бортом по неприятелю.

Через несколько минут и 74-пушечный корабль «Реал-бей» подошел к левому борту «Меркурия». Бриг оказался между неприятельскими кораблями, то есть был взят в два огня. Турки буквально засыпали бриг ядрами, которые ударялись в корму и в нос, некоторые пробивали борт навывлет. Затем в бриг полетели кнители и брандсугели. Но, к счастью, мачты пока оставались невредимыми. То в одном, то в другом месте на брига вспыхивали пожары, но матросы, ни на минуту не прерывая стрельбу, в считанные минуты заливали их водой. Появились убитые и раненые.

После двух полных залпов с турецкого 110-пушечника закричали: «Сдавайся, убирай паруса!». Но в ответ под громогласное «Ура!» с брига гремели новые выстрелы. С марсов и реев как ветром сдуло абордажные партии неприятеля.

Понимая, что по корпусу стрелять бесполезно, Казарский приказал бить по рангоуту и парусам. Удачным выстрелом удалось перебить бейфут грот-марса-рея 110-пушечного корабля, у которого сразу же марсель и брамсель заполоскали и беспомощно повисли. Благодаря этому попаданию турецкий корабль несколько отстал, а затем привелся к ветру для устранения повреждений. В отчаянии турецкий командир вдогонку бригу дал полный залп и сбил со станка одну из пушек. Снова появились новые убитые и раненые. Командир «Реал-бея» уже не решался подставлять свой борт бригу: он зашел в корму, посылая все новые и новые залпы в сторону брига. Каким-то чудом Казарскому удалось развернуть бриг и дать удачный залп всем бортом. Получив повреждения в парусах, и этот корабль лег в дрейф. «Меркурий» же, подняв все паруса, начал удаляться от неприятеля.

В ходе этого беспрецедентного в морской истории боя, продолжавшегося более трех часов, бриг получил 22 пробоины в корпусе и массу повреждений в рангоуте, такелаже и парусах, все гребные суда были разбиты в

щепки. Палуба брига была завалена осколками и обломками. Четыре человека были убиты, а восемь получили ранения. Сам командир получил контузию головы, но, несмотря на это, продолжал руководить боем до победного конца.

Сохранилась запись турецкого штурмана об этом бое: «Во вторник с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских судна. Мы погнались за ними, но догнать могли только один бриг. Корабль капудан-паши и наш открыли тогда сильный огонь... Неслыханное дело! Мы не могли заставить его сдаться. Он дрался, отступая и маневрируя по всем правилам морской науки так искусно, что стыдно сказать: мы прекратили сражение, а он со славою продолжал свой путь. Во время сражения мы поняли, что капитан этого брига никогда не сдастся и скорее взорвет себя на воздух. Если чье-либо имя достойно быть начертанным золотыми буквами на храме славы, то это имя капитана этого брига. Он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг — «Меркурий». С 20-ю пушками не более он дрался против 220 в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Когда императору Николаю I доложили об этом бое, он распорядился наградить Казарского орденом Святого Георгия 4-й степени, произвести в чин капитана 2 ранга и присвоить звание флигель-адъютанта. Такой же орден вместе с дворянским титулом получил поручик Прокофьев. Остальные офицеры были награждены орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, а нижние чины — знаками отличия Военного ордена. Весь личный состав брига получил пожизненные пенсии, а дворянские гербы офицеров украсились изображением пистолета над обращенным «рогами» вниз месяцем — символом поражения турецкого флота. На гербе Казарского, кроме того, был изображен бриг «Меркурий». Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы:

*«Правительствующему Сенату.
Предложение.*

Господин генерал-адъютант Адлерберг от 6 сего июня сообщил мне, что 14 числа прошедшего мая один фрегат и два брига Черноморского флота, крейсировавшего у пролива Константинопольского, усмотрели в море неприятельский флот в числе шести линейных кораблей, двух фрегатов и восьми меньших судов и вследствие того устремились на присоединение с флотом нашим. Фрегату и одному бригу удалось избежать от преследования неприятеля, но другой бриг «Меркурий», невзирая на все усилия экипажа, употребившего даже и силу весел для ускорения хода, был настигнут двумя неприятельскими линейными кораблями, одним 110-пушечным

под флагом капитана-паши и другим 72-пушечным под флагом адмиральским. Видя невозможность избежать или плена, или очевидной гибели, командир брига капитан-лейтенант Казарский созвал офицеров своих для военного совета, из числа их Корпуса итурманов поручик Прокофьев первый предложил взорвать бриг на воздух. Мнение его единодушно было принято и решено защищаться до последней крайности, а когда бриг будет поврежден до невозможности держаться, то схватиться с которым либо из неприятельских кораблей, с тем чтобы тот из офицеров, который тогда останется в живых, зажег крюйт-камеру, на сей конец был положен на шпиль брига заряженный пистолет.

Следствием сей мужественной решимости был продолжительный, упорный, безпримерный бой восемнадцатипушечного судна с двумя линейными кораблями, соединявшими сто восемьдесят четыре орудия, и борьба ста восьми отважных, на верную смерть обрекшихся, с экипажем, в двадцать раз сильнейшим. Около трех часов сражение продолжалось неослабно в виду всего остального турецкаго флота. Бриг «Меркурий», поврежденный во всех частях своих градом неприятельских ядер, сверх того загорелся от гранаты, но все менее того восторжествовал над соединенными усилиями своих противников, принудив одного после другаго разбитием важнейших частей такелажса, мачт и парусов к прекращению огня, и на другой день соединился с флотом нашим.

Государь Император, отдавая полную справедливость сему дославному подвигу брига «Меркурия», между прочим наградами всему экипажу Всемилостивейше пожалованными, Высочайше повелел соизволить: внести в гербы всех офицеров, на оном 14 числа сражавшихся, пистолет, как орудие избранное ими для совершения геройскаго намерения, принятаго единодушно на случай невозможности продолжения обороны.

О таком Высочайшем повелении я имею честь предложить Правительствующему Сенату, для зависящаго расположения прилагая при сем именной список штаб и обер-офицерам, отличившимся на бригае «Меркурии», и присовокупляя к тому, что все они, как уведомляет меня господин генерал-адъютант Адлерберг, Высочайшим приказом, в 4 день сего месяца отданным, произведены в следующие чины.

Управляющий Министерством Юстиции
 Князь Алексей Долгорукий.
 Директор Е.Люминарский.
 № 5477. 14 июня 1829 г.»

«1829 года июня 17 дня.

Правительствующий Сенат приказал: Во исполнение сего Высочайшего повеления предоставить Герольдии, истребовав откуда следует послужные списки вышеозначенных чиновников и от них сведения, имеют ли они родовые гербы и в гербах тех, которые уже они имеют, изобразить по приличию пистолет, а для тех, которые оных не имеют, прожесктировать вновь и представить оные на Высочайшее Е.И.В. утверждение».

«Герольдии.

Предложение.

Получив при рапорте Герольдмейстера от 3 декабря 1830 года составленные Герольдиею, по предписанию Правительствующаго Сената, гербы офицера брига «Меркурия», отличившагося в минувшую с турками войну, флигель-адъютанту капитану 2 ранга Казарскому, капитан-лейтенантам Новосильскому, Скарятину, лейтенанту Приступову и штабс-капитану Прокофьеву, я предоставлял оные Комитету господ Министров для поднесения к Высочайшему Его Императорскаго Величества утверждению.

В заседании 3 января сего года объявлено Комитету, что из числа сих гербов четыре удостоены Высочайшаго утверждения в С.-Петербурге 29 декабря 1830 года; на гербе же флигель-адъютанту капитану 2 ранга Казарскому Государь Император собственноручно написать изволил: «Корабль похож на бумажный, велеть сделать в Морском ведомстве и с него срисовать».

*Управляющий Министерством Юстиции
статс-секретарь Д.Блудов.*

Экспедитор А.Веймарн.

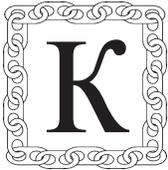
№ 199. Января 10 дня 1831 г.»

Как и приказал император, герб Казарского был нарисован заново и 20 февраля 1831 года удостоен высочайшего утверждения.

К сожалению, жизнь Казарского была недолгой. Умер он в 36-летнем возрасте. В 1811 году поступил на службу в Черноморский флот волонтером. В 1813 году стал гардемаринном, а в следующем году получил первый офицерский чин мичмана. С 1815 по 1820 год Казарский служил на судах Дунайской флотилии, стал лейтенантом. В 1828 году, командуя бригам «Соперник», отличился при взятии Анапы и Варны, за что получил следующий чин и золотое оружие.

Бриг «Меркурий» вторым после «Азова» поднял кормовой Георгиевский флаг. В царском указе были такие слова: «Мы желаем, чтобы память безпримерного дела сего сохранилась до позднейших времен. Вследствие

Лебединая песня парусного флота

К середине XIX века стремление к господству на Ближнем Востоке и овладению Черноморскими проливами привело к усилению противоречий между Англией и Россией. Францию тоже не устраивало господство России на Черном море и ее влияние на Турцию. Однако русско-турецкие отношения из-за религиозных разногласий все более обострялись. Наконец, 10 мая 1853 года между Россией и Турцией прекратились дипломатические отношения, а в июне русская армия вошла в Молдавию и Валахию. В октябре 1853 года началась Крымская война, в которой против России на стороне Турции выступили Англия и Франция.

Еще в сентябре на кораблях эскадры вице-адмирала Павла Степановича Нахимова из Севастополя на Кавказское побережье была переправлена пехотная дивизия с артиллерией и обозом. За эту операцию император наградил Нахимова орденом Святого Владимира 2-й степени. В начале войны, осуществляя поиск турецкой эскадры в восточной части Черного моря, Нахимов отдал приказ:

«Имея известие, что турецкий флот вышел в море в намерении занять принадлежащий нам порт Сухум-кале, намерение неприятеля не может иначе исполниться, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор господ командиров и офицеров, во втором, с Божией помощью и уверенностью в своих командирах, офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение и не допустить неприятеля исполнить свое дерзкое намерение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что, по мнению моему, в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика».

Но противник у российских берегов не появлялся. Тогда Нахимов сам предпринял попытку найти и уничтожить турецкий флот у его побережья. 11 ноября он в конце концов обнаружил неприятеля в Синопской бухте. У Нахимова было всего три линейных корабля, которыми он вначале и блокировал неприятельский флот, а 16 ноября подошли еще три линейных корабля и два фрегата под командованием контр-адмирала Федора Михайловича Новосильского (он в 1829 году отличился на бриге «Меркурий»). На следующий день Нахимов провел совещание флагманов и командиров кораблей, после чего появился его знаменитый приказ:

«Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе, в числе семи фрегатов, двух корветов, одного шлюпа, двух пароходов и двух транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по одной на якорь и иметь в виду следующее:

1. При входе на рейд бросать лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководье, и тогда стать на возможно близком от него расстоянии, но на глубине не менее 10 сажен.

2. Иметь шпринг на два якоря; если при нападении на неприятеля будет ветер N, самый благоприятный, тогда вытравить цепи 60 сажен, иметь столько же шпрингу, предварительно заложенного на битенг; идя на фордевинд при ветре O или ONO, во избежание бросания якоря с кормы становиться также на шпринг, имея его до 30 сажен, и когда цепь, вытравленная до 60 сажен, дернет, то вытравить еще 10 сажен; в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою на ветер, на кабельтове; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недействительными от малейшего невнимания и промедления времени.

3. Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах я сделаю сигнал спустить их у борта на противоположащей стороне неприятеля, имея на одном из них на всякий случай кабельтов и верп.

4. При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги; посылать же для овладения ими не иначе, как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противостоящих судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если бы с неприятельскими судами дело и было кончено.

5. Ныне же осмотреть заклепки у цепей; на случай надобности расклепать их.

6. Открыть огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если пред тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашего на него наступлению; в противном случае палить, как кому возможно, соображаясь с расстоянием до неприятельских судов.

7. Став на якорь и уладив шпринг (то есть повернув им корабль бортом к неприятелю), первые выстрелы должны быть прицельные; при этом хорошо заметить положение пушечного клина на подушке мелом, для того что после, в дыму, не будет видно неприятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собою разумеется, что он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8. Атакуя неприятеля на якорю, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грот-марсе или салинге для наблюдения, а, буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шканцы для направления шпринга.

9. Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» во время действия оставаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10. Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные их флаги.

В заключение выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь Император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Ночь накануне сражения была дождливой, а море штормило. К утру шторм немного стих, но сплошные свинцовые тучи закрывали почти все небо, временами шел холодный дождь. Ветер был почти попутным. В девять часов утра, по сигналу флагмана, с кораблей спустили на воду гребные суда, а в половине десятого на корабле «Императрица Мария» взвился сигнал: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд!» Отслужив молебен, с развевающимися на брам-стенгах национальными флагами, на всех парусах эскадра начала сближаться с неприятелем. По сигналу Нахимова эскадра без труда перестроилась в две кильватерные колонны: во главе одной шел 84-пушечный «Императрица Мария» под флагом Нахимова, а во главе второй — 120-пушечный корабль «Париж» под флагом Новосильского. В кильватер «Императрице Марии» шли 120-пушечный «Великий князь Константин» и 80-пушечная «Чесма». За кораблем Новосильского следовали 120-пушечный «Три Святителя» и 80-пушечный «Ростислав».

Шел двенадцатый час. Обе колонны при порывистом попутном ветре под всеми парусами неслись в Синопскую бухту. Турецкий флот стоял в бухте в строю в форме полумесяца, повторяющем очертание берега. Левый фланг этого строя опирался на батарею №4, а правый — на батарею №6. В центре боевого порядка турки установили восьмиорудийную крупнокалиберную батарею №5. Три береговые батареи противника стреляли практически впустую, так как их ядра не долетали до русских кораблей.

На всех русских кораблях прислуга стояла у орудий. Все взоры были устремлены на флагмана в ожидании сигнала начать сражение. Ровно в двенадцать часов взвился полуденный флаг, а затем на флагманском корабле прозвучал полуденный выстрел. Этот обычай был выполнен с особым шиком и как-то сразу успокоил команды.

Но напряжение все нарастало. Первыми дрогнули турки. С флагманского 44-пушечного фрегата Осман-паши «Ауни-Аллах» сверкнула молния пушечного выстрела, а затем Синопскую бухту огласил неумолкающий перекал грома сотен орудий. Стреляли с судов и береговых батарей. Бухта заволокло дымом. В первые минуты русские корабли были буквально засыпаны градом ядер, кнпелей и картечи. Однако турки, как и в сражении при Наварине в 1827 году, повторяли ту же ошибку: вместо того чтобы сосредоточить огонь по корпусам, они снова били по рангоуту и парусам. При попутном и довольно сильном ветре этот огонь не достигал цели.

Невзирая на огонь, русские корабли, как на учениях, становились на шпринг по диспозиции. С помощью сорока двух 68-фунтовых бомбических пушек русские за полчаса расправились с турецким фрегатом, на котором турки, не выдержав огня, расклепали якорь-цепь и, не спуская флага, выбросились на мель в районе батареи №6. «Императрица Мария» взяла на себя флагманский «Ауни-Аллах». Несколько турецких судов и береговых батарей обрушили мощь своих орудий на корабль Нахимова: перебили большую часть рангоута и стоячего такелажа, у грот-мачты осталась только одна целая ванта. Расправившись с турецким флагманом, Нахимов перенес огонь на фрегат «Фазли-Аллах» (что в переводе на русский означало «Богом данный»). Это был бывший русский фрегат «Рафаил», захваченный турками еще в 1829 году. Не выдержав огня, и на этом фрегате турки расклепали якорь-цепь. Течение и ветер быстро понесли фрегат к берегу, а вскоре «Фазли-Аллах» уже горел.

В разгар сражения Нахимов внимательно следил за действиями эскадры. Восхищенный действиями «Парижа», уничтожившего фрегат «Дамиад» и добывавшего «Низамие», Нахимов распорядился поднять сигнал благодарности, но фалы оказались перебитыми. Тогда Павел Степанович приказал послать к «Парижу» шлюпку.

Уничтожив четыре фрегата и один корвет, «Императрица Мария» и «Париж» перенесли огонь на самую мощную батарею №5. Через каких-то пять-шесть минут от батареи остались груды металла. Прислуга в панике бежала.

Вслед за головными выстраивались и другие корабли. «Великий князь Константин» стал против двух 60-пушечных фрегатов «Навек-Бахри» и «Несими-Зефер» и 24-пушечного корвета «Неджми-Фешан». Эти суда прикрывались огнем батареи №4. Вначале всю мощь 68-фунтовых бомбических орудий «Великий князь Константин» обрушил на фрегаты. Подошедшая вскоре «Чесма», несмотря на выстрелы с батареи №3, огонь своих пушек направила на фрегат «Навек-Бахри». Спустя двадцать минут турецкий фрегат взлетел на воздух. Обломками фрегата засыпало батарею №4. Покончив с одним фрегатом, «Константин», повернув на шпринг, начал расстреливать «Несими-Зефер» и «Неджми-Фешан», а «Чесма» обратила

свои пушки против батарей №3 и 4 и вскоре сравняла их с землей. Тем временем «Константин» расправился с фрегатом и корветом. Объятые пламенем, оба судна выбросились на берег.

Не менее жарким был бой и на левом фланге. На корабле «Три Святителя» в самом начале сражения турки перебили шпринг. Оставшийся на одном якоре корабль развернулся кормой к батарее №6. Турки, однако, успели произвести лишь несколько залпов. На выручку «Трем Святителям» подошел «Ростислав», перенесший огонь на батарею. Тем временем с помощью барказа положение корабля удалось восстановить. Совместными усилиями «Ростислава» и «Трех Святителей» вначале были уничтожены фрегат «Каиди-Зефер» и корвет «Фейзе-Меабур», а затем батарея №6.

В перестрелке неприятельское ядро угодило прямо в батарею «Ростислава»: загорелся пороховой ящик, огонь стал распространяться в сторону кюйт-камеры. «Ростиславу» грозила опасность: он мог взлететь на воздух. Но храбрый мичман Николай Александрович Колокольцев спас корабль от верной гибели. Он получил чин лейтенанта и орден Святого Георгия 4-й степени. В том же году его наградили орденом Святого Владимира 4-й степени, а за участие в обороне Севастополя — золотым оружием.

В самый разгар сражения пароход «Таиф», пользуясь своим преимуществом в скорости, вырвался из Синопской бухты. Тем временем бухта превратилась в ад: в ней все горело, взрывалось и тонуло. С полузатонувшего «Ауни-Аллаха» сняли командующего турецкой эскадрой вице-адмирала Осман-пашу. В плену оказались еще трое турецких командиров кораблей.

В тот же день главнокомандующий войсками и флотом в Крыму адмирал князь Александр Сергеевич Меншиков донес императору: «Повеление Вашего Императорского Величества исполнено Черноморским флотом самым блистательным образом. Первая турецкая эскадра, которая решилась выйти на бой, 18-го числа ноября истреблена вице-адмиралом Нахимовым. Командовавший оною турецкий адмирал Осман-паша, раненный, взят в плен и привезен в Севастополь.

Неприятель был на Синопском рейде, где, укрепленный береговыми батареями, принял сражение. При этом у него истреблено семь фрегат, шлюп, два корвета, один пароход и несколько транспортов. За сим оставался один пароход, который спасся по превосходной быстроте своей.

Эта эскадра, по-видимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладения Сухумом и содействия горцам.

Наша потеря состоит в одном обер-офицере, 33-х убитых нижних чинах и 230-ти раненых».

В ответном рескрипте император Николай I писал:

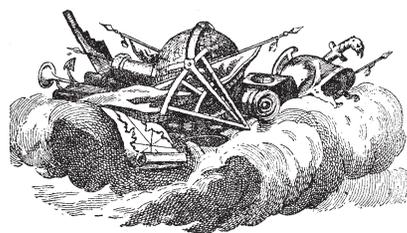
«Князь Александр Сергеевич!
Победа при Синопе являет вновь, что Черноморский флот Наш
достойно выполняет свое назначение. С искреннею, сердечною радос-
тию поручаю вам сказать храбрым морякам Нашим, что Я благода-
рю их за подвиги, совершенные для славы России и для чести Русскаго
флага. Я с удовольствием вижу, что Чесма не забывается в Русском
флоте и что правнуки достойны своих прадедов».

К Нахимову же император обратился со следующей грамотой:

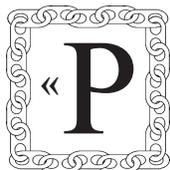
«Истреблением турецкой эскадры при Синопе Вы украсили лето-
пись Русскаго флота новою победою, которая навсегда останется
памятною в морской истории. Статут военного ордена Святаго
Великомученика и Победоносца Георгия указывает награду за Ваш
подвиг. Исполняя с истинною радостью постановление статута,
жалуем Вас кавалером Святаго Георгия второй степени большого
креста, пребывая к Вам Императорскою милостию Нашею благо-
склонны».

В воскресенье 29 ноября 1853 года по случаю Синопской победы в присутствии императора, генералов и адмиралов в большой церкви Зимнего дворца прошел торжественный молебен, который сопровождался салютом с Петропавловской крепости.

Синопское сражение стало последним сражением парусных кораблей и лебединой песней Российского парусного флота.

«Распоряжался, как на маневрах»

«Распоряжался, как на маневрах», — докладывал генерал-адъютант Владимир Алексеевич Корнилов о действиях командира пароходофрегата «Владимир» капитан-лейтенанта Григория Ивановича Бутакова после боя с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри». 29 октября Севастопольский рейд покинули «Великий князь Константин», «Три Святителя», «Париж», «Двенадцать Апостолов», «Ростислав» и «Святослав». Они вышли на поиски и с целью уничтожения турецкого флота, замеченного днем в районе Босфора. К эскадре должны были присоединиться пароходофрегаты «Владимир» и «Одесса».

Эскадра прошла мимо Херсонесского маяка с попутным ветром, затем подул крепкий юго-восточный ветер, поэтому следовало не только взять рифы, но и спустить брам-реи. За сутки удалось пройти до 70 миль. К вечеру ветер сменился на юго-западный и стал противным. Временами налетали дождевые шквалы. К вечеру следующего дня волнение несколько уменьшилось. К эскадре присоединился «Владимир», «Одесса» же затерялась в бушующем море.

Особенно сильный шторм пришлось выдержать 1 и 2 ноября: снова взяли рифы, потом оставили только грот-марсели и трисели. Огромные трехдечные корабли бросало как тендеры. Сильные порывы ветра, дождь и град на время стали их главными противниками. Наконец, к утру 3 ноября ветер стих. Эскадра маневрировала у мыса Калиакрия, где когда-то разгромил турок адмирал Ушаков. После полудня Корнилов направил своего адъютанта лейтенанта Железнова на пароходофрегате «Владимир» осмотреть порты Балчик, Варну и Сизополь. Эскадра привела себя в порядок и в строю кильватерной колонны маневрировала на траверзе Варны в ожидании сообщения с «Владимира». Ни в одном из осмотренных портов неприятеля не оказалось. Корнилов перенес свой флаг на «Владимир», направившийся в Севастополь для приемки угля. Эскадра под флагом контр-адмирала Новосильского ушла на соединение с эскадрой Нахимова.

В шесть часов утра 5 ноября на румбе NW показался дым парохода. «Владимир» взял курс прямо на этот дым: примерно в восемь часов утра просматривались две мачты и труба. Сначала подумали, что это «Бессарабия», но через час пароходофрегаты сблизилась настолько, что без подозрительной трубы можно было рассмотреть флаги, а в десять часов суда сошлись на пушечный выстрел. С «Владимира» выпустили первое ядро, упавшее прямо по курсу неприятельского судна: это был общепринятый сигнал-предложение о сдаче без боя. Но турецкий пароход продолжал следовать тем же курсом. Второй выстрел с «Владимира» был сделан уже на поражение. Сразу же ответный огонь открыли все орудия правого борта «Перваз-Бахри»,

но почти все его ядра ложились с большим перелетом. Русские стреляли точнее. Уже третьим выстрелом удалось сбить флаг. Турки подняли новый. Затем Бутаков зашел в корму и погонными бомбическими пушками расстрелял противника в упор.

Об этом бое в отчете Бутаков писал так: «Увидев, что противник мой не имеет кормовой и носовой обороны, я направил два 68-фунтовых орудия по направлению своего бушприта и стал держать ему в кильватер, уклоняясь понемногу в одну и другую стороны, чтобы удобнее было наводить каждую по очереди. Когда же он, чтобы иметь возможность навести свои бортовые орудия, старался принять направление поперек моего курса, я уклонялся в ту же сторону и громил его пятью орудиями своего борта, именно же двумя 84-фунтовыми, одною 68-фунтовою и двумя 24-фунтовыми пушками-карронадами».

К одиннадцати часам на турецком пароходе оказались разбитыми все шлюпки, были видны пробоины в борту, повреждены рангоут, снесена смотровая площадка, дымовая труба напоминала решето. Несколько раз «Владимир» подходил на картечный выстрел и разряжал свои пушки в упор. Бутакову удалось дать несколько бортовых продольных залпов с кормы. В час пополудни турки спустили флаг. На борт неприятельского пароходофрегата на шестерке был послан лейтенант Ильинский, который принял приз и поднял на нем Андреевский флаг. Как было заведено Петром Великим, под Андреевским флагом висел приспущенный флаг побежденного корабля.

Затем под командованием старшего офицера лейтенанта Ивана Григорьевича Попандопуло на «Перваз-Бахри» высадилась команда, состоящая из сорока человек. Все пленные были препровождены на «Владимир». На захваченном судне 10-пушечном египетском пароходофрегате «Перваз-Бахри» находился экипаж из 151 человека. Он доставлял почту в Синоп и возвращался в Пендераклию. В плен русские захватили девять офицеров и 84 нижних чина. Убитых и раненых насчитывалось более 40 человек. Гюйс с «Перваз-Бахри» был подарен Морскому корпусу.

«Посланные овладеть призом, — писал Бутаков, — нашли на нем страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвала, компасов, люков, рангоута и перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, членами человеческими, ранеными, кровью и каменным углем, которым была завалена его палуба, чтобы иметь большой запас! И внизу лопнуло несколько бомб. В носовой каюте разорвало ядром офицера, спустившегося тушить пожар, причиненный бомбою; в кормовой — рулевого, бывшего там для подобной же цели. Ни одной переборки, которая была бы цела! Бока, кожухи, будки избитые! Паровая и дымовая трубы как решето! Две половины перебитого у воды руля едва держались вместе и скоро потом отломались

одна от другой! От грот-мачты отщеплено в двух местах более трех четвертей толщины ее и она едва держалась!»

Впоследствии на Севастопольской верфи этот пароход был отремонтирован и вошел в состав Черноморского флота под названием «Корнилов», но при сдаче Севастополя его пришлось сжечь.

Незначительные повреждения получил и «Владимир». На русском судне погибли лейтенант Железнов и горнист, а унтер-офицер и два матроса получили ранения. Отцу погибшего лейтенанта Железнова генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич направил письмо следующего содержания:

«Иван Григорьевич!

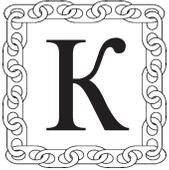
Мне весьма прискорбно, что в первый раз, когда случается писать Вам, я должен говорить о постигшем Вас несчастье. Славная смерть вашего сына, который пал при взятии нашим пароходом египетского парохода «Перваз-Бахри», тем более меня опечалила, что я знал лейтенанта Железнова еще как юнкера, при самом начале его службы и потом имел его на счету отличнейших морских офицеров наших, которые могли быть весьма полезны своими способностями, усердием и прекрасным направлением. Родительское сердце Ваше найдет облегчение своей скорби в теплой молитве к Господу за убиенного во брани; а как русскому и верноподданному, Вам, конечно, послужит утешением мысль, что сын Ваш пал с честью под русским флагом в битве, которая останется памятною в летописи Русскаго флота.

Я приказал внести имя лейтенанта Железнова на мраморную доску в церкви Морскаго кадетскаго корпуса, дабы морские офицеры наши с детства привыкали произносить оное с уважением.

Прошу Вас верить искреннему сочувствию моему Вашей горести и пребываю всегда доброжелательным».

Это был первый в истории бой паровых кораблей. Все офицеры «Владимира» получили следующие чины, а Григорий Иванович Бутаков — орден Святого Георгия 4-й степени. Унтер-офицеры получили по десять, а рядовые по пять рублей. На команду дали шесть Георгиевских крестов. Через некоторое время император наградил лейтенанта Попандопуло орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, лейтенанта князя Барятинского — золотым оружием, а на команду дал еще четыре Георгиевских креста.

Подвиг братьев Максутовых

рымская война началась в октябре 1853 года, но на Камчатке о ней узнали только в июле следующего года, да и то из частного письма американского консула в Гонолулу.

Прибывший в 1850 году новый военный губернатор и командир Петропавловского порта генерал-майор Василий Степанович Завойко предпринял ряд мер по укреплению как Камчатского полуострова в целом, так и порта. Военные приготовления заключались в основном в возведении береговых батарей. Над местностью возвышались Сигнальная и Никольская горы.

На оконечности Сигнальной горы установили батарею №1 с пятью пушками, для устройства которой потребовались большие усилия: местность оказалась каменистой и труднодоступной. Командиром Завойко назначил лейтенанта Петра Федоровича Гаврилова.

На перешейке между Сигнальной и Никольской горами расположили батарею №3 с пятью орудиями с фрегата «Аврора». Батарея играла большую роль в защите города и порта, но была слабо защищена, так как находилась на совершенно открытом месте. Командовал ею доброволец с «Авроры» лейтенант князь Александр Петрович Максутов 1-й. Дальше на север стояла батарея №7 с пятью пушками с «Авроры». Ею командовал капитан-лейтенант Василий Кондратьевич Коралов.

За перешейком, буквально за батареей №3, Завойко поставил на шпринг «Аврору», 22 пушки левого борта которой были обращены в сторону моря. Рядом находился 10-пушечный транспорт «Двина»: на нем доставили в порт 350 линейных солдат, составивших основу гарнизона. Командовал транспортом капитан-лейтенант Васильев. Судно было вооружено десятью короткими 18-фунтовыми пушками. Пять пушек правого борта сняли для установки на батарею.

На противоположном берегу Сигнального мыса у Красного Яра установили трехпушечную батарею №4 мичмана Попова, чуть дальше у входа в Петропавловскую губу на песчаной кошке — батарею №2 лейтенанта князя Дмитрия Петровича Максутова 2-го, младшего брата Максутова 1-го. Эта батарея имела одиннадцать пушек и была лучшим и сильнейшим укреплением Петропавловского порта.

В глубине, прямо на берегу озера Колтушное, расположили батарею №6, установили четыре пушки с транспорта «Двина» и шесть старых маленьких пушек, оставленных кем-то в сараях Петропавловского порта. Батарея должна была прикрывать дорогу, если бы противник попытался высадиться севернее и пойти на порт в обход Никольской горы. Командиром батареи назначили поручика Корпуса корабельных инженеров Гезехуса.

В порту находилась еще и батарея №5, но ее в расчет не брали, так как из-за имевшихся пяти старых медных пушек стрелять было опасно. Следует отметить, что у защитников Петропавловска на пушку приходилось всего по 37 картузов. Вход в гавань прикрывался бонами. В гарнизоне порта насчитывалось 42 офицера и 879 нижних чинов. В глубине гавани стояли гамбургский шлюп «Магдалина» и американский бриг «Ноубль».

«Спокойно прожили мы в Петропавловске до 17 августа, — вспоминал в своем дневнике один из офицеров «Авроры», — погода была большей частью хорошая, и время мы проводили довольно беспечно, хотя и много работали; но вот утром вышеозначенного дня с дальнего маяка у входа в Авачинскую губу сделали сигнал, что в море видно шесть военных судов. В городе ударили тревогу, и все собрались в назначенные места. Авроровской команды оставалось еще 60 человек больных, но с первым ударом боевой тревоги все они явились на службу и стали на свои места по расписанию наравне с здоровыми».

На фрегате «Аврора» священник отслужил молебен и окропил команду святой водой. Командир корабля капитан-лейтенант Иван Николаевич Изыльметьев напомнил команде о долге перед Отечеством. Часа через полтора на рейде Авачинской губы появился английский трехмачтовый пароход «Вираго», под американским флагом. Едва к нему подошел вельбот со штурманским офицером Самохваловым, как пароход круто развернулся и ушел в море. На следующий день эскадра вошла на рейд. В ее состав входили английские 52-пушечный флагманский фрегат «Президент», 44-пушечный фрегат «Пик» и пароход «Вираго» с шестью пушками; французские 60-пушечный адмиральский фрегат «Лафорт», 32-пушечный фрегат «Евредика» и 18-пушечный бриг «Облигадо». Всего на судах англо-французской эскадры было более двухсот пушек. После вялой перестрелки неприятельская эскадра стала на якорь и больше в этот день никаких действий не предпринимала.

Один из участников событий вспоминал: «Старший князь Максutow, командир батареи №3, на перешейке решил, что настал благоприятный момент и дал выстрел, который, однако, не достиг цели. Под крики «Ура!» генерал Завойко, находившийся на батарее №1 на Сигнальном мысу, открыл огонь и, говорят, что ядро попало в пароход; по крайней мере эскадра тут же повернула и бросила несколько бомб через 500-футовую цепь холмов. Они упали около самого фрегата». Несколько выстрелов дали с батареи у Красного Яра.

Ночь прошла относительно спокойно. В середине следующего дня вдруг прошел слух, что английский контр-адмирал Прайс погиб из-за небрежного обращения с пистолетом. Некоторые утверждали, что причиной его гибели стал неудачный обстрел Петропавловска. Командование союзной эс-

кадрой принял французский контр-адмирал де Пуант. Старшим над английскими кораблями стал капитан Николсон.

18 августа союзники захватили русский бот, шедший из Тариинской бухты в Петропавловский порт. Старший на боте унтер-офицер Усов сначала принял союзную эскадру за корабли адмирала Путятина и направился в Авачинскую губу мимо стоявших на рейде судов. Когда он увидел неприятельские флаги, уходить было поздно.

Главные события начались утром 20 августа. Английский пароход взял на буксир парусные фрегаты и подвел их прямо к батарее №1. Сражение началось ровно в девять часов. Когда неприятельские фрегаты выстроились в линию, первый выстрел раздался с батареи Красного Яра (№4). Затем в течение полутора часов русские на равных дрались с имевшим 80 орудий противником. На батарее №1 от близких разрывов платформы и станки орудий засыпало камнями и землей выше колес. Был ранен в голову и ногу командир батареи лейтенант Гаврилов. Находившийся на Сигнальной горе Завойко сразу же заменил его подпоручиком Губаревым. В это время неприятель высадил десант на отлогий берег мыса Кислая Яма. Командир батареи №4 мичман Попов, видя явное превосходство противника в силах, заклепал орудия, спрятал оставшийся порох и отступил к городу. Французы высадились на берег и ворвались на батарею, а с английского парохода по ошибке дали по ним полный залп. Затем по французам открыли огонь с «Авроры» и «Двины». Не выдержав меткого огня, противник отступил.

Подавив батареи №1 и №4, противник весь огонь перенес на батарею №2 князя Максудова. Генерал-майор Завойко в донесении к императору писал, что «...этот офицер своим хладнокровием и мужеством оказал при первой атаке неоценимую услугу нашему делу. Когда батарею осыпали ядрами, он своим подчиненным подавал пример неустрашимости и ободрял их. Он стрелял метко, даром не тратя пороха. Усилия трех фрегатов и парохода не привели неприятеля в течение шести с половиной часов ни к каким результатам». Очевидец этих событий мичман Николай Алексеевич Фесун рассказывал: «Ядра бороздят во всех направлениях, бомбы разрываются над батареей, защитники ее холодны и тверды. Весело балогуря, они не обращают внимания на сотни смертей, носящихся над их головами. Они выжидают своего времени. Когда неприятель действовал на дальнем расстоянии, наша батарея была молчалива и спокойна; временами острое словцо возбуждало смех. Командир батареи князь Максудов не горячился, не тратил даром пороха, но когда раздосадованный неприятель подтягивался ближе, раздавался громкий голос князя Дмитрия Петровича: «...вторая!.. третья!...». Взвился дымок и можно быть уверенным, что ядро не пролетело мимо неприятеля. Не обходилось без потерь. От времени до времени

появлялись окровавленные носилки, все творили знамение креста: несут храброго воина, верно исполнившего свой долг. На долго останется в памяти бывших свидетелей прекрасное действие батареи №2. Князь Максutow до того приучил своих людей к хладнокровию, что когда против их действовали только бомбами и из наших орудий нельзя было отвечать, кантонисты, мальчишки от двенадцати до четырнадцати лет, служившие при подаче зарядов, забавлялись, пуская на воду кораблики».

В ходе боя под сильнейшим огнем мичман Фесун доставлял с фрегата «Аврора» для батареи Максutowа порох и ядра. В начале седьмого часа неприятель прекратил бой с батареей Максutowа, отойдя на место якорной стоянки.

Пока шла канонада у входа в Авачинскую губу, фрегат «Евредика» и бриг «Облигадо» дважды подходили к батарее №3 в надежде высадить десант, но обе попытки были безуспешными, причем русским удалось потопить одну шлюпку.

На следующий день союзники хоронили своего адмирала на берегу Тариинской бухты. В тот же день они отпустили шлюпку с Усовым, его женой и двумя детьми, который сообщил, что в адмиральский корабль «Лафорт» попали ядра, а от разрыва их собственной пушки погибло одиннадцать французов. Следующие два дня прошли спокойно. Противник со шлюпок производил промеры. В воскресенье 22 августа на батарее была найдена английская матросская сабля — первый боевой трофей.

Новый штурм Петропавловска начался утром 24 августа. Погода была хорошая: на море — полный штиль, небо безоблачное, поднимался легкий утренний бриз. В четыре часа утра на союзной эскадре наблюдались приготовления. Завойко обошел суда, побывал на некоторых батареях, и везде слышал одно: «Умрем, а не сдадимся!». Едва рассеялась утренняя дымка, как пароход «Вираго» начал буксировать фрегаты «Лафорт» и «Президент» к берегу. На траверзе батареи №3 стал на шпринг «Лафорт», а «Президент» и «Вираго» стали против батареи №7. Первой огонь открыла батарея на перешейке, причем одним из выстрелов сбила флаг на «Президенте» — дурное предзнаменование для суеверных англичан. Тридцать орудий «Лафорта» обрушили массу огня на батарею Максutowа 1-го. Вначале батарея была без промаха. Но затем преимущество противника в силе огня дало знать о себе. Увидев, как рядом падают убитые, прислуга растерялась. Тогда командир батареи Александр Максutow сам бросился к пушке и стал из нее палить по неприятелю. Это ободрило артиллеристов, и они вернулись к пушкам. Максutow же стрелял до тех пор, пока не упал с оторванной рукой. Только после этого французы подавили его батарею.

«Президент» и «Вираго» подавили батарею №7, затем началась высадка десанта, который, однако, к полудню русские сбросили в море. Если при

отражении первого штурма защитники Петропавловска потеряли всего шесть человек убитыми и тринадцать ранеными, то в этот день убитых и раненых было около ста человек.

На следующий день неприятель хоронил убитых. Их оказалось более 50 человек. К вечеру союзная эскадра покинула район, так и не решив задач, ради которых здесь появилась.

Очевидец этих событий юнкер с фрегата «Аврора» Николай Орурк так описал последний день: «Пятница 27 августа. Ночь прошла спокойно, около шести часов утра у нас пробили тревогу. Говорили, что неприятель поднимает якоря и собирается возобновить наступление на нас. Велико же было наше удивление, когда мы увидали, что корабли, подняв паруса, один за другим медленно и в полном порядке стали двигаться к выходу из бухты. В восемь часов вся эскадра покинула залив. Долго еще мы стояли на своих местах, не смея верить своим глазам, даже и тогда еще, когда эскадра совсем скрылась из вида на горизонте. Мы все еще ожидали, что она повернет обратно, чтобы неожиданно для нас произвести новое наступление. Но она исчезла безвозвратно. И слава Богу, ибо остаться в живых все-таки лучше, чем умереть. Этому обстоятельству мы тем более были рады, что после нашей блестящей победы мы заслужили славу и могли ожидать награды, которая порадует не только нас как участников дела, но и всех наших: отцов, матерей, родных и друзей».

С донесением об отражении англо-французской эскадры от Петропавловска к императору Завойко послал лейтенанта князя Дмитрия Петровича МаксUTOва. Он повез с собой в Петербург и захваченный в сражении английский флаг. Император Николай I был тронут мужеством защитников Петропавловска, сумевших отбить неприятеля с 212 орудиями при 67 пушках. Он лично вручил МаксUTOву орден Святого Георгия 4-й степени и произвел его в капитан-лейтенанты. Дмитрий Петрович оказался также и в общих списках лиц, представленных к награждению, и, как и все офицеры, получил еще орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Этот славный офицер дослужился до чина контр-адмирала, стал кавалером орденов Святого Станислава 2-й степени и Святой Анны 2-й степени.

Третий брат — Павел Петрович МаксUTOв воевал на Черном море. В Синопском сражении он находился на линейном корабле «Париж»: был флаг-офицером у контр-адмирала Новосильского. За сражение получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом и годовой оклад жалованья. В ходе обороны Севастополя был несколько раз ранен. За храбрость произведен в капитан-лейтенанты, награжден орденами Святой Анны 3-й степени с бантом, таким же орденом 2-й степени и золотым оружием с надписью «За храбрость». Ему было Высочайше разрешено вследствие

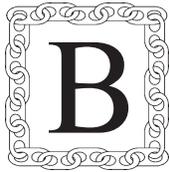

полученных ранений вместо шляпы носить фуражку и ходить с тростью. Павел Петрович, как и брат, дослужился до контр-адмирала.

10 сентября скончался лейтенант князь Александр Петрович Максutow. Когда священник его причащал, герой сказал: «Слава Богу! У меня еще осталась правая рука, чтобы перекреститься». Имя этого офицера было выбито на мраморной доске в церкви Морского корпуса. Его сослуживец Орурк писал: «Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее ожидающую их смерть или великую беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером накануне сражения в глубокой задумчивости сидел на своей батарее. Он часто думал о своей смерти и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал, он только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он намеренно говорил: «Молодцы наши авроровцы!».

Сослуживец князя Максutowа гардемарин Г.Токарев так описывал последние дни жизни этого храброго офицера: «По отступлении неприятеля жители воротились в свои дома; через неделю жизнь в Петропавловске потекла своею обычною чередою. Легко раненые в деле быстро поправлялись, тяжело раненые подавали надежды. Оба раненые наши офицеры инженер Муровинский и лейтенант князь Максutow находились еще в опасном положении, но раны их принимали, впрочем, довольно удовлетворительный вид. Их из госпиталя перенесли в новопостроенный дом, где впоследствии помещалась наша береговая кают-компания. Тут ухаживали за ними со всевозможным старанием. Сколько раз посещал я князя и просиживал у постели его по несколько часов. Помню еще, как просил он меня придти к нему читать «Мертвые души», когда ему будет лучше. Но Бог судил иное, и любимый всеми офицер наш тихо и безмятежно покоится теперь под крестом на Петропавловском кладбище. Вскоре после переноса Муровинского и князя Максutowа пошли дожди, и так как дом был совершенно новый, то сырость проникала в него. Раненые наши простудились. Около пяти дней князь мучился горячкой и, наконец, 10-го сентября смерть прекратила его страшные страдания. С оторванной рукой он едва мог шевелиться лежа на спине, разбитой при падении в ров, вырытый за батареей, и к этому всему горячка. Это было свыше сил его, и, в то время как при мне в аптеке ему готовили мускусовые порошки, прибежали сказать, что князь уже скончался. Выздоровливающего Муровинского перевезли тотчас в дом старшего доктора порта, и к вечеру того же дня мы уже стояли со свечами в руках на первой панихиде за упокой души павшего на брани князя Александра. Грустно было смотреть нам на спокойное бледное

Атакуют минные катера

В связи с проигранной Крымской войной 1853—1856 годов Россия оказалась в исключительно трудном положении. Она в одночасье лишилась того, что было завоевано в ходе многолетней борьбы за выход к Черному морю и надолго утратила статус великой морской державы. Хотя согласно Лондонскому договору 1871 года, унижительные статьи Парижского трактата отменялись, Россия не смогла к начавшейся в апреле 1877 года войне против Турции создать на Черном море флот. Лейтенант Степан Осипович Макаров предложил вооружить быстроходные пароходы минными катерами и с их помощью производить внезапные ночные минные атаки противника, стоявшего на рейдах и в гаванях. Теперь мина из сугубо оборонительного оружия превратилась в наступательное.

В самом начале войны Морское ведомство зафрахтовало у Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) пароходы «Великий князь Константин», «Владимир», «Веста» и «Аргонавт». Несколько позже у того же общества были взяты пароходы «Россия» и «Опыт» и паровые шхуны «Ворон», «Утка», «Лебедь» и «Коршун».

Относительно применения мин на Дунае положительно высказался лейтенант Гвардейского экипажа Федор Васильевич Дубасов и представил план «Организация летучих отрядов паровых катеров с целью уничтожения судов турецкой Дунайской флотилии». Суть его предложения заключалась в следующем: «На основании общепринятой оценки противник наш, несомненно, обладает на Дунае подавляющим превосходством сил, а наши боевые средства, состоящие лишь из нескольких судовых паровых шлюпок, повидимому ничтожны, но вооруженные минами (шестовыми или буксирными) эти шлюпки приобретут грозную боевую действительность и дадут нам возможность взять верх над противником, если мы будем смело нападать на него и взрывами наших мин уничтожать его суда. Противник наш владеет всеми водами Дуная, и мы не можем рассчитывать приобрести там какую либо базу, но вышеуказанные действия наших минных шлюпок могут обходиться и без базы, так как эти шлюпки возможно подвозить на специально устроенных повозках к тому месту, где в них окажется надобность, а по выполнении своей задачи они в случае необходимости на повозках-же должны укрываться в безопасное место (на своем берегу), для того чтобы вновь появляться там, где окажется надобность, и продолжить уничтожать неприятельские суда».

В ночь с 13 на 14 мая 1877 года четыре минных катера в Мачинском рукаве Дуная потопили турецкий монитор «Сейфи». Об этой атаке сообщалось в рапорте лейтенанта Дубасова начальнику войск Браиловского отряда генерал-майору Салову:

«С разрешения Вашего Превосходительства и с согласия капитана 1-го ранга Рогоуля, я сего числа в 12 часов ночи, с четырьмя паровыми катерами отошел от пристани и пошел в Мачинский рукав с целью отыскать место стоянки турецких судов и сделать на них минное нападение. В состав экспедиции входили следующие суда и офицеры: паровой катер «Цесаревич», взятый от румынского правительства, на нем офицеры — я и охотник майор румынской службы Муржеско; паровой катер «Ксения» с пароходофрегата «Олаф», на нем офицеры — лейтенант Шестаков и пожелавший участвовать в экспедиции охотником лейтенант Петров; катер «Джигит», офицер — мичман Персин, и катер «Царевна» с фрегата «Адмирал Чичагов» — мичман Баль (на четырех минных катерах было 40 нижних чинов. — В.Д.).

Около половины третьего часа пришли на вид трех турецких судов, занимавших следующую позицию: в середине Мачинского рукава стоял один монитор («Сейфи». — В.Д.), несколько впереди, под берегом, — другой монитор («Фетх-Эль-Ислам». — В.Д.) и влево от среднего монитора — двухмачтовый военный пароход («Килилж-Али». — В.Д.). Решившись атаковать самый большой — средний из стоящих мониторов, я приказал лейтенанту Шестакову ожидать результата моей атаки и быть готовым напасть в свою очередь, а остальным шлюпкам подкреплять наши нападения. Взяв направление на левую кормовую раковину монитора, я приказал дать полный ход и стал приближаться к неприятелю; на оклик, сделанный с монитора, я ответил известный мне турецкий отзыв: «Сезим-адам», но неприятель понял, что этот отзыв неверный, и прежде чем я успел нанести ему удар, он три раза пробовал стрелять из орудия, но все три раза имели осечки; после третьей осечки из орудия и ружейных выстрелов, сделанных при большой суматохе на палубе, я нанес монитору удар правой носовой миной выше левой кормовой раковины в левый борт. Вода тотчас же наполнила мой катер, и в первую минуту я приказал машинисту и кочегару оставить свои места и выходить из-под блиндажа, но, увидев, что катер продолжает еще держаться на воде, приказал машинисту дать полный задний ход, а всей команде откачивать из катера воду. Монитор, сильно осевший кормою, продолжал еще держаться на воде, и потому я разрешил лейтенанту Шестакову нанести ему второй удар. Тотчас же, дав полный ход вперед, лейтенант Шестаков под убийственным ружейным и пушечным огнем всех трех судов нанес монитору второй удар в тот же левый борт и против самой середины, после которого монитор окончательно погрузился в воду.

В продолжение этого промежутка времени, составлявшего до десяти минут, все шлюпки оставались под самым беглым, хотя и

беспорядочным как пушечным, так и штуцерным огнем неприятеля и ожидали приказаний.

Лейтенант Шестаков после взрыва, запутавши свой винт в обломках монитора, должен был очищать его, оставаясь почти у самого борта и отстреливаясь от штуцерного огня, направленного в него с башии погружавшегося монитора. По личному заявлению его, успешным выходом из этого затруднительного положения он исключительно обязан горячему содействию, замечательной находчивости и энергии лейтенанта Петрова, бывшего самым деятельным его помощником во все время боя; равно его же хладнокровию лейтенант Шестаков приписывает успешный результат взрыва, так как управление миною было им исключительно поручено лейтенанту Петрову. Катер мичмана Персина, подкреплявший нападение, получил пробоину ядром в корму и одновременно с этим был залит с носу всплеском воды от другого снаряда, упавшего перед носом; тотчас же давши полный ход, он приткнулся к берегу и заткнул пробоину, но, запутавши винт в кустах, долго не мог высвободиться. Мой катер еще в это время был полон воды и не мог маневрировать; не зная с уверенностью, наполнился-ли катер водою через пробоину или вода эта попала в него только сверху, я употребил все старания, чтобы пустить в ход паровой эжектор и откачивать воду. Я успел в этом только благодаря находчивости и энергии майора Муржеско, лично полезшаго в машинное отделение и помогавшаго во всем машинисту. Катер мичмана Баля был в это время в готовности снять с моего катера людей, на случай, если бы он совершенно погрузился в воду. Так как в это время стало быстро рассветать и огонь остающихся на воде судов все более и более усиливался, то тотчас-же, как только шлюпки были в состоянии управляться, я приказал начать отступление, и мы все вместе двинулись к Брашлову. Ни убитых, ни раненых, по проверке, не оказалось.

Только волею Всемогущаго Провидения я могу себе объяснить тот факт, что мы вышли невредимыми из этого неистоваго огня, который турки в поспешности ли или в испуге открыли по нас и поддерживали в течение, по крайней мере, двадцати минут. Я считаю своим нравственным долгом доложить Вашему Превосходительству, что во все время боя как офицеры, так и команда выказывали в каждую минуту так много спокойствия, самообладания и поистине геройскаго мужества в исполнении порученнаго каждому из них дела, что каждый отдельный маневр исполнялся также отчетливо, как на ученьи; во все время боя с нашей стороны не слышно было даже ни одного громкаго возгласа; только дружное и торжественное «Ура!» вырвалось у всех одновременно, когда взорванный монитор окончательно погрузился в воду.

Почтительнейше прося Ваше Превосходительство ходатайствовать о награждении участвовавших в экспедиции офицеров, список которых находится в начале донесения, я прилагаю на обороте при сем же и список нижних чинов, бывших в минных шлюпках».

С тактической точки зрения атака проведена безукоризненно; развертывание в район боя выполнено скрытно: катера следовали строем кильватерной колонны под берегом, а при подходе к неприятелю сбавили ход, чтобы снизить шум от работающих паровых машин; скорость увеличивалась только при выполнении атаки. Все командиры имели конкретные, четко поставленные задачи. Правильно было выбрано и место подрыва мины. В результате удара в кормовую часть противник, во-первых, лишился хода, а во-вторых, не мог применять кормовые орудия.

27 мая 1877 года Морскому кадетскому корпусу передавался кормовой флаг с потопленного турецкого монитора, что сопровождалось следующим рескриптом генерал-адмирала Константина Николаевича:

«Морскому Училищу!

В ночь на 14 мая наши моряки ознаменовали себя блестящим делом: четыре минные шлюпки вступили в борьбу с турецкими мониторами на Дунае и под градом неприятельских выстрелов атаковали самый большой из них. Лейтенанты Гвардейского экипажа Дубасов и 1-го флотского Имени Моего экипажа Шестаков последовательно подведенными со своих шлюпок минами взорвали этот монитор и пустили его ко дну.

Государю Императору благоугодно было повелеть, чтобы флаг с истребленного неприятельского монитора хранился в стенах Морского Училища как памятник этого новаго, столь геройскаго подвига моряков наших.

С особенным удовольствием предавая Высочайшую волю эту, Я надеюсь, что новая милость Государя Императора к Морскому Училищу послужит для развития и укрепления в молодом поколении будущих моряков тех чувств преданности к Престолу и Отечеству и того геройскаго духа, которыми всегда отличался наш флот, оказавший так много блестящих подвигов во время минувших войн».

Федор Васильевич Дубасов и Александр Павлович Шестаков были награждены орденом Святого Георгия 4-й степени, а в день Георгиевского праздника 26 ноября 1878 года Дубасов стал флигель-адъютантом императора Александра II, а Шестаков — адъютантом генерал-адмирала Константина Николаевича. Впоследствии Дубасов дослужился до полного адмирала, члена Государственного совета. В 1901—1905 годах он был председателем Морского технического комитета, а затем стал генерал-губернатором

Москвы. Шестаков имел золотое оружие с надписью «За храбрость», в 1902 году был произведен в контр-адмиралы.

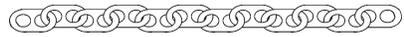
В Черном море минные катера Степана Осиповича Макарова нагоняли страх на турецкий флот, который, опасаясь ночных минных атак, по существу свернул свою деятельность. В ночь на 12 августа 1877 года четыре минных катера с парохода «Великий князь Константин» на Сухумском рейде атаковали турецкий броненосец «Ассари-Шевкет» и надолго вывели его из строя. Знаменательной была атака в ночь на 16 декабря того же года. Впервые в истории морских войн минные катера «Чесма» и «Синоп» на Батумском рейде самодвижущимися минами атаковали турецкий броненосец «Махмудие». В ночь на 14 января 1878 года на том же рейде катера Макарова самодвижущимися минами потопили вооруженный пароход «Интибах».

О подробностях последней атаки, как и полагалось, капитан 2 ранга Макаров доложил главному командиру Черноморского флота и портов, а последний — управляющему Морским министерством. В соответствии с директивой главного командира корабль «Великий князь Константин» вышел вечером 10 января из Севастополя и направился в восточную часть Черного моря для атаки Батума. Переход проходил в сложных штормовых условиях, качка была настолько сильной, что при очередном крене минные катера уходили в воду.

Вечером 12 января открылся Сухум, а к вечеру следующих суток Макаров подошел к Поти. Ветер заметно ослабел, но волнение оставалось сильным. Командир порта сообщил, что в Батуме стоит турецкая эскадра, Макаров решил ее атаковать.

С корабля «Великий князь Константин», находившегося в 5 милях от Батума, спустили на воду минные катера «Чесма» и «Синоп»: первым командовал лейтенант Измаил Зацаренный, а вторым — лейтенант Щешинский. Общее руководство Макаров поручил Зацаренному.

Вечером в одиннадцать часов двадцать минут катера отошли от парохода и скрылись в темноте. Спустившийся туман вскоре закрыл берег. В половине второго взошла луна. Катера подходили к Батумскому рейду. Осмотревшись, Зацаренный увидел в порту семь судов, стоявших кормой к берегу. Ближе остальных был двухмачтовый броненосец, который и решили атаковать. При лунном свете и на фоне заснеженных гор четко вырисовывался силуэт судна. Зацаренный и Щешинский начали сближение и с пистолетного выстрела атаковали его двумя минами Уайтхеда. Мина, выпущенная Зацаренным, попала в корпус в районе грот-мачты, а мина лейтенанта Щешинского — чуть правее. Обе мины взорвались почти одновременно. Яркая вспышка осветила рейд. Вверх поднялся огромный столб воды, увлекавший за собой обломки. Сильный треск ломавшихся бортов и отчаянные крики погибавшей команды нарушили тишину. Когда водяной столб осел, с катеров увидели накренившийся на правую сторону быстро погружающийся в воду пароход, а через две минуты

на поверхности остались лишь обломки судна и хватающиеся за них турецкие моряки. Катера так же скрытно покинули рейд, как и появились, а в три часа их подняли на борт «Великого князя Константина».

В рапорте командиру корабля о моменте атаки лейтенант Зацаренный докладывал так: «Последовавшие одновременно два взрыва в правый борт, мой — по направлению грот-мачты, а Щешинского правее, подняли высокий и широкий черный столб воды в полмачты, послышался страшный треск, и пароход, накренившись на правую сторону, через минуту совершенно скрылся под водою, а затем и мачт не стало видно, и только большой круг обломков указывал место его гибели; дружное «Ура!» катеров известили неприятельскую эскадру о потоплении его сторожевого парохода.

Ужасные отчаянные крики утопающих турок огласили тихую бухту. Оба катера осторожно вошли в массу обломков, желая спасти хотя часть людей, но, путаясь все время винтами в обломках, мы поспешили выйти на чистое место и направились обратно к своему пароходу. Во время атаки поведение команд обоих катеров было безукоризненно».

18 января 1878 года главный командир Черноморского флота и портов подписал приказ №31:

«Вчера я имел счастье получить телеграмму от Его Высочества Генерал-Адмирала следующего содержания:

«Государь поручает Вам передать Его Царское спасибо командиру, офицерам и команде парохода «Константин», Макарова жалует своим флигель-адъютантом, Зацаренного — следующим чином, а Щешинского Георгиевским крестом 4-й степени. Поздравьте их от Меня с этою новою Царскою милостью и скажите им, как Я горжусь быть Генерал-Адмиралом у таких моряков».

В октябре 1879 года Степан Осипович Макаров выступил перед минными офицерами с докладом «О вооружении парохода «Великий князь Константин» минами и миноносными катерами». Свой доклад он завершил словами: «В нашу последнюю войну турки имели сильный броненосный флот, но с этим флотом они не решились ни разу остаться на ночь у наших берегов. К Одессе они и днем не подходили ближе 15 миль. Без сомнения, не артиллерия удерживала их, а минные атаки. Минных атак было немного, но турки каждую ночь ждали атак. Мне передавали капитаны, что они переживали тревожные ночи даже в таких портах, куда наши минные катера никогда и не заглядывали. На Дунае, как известно, были сделаны минными катерами чудеса: целый броненосный флот не только не мог разрушить наших мостовых сооружений, но даже замедлить скольконибудь переправу... По моему мнению, в будущих наших войнах минам суждено будет играть громадную роль». В этом Макаров не ошибся.

«Веста» держит бой

Вечером 9 июля 1877 года на стоявший в Одессе под погрузкой угля вооруженный пароход «Веста» принесли секретную депешу главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала Николая Андреевича Аркаса. После окончания приемки угля пароход должен был выйти к Румелийским и Анатолийским берегам для борьбы на коммуникациях противника, а при случае и для атаки его боевых кораблей. Согласно предписанию, выход планировался на 11 июля и должен был продолжаться пять суток. При этом указывались маршруты крейсерства.

«Веста», построенная в 1858 году, представляла собой торговое судно водоизмещением 1800 тонн, принадлежавшее Русскому обществу пароходства и торговли. С началом войны на пароходе установили пять 6-дюймовых мортир, два 9-фунтовых и одно 4-фунтовое орудия и по две скорострельные пушки системы Энгстрема и Гатлинга. Здесь впервые были установлены приборы автоматической стрельбы Давыдова, а на борту имелись два паровых минных катера.

Командовал «Вестой» капитан-лейтенант Николай Михайлович Баранов — сторонник крейсерской войны.

После окончания Морского корпуса в 1854 году Н.М.Баранов был произведен в мичманы и сразу участвовал в отражении англо-французской эскадры от Кронштадта. В 1864 году он стал начальником модель-камеры и модельной мастерской, на базе которых в 1876 году создал Морской музей. За изобретение скорострельного ружья в 1866 году Баранов награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

Кроме Баранова, в команду «Весты» входили тринадцать офицеров, два гардемарина, 118 нижних чинов, в том числе 30 охотников, то есть добровольцев. Старшим офицером парохода был лейтенант князь Голицын-Головкин. На судне служили братья — лейтенанты Владимир и Михаил Перелешины, лейтенанты Жеребко-Ротмистренко, Кротков и Рожественский, мичманы Петров и Рогуля, подполковник Чернов, штабс-капитан Корольков, прапорщик Яковлев, врач Франковский и гардемарины Барковский и Казнаков. Впоследствии Аполлон Семенович Кротков стал генерал-лейтенантом, видным морским историком. Ему принадлежит знаменитая «Повседневная запись замечательных событий в Русском флоте», изданная в 1894 году. Зиновий Петрович Рожественский стал вице-адмиралом, командующим 2-й Тихоокеанской эскадрой.

Точно в назначенное время «Веста» покинула Одессу. Следуя всю ночь с 10 на 11 июля с выключенными ходовыми огнями, к семи часам утра пароход дошел до Кюстенджи, так тогда называлась Констанца. Только на рассвете стоявший на фор-салинге офицер доложил, что на левом крамболе показался черный дым, а минут через десять-пятнадцать источник дыма.

Вначале предположили, что это либо пассажирский либо грузовой колесный пароход. Баранов приказал поднять пары и на полной скорости стал сближаться с пароходом, намереваясь отрезать его от берега. Около восьми часов утра «Веста» приблизилась к пароходу на три мили. Только с этого расстояния наконец-то опознали судно: им оказался турецкий броненосец (по турецкой классификации — броненосный корвет) «Фетхи-Буленд» (в переводе на русский язык означает «Он начинает победу»). Построен был в Англии, водоизмещение чуть более 1600 тонн, вооружение состояло из четырех крупнокалиберных и нескольких мелких пушек. Ровно в восемь часов на «Весте» пробили тревогу, и почти в то же время с турецкого парохода дали первый залп: он пришелся по фок-вантам левого борта.

Сблизившись на дистанцию 1000 сажен, дали залп из баковых мортир «Весты»: обе бомбы упали рядом с кормой противника. Баранов заметил, что неприятель пытается обойти его с севера и отрезать пути отхода к Одессе. Оказаться в ловушке Баранов, конечно, не хотел. На полном ходу он стал отходить от берега, стараясь удерживать противника за кормой. С максимальной скорострельностью по нему вели огонь все три кормовые мортиры и одно 9-фунтовое нарезное орудие. Противник стремился выйти «Весте» на траверз. Почти два часа продолжалась перестрелка. Благодаря успешному маневрированию «Весты» только два снаряда достигли цели: один угодил в правый борт, вдавив его чуть выше ватерлинии, другой сделал пробоину чуть ниже ватерлинии в левом борту. Остальные снаряды ложились близко, но никакого вреда «Весте» не причиняли. Что касается снарядов, выпущенных с «Весты», то о числе попаданий судить было трудно.

Около десяти часов расстояние сократилось до пяти кабельтов. «Веста» по-прежнему отстреливалась, удерживая неприятеля в корме. Один из неприятельских залпов накрыл ее корму: осколками раздробило вельбот, вывело из строя одну кормовую мортиру и разбило оптику автоматического прибора стрельбы. Погибли подполковник морской артиллерии Чернов и прапорщик Яковлев. лейтенант Кротков и вся прислуга двух шканечных мортир получили ранения. Следующий залп пришелся в борт: на жилой палубе, прямо над кормовой крыйт-камерой, вспыхнул пожар, с которым, однако, быстро справились старший офицер «Весты», лейтенант Владимир Перелешин, мичман Петров и гардемарин Казнаков. Затем противник открыл не только орудийный, но и ружейный огонь, стреляя шрапнелью и картечью на поражение личного состава. В сложившейся обстановке Баранов решил пойти на крайние меры — атаковать противника шестовыми минами. Минному офицеру лейтенанту Михаилу Перелешину он приказал готовить мины к атаке. С «Весты» заметили, что противник перестал стрелять двумя казематными орудиями правого борта: вероятно, они оказались подбитыми. Минут через тридцать снаряд угодил в паровой катер левого борта.

Смертельно ранило Михаила Перелешина. Другим снарядом разрушило минную каюту.

Вскоре мортирная бомба с «Весты» накрыла баковое орудие противника. В ответ казематная пушка противника дала еще один залп в упор по корме «Весты»: осколком перебило штуртрос, и пароход, потеряв на время управляемость, стал к противнику лагом. Неприятель усилил картечный огонь. Мичман Петров был контужен, лейтенант Владимир Перелешин и юнкер Яковлев (брат прапорщика Яковлева) ранены; получил контузию в голову командир. Вместо раненых артиллерийских офицеров к пушкам стали лейтенанты Кротков и Рожественский. Первый из них в бою получил семнадцать ран, но продолжал вести стрельбу. Князь Голицын-Головкин своим телом закрывал Баранова от осколков и картечи. Штурманский офицер штабс-капитан Корольков, невзирая на разрывы снарядов, все время стоял у штурвала и, не отрывая глаз от картушки компаса, занимался своим делом, отдавая команды рулевым. Затем перебило кран парового свистка, через который со свистом начал вырываться пар. На «Весте» сочли повреждения серьезными и решили пойти на таран, а затем взорваться вместе с неприятелем. Но через минуту-две штуртрос удалось исправить, а бомба с «Весты» снесла передний каземат противника: с палубы неприятельского судна повалил густой дым, а вскоре оно стало быстро уходить.

О заключительном этапе боя Баранов докладывал вице-адмиралу Аркасу следующее: «Видя два орудия у себя подбитыми, имея в корпусе две пробоины, двух офицеров убитыми и четырех ранеными и палубу, заваленную осколками и разорванным человеческим мясом, и, что главное, видя, что машинисты и кочегары едва держатся на ногах после пятичасового боя, я не решился энергично преследовать убежавшего быстроходного врага, тем более что он поднял какой-то сигнал и на горизонте стали показываться еще рангоуты судов».

14 июля главный командир Черноморского флота генерал-адъютант вице-адмирал Николай Андреевич Аркас направил управляющему Морским министерством вице-адмиралу Степану Степановичу Лесовскому рапорт, в котором, в частности, отмечалось: «С отрядным, благоговейным чувством благодарности ко Всевышнему за спасение парохода «Весты» и его экипажа в столь неравном бою с неприятельским сильным броненосцем я посылаю Вашему Превосходительству копию донесения командира его, капитан-лейтенанта Баранова, в которой изволите увидеть все подробности славного пятичасового боя, благоразумную во всем распорядительность и подвиги отваги, неустрашимости и доблести, выказанные в этом деле, начиная от командира до последнего юнги. Честь русскаго имени и честь нашего флага поддержаны вполне. Неприятель, имевший броню, сильную артиллерию и превосходство в ходе, вынужден был постыдно бежать от

железного слабого парохода, вооруженного только 6-дюймовыми мортирами и 9-фунтовыми орудиями, но сильного геройским мужеством командира, офицеров и команды. Ими одержана полная победа, и морская история должна будет внести в свои страницы этот блистательный подвиг, поставя его наравне с подвигом брига «Меркурия».

С докладом к управляющему Морским министерством Аркас послал Зиновия Петровича Рожественского, получившего за бой орден Святого Георгия 4-й степени. Такими же орденами были награждены капитан-лейтенант Баранов и лейтенант Владимир Перелешин, другие офицеры — орденами Святого Владимира 4-й степени. Всем офицерам за отличие присвоили следующие чины.

30 июля на стоявшую в Спасске «Весту» прибыл главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Аркас. Приняв рапорты Баранова и вахтенного начальника, он поздоровался с командой, а затем, обратившись к ставшему флигель-адъютантом и капитаном 2 ранга командиру, сказал: «За блистательный бой 11-го июля парохода «Веста» с турецким броненосцем Государь Император соизволил пожаловать три знака отличия Военного ордена для двух гардемарин Барковского и Казнакова и юнкера Яковлева и сверх сего десять знаков для награждения особенно отличившихся нижних чинов из команды парохода. Получив присланные ордена, я с большим удовольствием желаю лично возложить их как на гардемарин и юнкера, так и на особенно отличившихся нижних чинов. Из ваших донесений я уже знаю, что вся вверенная вам команда молодецки вела себя в неравном бою, отличаясь геройскою неустрашимостью; но тем не менее я прошу вас вызвать из фронта и указать мне тех, из числа старейших нижних чинов, занимавших места комендоров у орудий и вообще исполнявших более важные судовые обязанности, которые во время боя выказали себя особенно достойными этого важного военного ордена».

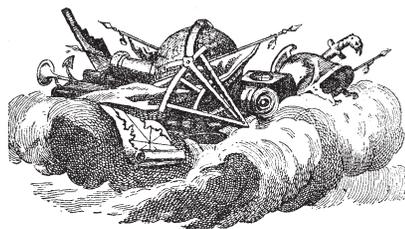
Из строя были вызваны оба гардемарина, юнкер и восемь нижних чинов. Баранов представлял Аркасу каждого с указанием отличий во время боя. Георгиевскими крестами были награждены боцман Алексей Власов, боцманматы Давид Рубин, Максим Ефимов, Иван Клименко, матросы Михаил Шведков, Егор Тупицын, Влас Коршунов и Михаил Савин. Раненые Даниил Якушевич и Капитон Черемисов находились в Севастопольском госпитале. Обращаясь к награжденным, Аркас сказал: «Горячо благодарю вас, молодцы, за выказанное вами геройское мужество в блистательном деле, в котором вы с честью поддержали давнишнюю славу русского флага, искренно рад, что мне пришлось лично возложить на вас знаки Военного ордена, причем всем вам желаю удостоиться получить вскоре и высший золотой знак этого ордена, но вместе с тем напоминаю, что каждый из вас до последнего часа своей жизни должен постоянно с честью носить этот

важный военный крест. Ура, в честь вновь пожалованных георгиевских кавалеров!».

Впоследствии всем офицерам и нижним чинам «Весты» император пожаловал пожизненную пенсию, наемным машинистам и кочегарам выдали двойные оклады, а волонтерам и наемной прислуге — единовременные денежные суммы. Семьям погибших офицеров также выдали пенсии в размере, какие следовало бы выдать убитым. Всех матросов наградили Георгиевскими крестами.

В память о бое «Весты» в Севастополе установили памятник с указанием имен всех погибших в бою 11 июля 1877 года. Один из минных крейсеров Черноморского флота носил имя «Капитан-лейтенант Баранов».

Погибаю, но не сдаюсь !

В Филадельфии на заводе «В. Крамп и сыновья» 19 октября 1899 года спустили на воду бронепалубный крейсер, построенный по заказу русского правительства. Кораблю дали имя «Варяг». Его водоизмещение 6500 тонн, мощность паровой машины около 16 тысяч лошадиных сил, скорость до 23 узлов. Вооружение состояло из двенадцати 152-мм, двенадцати 75-мм, двух 64-мм, восьми 47-мм, двух 37-мм орудий и шести однотрубных торпедных аппаратов. Корабль имел длину 128, ширину 15,8 и осадку 5,9 метра. В начале мая 1901 года он прибыл на Большой Кронштадтский рейд, однако на Балтике долго не задержался, так как был включен в состав первой Тихоокеанской эскадры. Преодолев три океана, 25 февраля 1902 года «Варяг» прибыл в Порт-Артур, где тоже находился недолго: 16 декабря 1903 года командующий эскадрой отправил его в Чемульпо. Выбор оказался не случайным: «Варяг» был новейшим, самым быстроходным кораблем эскадры и больше других подходил к стационарной службе. 28 декабря командир крейсера капитан 1 ранга Всеволод Федорович Руднев получил инструкцию от заместителя императора на Дальнем Востоке адмирала Евгения Ивановича Алексеева. В ней приводились следующие пункты:

«1. Исполнять обязанности старшего стационара, состоя в распоряжении посланника в Сеуле действительного статского советника Павлова.

2. Не препятствовать высадке японских войск, если бы таковая совершилась до объявления войны.

3. Поддерживать хорошие отношения с иностранцами.

4. Заведовать десантом и охранной миссией в Сеуле.

5. Поступить по своему усмотрению так, как надлежит при всех обстоятельствах.

6. Ни в каком случае не уходить из Чемульпо без приказа, которое будет передано тем или иным способом».

5 января 1904 года в Чемульпо прибыла парусно-винтовая канонерская лодка «Кореец». Построенная еще в 1886 году в Стокгольме, к началу Русско-японской войны она устарела и особой ценности не представляла: имела развитый таранный форштевень, водоизмещение 1213 тонн, длину 63,7, ширину 10,7 и осадку 3,2 метра, скорость не более 13 узлов. Вооружение ее состояло из двух 203-мм, одного 152-мм, четырех 107-мм, одного 64-мм, двух 47-мм, четырех 37-мм пушек и одного носового торпедного аппарата. Командовал канонерской лодкой капитан 2 ранга Г.П.Беляев.

24 января в Чемульпо заговорили о прекращении дипломатических отношений между Россией и Японией. Все свидетельствовало о приближении войны. Руднев направил телеграммы русскому посланнику в Сеуле и главному командиру крепости Порт-Артур, однако ответа не получил. Тогда 26 января он решил направить в Порт-Артур канонерскую лодку «Кореец» с секретными пакетами, но на пути «Корейца» возникла японская эскадра. С дистанции около двух кабельтовых по русской канонерской лодке два японских миноносца выпустили три торпеды, две из которых прошли за кормой, а третья затонула, не дойдя до «Корейца». На канонерской лодке пробили боевую тревогу и даже успели подать команду на открытие огня. Правда, команду тут же отменили, но с 37-мм пушки успели произвести два выстрела. В 7 часов 30 минут утра 27 января командиры иностранных кораблей, стоявших в Чемульпо, получили официальное сообщение следующего содержания:

*«Его Императорского Величества корабль «Нанива».
Рейд Чемульпо, 26 января 1904.*

Сэр, имею честь уведомить Вас, что ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Российской Империями я должен атаковать военные суда русского правительства, стоящие теперь в порту Чемульпо, силами, состоящими под моей командой, в случае отказа старшего из русских морских офицеров,

находящихся в Чемульпо, на мою просьбу покинуть порт Чемульпо к полудню 27 января 1904 года, и я почтительно прошу Вас удалиться от места сражения настолько, чтобы для корабля, состоящего под Вашей командой, не представлялось никакой опасности от сражения. Вышеупомянутая атака не будет иметь места до 4 часов пополудни 27 января 1904 года, чтобы дать время привести в исполнение вышеупомянутую просьбу. Если в порту Чемульпо находятся в настоящее время какой-нибудь транспорт или купеческие суда Вашей нации, то я прошу Вас передать им настоящее уведомление.

Имею честь быть, сэр, вашим покорным слугой.

С.Уриу.

*Контр-адмирал, командующий эскадрой
Императорского Японского флота».*

После получения этого предупреждения, посоветовавшись, командиры русского, английского, французского и итальянского кораблей направили японскому контр-адмиралу письмо-протест и протокол. Командир американского корабля «Виксбург» капитан 2 ранга Маршалл участвовать в заседании отказался.

*«Его Величества корабль «Талбот».
Чемульпо, 27 января 1904 года.*

Сэр, мы, нижеподписавшиеся, командующие тремя нейтральными судами Англии, Франции и Италии, узнав из полученного от Вас письма от 26 января о предлагаемой Вами сегодня в 4 часа дня атаке русских военных судов, стоящих на рейде Чемульпо, имеем честь обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство: мы признаем, что так как на основании общепризнанных положений международного права порт Чемульпо является нейтральным, то никакая нация не имеет права атаковать суда других наций, находящихся в этом порту, и держава, которая преступает этот закон, является вполне ответственной за всякий вред, причиненный жизни или собственности в этом порту. Поэтому настоящим письмом мы энергично протестуем против такого нарушения нейтралитета и будем рады слышать Ваше мнение по этому предмету.

*Бэйли, командир корабля «Талбот».
Бореа, командир корабля «Эльба».
Сэнс, командир корабля «Паскаль».*

В тот же день контр-адмирал Уриу направил письмо-улитиматум и капитану 1 ранга Рудневу, который получил его после прибытия с совещания на «Талботе».

*«Его Императорского Величества корабль «Нанива»
26 января 1904 года.*

Сэр, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между правительствами Японии и России я почтительно прошу Вас покинуть порт Чемульпо с силами, состоящими под Вашей командой, до полдня 27 января 1904 года. В противном случае я буду обязан открыть против вас огонь в порту.

Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой.

С.Уриу.

*Контр-адмирал, командующий эскадрой
Императорского Японского флота».*

Вернувшись на крейсер, Руднев собрал офицеров и объявил им о начале военных действий. На общем офицерском собрании решили прорываться из Чемульпо, а в случае неудачи взорвать крейсер. В 9 часов утра начали разводить пары и готовиться к бою.

27 января прибывший с «Варяга» Беляев в 9 часов 45 минут объявил своим офицерам о начале войны с Японией и отдал приказание на подготовку к бою. С канонерской лодки выбросили за борт все легковоспламеняющиеся предметы, решетками из колосников и медными сетями прикрыли машинное отделение и сожгли все секретные документы.

Около 10 часов 45 минут команды обедали, после чего командиры обратились к личному составу. Руднев произнес такие слова: «Сегодня получил письмо японского адмирала о начале военных действий с предложением оставить рейд до полдня. Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть: мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте каждый обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушить его без огласки, давая мне знать. Помолимся Богу перед походом и с твердой верой в милосердие Божие пойдем смело в бой за Веру, Царя и Отечество. Ура!». После этой речи на крейсере прозвучал Гимн.

Около 11 часов 30 минут «Варяг» и «Кореец» снялись с якоря и под звуки русского Гимна, звучавшего с итальянского крейсера «Эльба», покидали рейд. На иностранных кораблях команды были выстроены во фронт и провожали русские суда восторженным «Ура!». Погода была теплая, пасмурная, ветра почти не было. «Кореец» шел в кильватер «Варягу», держась на расстоянии полутора кабельтовых. На внешнем рейде их поджидала японская эскадра в составе крейсеров «Нанива», «Такачихо», «Нитака», «Акаси», «Чиода» и «Асама». Восемь миноносцев держались за

эскадрой. Японский флагман, видя полную безнадежность, в которой оказались русские корабли, поднял сигнал о сдаче без боя, но Руднев на этот сигнал не ответил.

В 11 часов 45 минут раздался первый выстрел. Стреляли с концевой крейсера «Асама». В ответ открыли огонь с «Варяга». После пристрелки по русским кораблям открыла огонь вся эскадра. Один из первых японских снарядов разрушил правое крыло мостика, вызвал пожар в штурманской рубке, перебил фок-ванты и вывел из строя почти весь личный состав дальномерного поста. Погиб мичман граф Алексей Нирод и два дальномерщика. После этого выстрела снаряды стали попадать в «Варяг» все чаще и чаще. Последующими выстрелами было выведено из строя 6-дюймовое орудие правого борта, причем часть его прислуги была убита, часть ранена. Тяжелое ранение получил плутонговый командир мичман Губонин, который продолжал командовать плутонгом, пока не упал от потери крови.

Вскоре на шканцах возник сильный пожар: горели патроны, палуба и вельбот. Следующими выстрелами были подбиты четыре 6-дюймовых, пять 75-мм и четыре 47-мм орудия, снесен боевой грот-марс, уничтожен второй дальномерный пост.

При проходе траверза острова Волмидо на «Варяге» были перебиты рулевые приводы и контужен командир. Управление крейсером перенесли в румпельное отделение. В 12 часов 15 минут «Варяг» начал выходить из боя, а через полчаса бросил якорь рядом с «Галботом».

В рапорте заместителю императора на Дальнем Востоке адмиралу Алексееву командир «Варяга» капитан 1 ранга Руднев докладывал:

«В 11 часов 45 минут с крейсера «Асама» был сделан первый выстрел из 8-дюймового орудия, вслед за которым вся эскадра открыла огонь».

Впоследствии японцы уверяли, что адмирал сделал сигналом предложение о сдаче, на которое командир русского судна ответил пренебрежением, не подняв никакого сигнала. Действительно, мною был виден сигнал, но я не нашел нужным отвечать на него, раз уже решил идти в бой.

После чего, произведя пристрелку, открыли огонь по «Асаме» с расстояния 45 кабельтовых. Один из первых снарядов японцев, попавший в крейсер, разрушил верхний мостик, произведя пожар в штурманской рубке, и перебил фок-ванты, причем были убиты дальномерный офицер мичман граф Нирод и все дальномерщики станции №1 (по окончании боя найдена одна рука графа Нирода, державшая дальномер). После этого выстрела снаряды начали попадать в крейсер чаще, причем недолетевшие снаряды осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки. Последующими выстрелами было подбито 6-дюймовое орудие №3; вся прислуга орудия и подачи убита или ранена и тяжело ранен плутонговый командир мичман Губонин, продолжавший командование плутонгом и отказавшийся идти

на перевязку до тех пор пока, обессилив, не упал. Непрерывно следовавшими снарядами был произведен пожар на шканцах, который был потушен стараниями ревизора мичмана Черниловского-Сокол, у которого осколками было изорвано бывшее на нем платье. Подбиты 6-дюймовые орудия — XII, IX; 75-мм — №21; 47-мм — №27 и 28. Почти снесен боевой грот-марс, уничтожена дальномерная станция №2, подбиты орудия №31 и №32, а также был произведен пожар в рундуках в броневой палубе, вскоре потушенный. При проходе траверза острова Волмидо одним из снарядов была перебита труба, в которой проходят все рулевые приводы, и одновременно с этим осколками другого снаряда, залетевшими в боевую рубку, был контужен в голову командир крейсера, убиты наповал стоявшие по обеим сторонам его горнист и барабанщик, ранен в спину вблизи стоявший рулевой старшина (не заявивший о своей ране и оставшийся все сражение в своем посту); одновременно ранен в руку ординарец командира. Управление было немедленно перенесено в румпельное отделение на ручной штурвал. При громаде выстрелов, приказания в румпельное отделение были плохо слышны и приходилось управляться преимущественно машинами, несмотря на это, крейсер все же плохо слушался.

В 12 часов 15 минут, желая выйти на время из сферы огня, чтобы по возможности исправить рулевой привод и потушить пожары, стали разворачиваться машинами, и, так как крейсер плохо слушался руля и ввиду близости острова Волмидо, дали задний ход обеими машинами (крейсер поставило в это положение в то время, когда был перебит рулевой привод при положенном лево руле). В это время огонь японцев усилился и попадание увеличивалось, так как крейсер, разворачиваясь, повернулся левым бортом к неприятелю и не имел большой скорости. Тогда же была получена одна из серьезных подводных пробоин в левый борт, и третья кочегарка стала быстро наполняться водой, уровень коей подходил к топкам; подвели пластырь и начали выкачивать воду; тогда уровень воды несколько спал, но тем не менее крейсер продолжал быстро крениться. Снарядом, прошедшим через офицерские каюты, разрушившим их и пробившим палубу, была зажжена мука в провизионном отделении (тушение пожара производилось мичманом Черниловским-Сокол и старшим боцманом Харьковским), а другим снарядом разбиты коечные сетки на шкафуте над лазаретом, причем осколки попали в лазарет, а сетка загорелась, но вскоре была потушена. Серьезные повреждения заставили выйти из сферы огня на более продолжительное время, почему и пошли полным ходом, продолжая отстреливаться левым бортом и кормовыми орудиями. Одним из выстрелов 6-дюймового орудия №XII был разрушен кормовой мостик крейсера «Асама» и произведен пожар, причем «Асама» прекратила на время огонь, но вскоре открыла снова. Кормовая его башня, по-

видимому, повреждена, так как она до конца боя не действовала более. Только при подходе крейсера к якорному месту и когда огонь японцев мог быть опасен для иностранных судов, они его прекратили, и один из преследовавших нас крейсеров вернулся к эскадре, остававшейся на фарватере за островом Волмидо. Расстояние настолько увеличивалось, что продолжать огонь нам было бесполезно, а потому огонь был прекращен в 12 часов 45 минут дня».

В заключение Руднев писал: «Донося о вышеизложенном, считаю долгом доложить, что суда вверенного мне отряда с достоинством поддержали честь Российского флага, исчерпали все средства к прорыву, не дали возможности японцам одержать победу, нанесли много убытков неприятелю и спасли оставшуюся команду».

«Кореец» по существу в бою не участвовал, повреждений не имелось, как не было убитых и раненых. Как оказалось, канонерская лодка «Кореец» сделала по противнику 52 выстрела, в том числе 22 выстрела 8-дюймовыми, 27 выстрелов 6-дюймовыми и 3 выстрела 9-фунтовыми снарядами.

О своем участии в бою командир «Корейца» докладывал следующее: «В 11 часов 20 минут утра, по сигналу Вашего Высокоблагородия, снялся с якоря и вступил в кильватер вверенному Вам крейсеру I ранга «Варяг». Опередив на некоторое время «Варяг», в 11 часов 45 минут утра в ответ на выстрел японской эскадры открыл огонь из правого погонного 8-дюймового орудия, идя средним ходом. После того как крейсер I ранга «Варяг» обогнал меня, дал полный ход, стараясь сохранить между судами малую дистанцию. Ввиду получавшихся недолетов и доклада артиллерийского офицера лейтенанта Степанова 8-го об его опасении, что, продолжая стрельбу на такой большой дистанции, снарядов может не хватить на случай сближения с неприятелем, временно прервал стрельбу. По дальнейшем сближении с противником вновь открыли огонь, ведя стрельбу из носовых и ретирадного орудий фугасными снарядами. Пройдя остров Волмидо, увидел ваш сигнал «меняю курс вправо», и, избегая соствориться с вами для неприятеля, а также предполагая у вас повреждение в руле, положил «право на борт» и, уменьшив ход до малого, описал циркуляцию в 270 градусов. Все это время безостановочно поддерживал огонь из двух 8-дюймовых погонных и 6-дюймовой ретирадной пушек; было попутно сделано три выстрела из 9-фунтовых пушек, но за большими недолетами стрельбу из них прекратил. В 12 1/4 часа дня, следуя движению крейсера I ранга «Варяг», повернул на рейд, продолжая стрелять сначала из левого 8-дюймового и 6-дюймового орудий, а затем из одного 6-дюймового. В 12 часов 45 минут дня одновременно с японской эскадрой прекратил огонь. Японская эскадра оставалась под парами за островом Волмидо. В продолжение часового боя во вверенную мне лодку не попало ни одного снаряда; было

три недолета, а остальные — все перелеты, хотя из последних многие были незначительны. В 1 час дня стал на якорь на рейде Чемульпо».

Из 535 человек команды «Варяга» убито 30 и ранено 85 человек. Легко раненых оказалось свыше 100 человек. Серьезными были и повреждения крейсера. Оценив их, Руднев решил взорвать крейсер и канонерскую лодку. О своем намерении он проинформировал старшего на рейде командира крейсера «Талбот», который высказался против подрыва, так как считал, что взрыв может нанести повреждения рядом стоящим кораблям. Капитан 1 ранга Руднев согласился с этими доводами и решил крейсер затопить.

27 января 1904 года на «Варяге» открыли все клапаны и кингстоны, в 15 часов 50 минут сняли команду, в 18 часов 10 минут крейсер погрузился в воду. В 4 часа 5 минут взорвали канонерскую лодку «Кореец».

Еще на пути в Одессу Руднева известили, что император наградил его орденом Святого Георгия 4-й степени и произвел во флигель-адъютанты. Таким же орденом наградили и остальных офицеров «Варяга» и командира «Корейца». Нижние чины крейсера получили Георгиевские кресты. Офицеров «Корейца» сначала наградили очередными орденами с мечами, но вскоре они получили еще и ордена Святого Георгия 4-й степени. Примечательно, что врачи и инженер-механики «Варяга» и «Корейца» стали первыми в России Георгиевскими кавалерами среди медицинских чинов и инженер-механиков флота.

На всем пути следования команд «Варяга» и «Корейца» от Шанхая до Петербурга их одинаково восторженно встречали и русские, и иностранцы.

Первая группа варяжцев прибыла в Одессу 19 марта 1904 года. День выдался солнечный, но на море была сильная зыбь. С самого утра город разукрасили флагами и цветами. Моряки прибыли к Царской пристани на пароходе «Малайя». Им навстречу вышел пароход «Святой Николай», который при обнаружении на горизонте «Малайи» поднял флаги расцветивания. По этому сигналу произвели залп из салютных пушек береговой батареи. Из гавани в море вышла целая флотилия судов и яхт. На одном из судов находились начальник Одесского порта и несколько георгиевских кавалеров. Поднявшись на борт «Малайи», начальник порта вручил варяжцам георгиевские награды. В первую группу входили капитан 2 ранга В.В.Степанов, мичман В.А.Балк, инженеры Н.В.Зорин и С.С.Спиридонов, врач М.Н.Храбростин и 268 нижних чинов. Около 13 часов «Малайя» стала входить в гавань. На берегу играли несколько полковых оркестров, а многотысячная толпа встречала пароход криками «Ура!».

Первым сошел на берег капитан 2 ранга В.В.Степанов. Его встретил священник приморской церкви отец Атаманский, вручивший старшему офицеру «Варяга» образ Святого Николая — покровителя моряков. Затем на берег сошла команда. По Потемкинской лестнице, ведущей на

Николаевский бульвар, моряки поднялись наверх и прошли триумфальную арку с надписью из цветов «Героям Чемульпо». На бульваре моряков встретили представители городского управления. Городской голова преподнес Степанову хлеб-соль на серебряном блюде с гербом города и с надписью: «Привет Одессы удивившим мир героям «Варяга». На площади перед зданием думы был отслужен молебен. Затем матросы отправились в Сабанские казармы, где для них накрыли праздничный стол, а офицеры — в юнкерское училище на банкет, устроенный военным ведомством. Вечером в городском театре для варяжцев был показан спектакль. В 15 часов 20 марта на пароходе «Святой Николай» моряки из Одессы отплыли в Севастополь. На набережные снова вышла многотысячная толпа.

На подходах к Севастополю пароход встречал миноносец с поднятым сигналом: «Привет храбрецам!». Около 11 часов пароход «Святой Николай», украшенный флагами расцвечивания вошел на Севастопольский рейд. На броненосце «Ростислав» его приход приветствовали салютом из семи выстрелов.

Первым на борт парохода поднялся главный командир Черноморского флота вице-адмирал Николай Илларионович Скрыдлов. Обойдя строй, он обратился к варяжцам с речью: «Здорово, родные, поздравляю с блестящим подвигом, в котором доказали, что русские умеют умирать; вы как истинно русские моряки удивили весь свет своею беззаветною храбростью, защищая честь России и Андреевского флага, готовые скорее умереть, чем отдать врагу судно. Я счастлив приветствовать вас от Черноморского флота, и особенно здесь, в многострадальном Севастополе, свидетеле и хранителе славных боевых традиций нашего родного флота. Здесь каждый клочок земли обгажен русской кровью. Здесь памятники русским героям: у них я вам низко кланяюсь от всех черноморцев. При этом не могу удержаться, чтобы не сказать вам сердечное спасибо как бывший ваш адмирал, за то что все мои указания на производившихся у вас учениях вы так славно применили в бою! Будьте нашими желанными гостями! «Варяг» погиб, но память о ваших подвигах жива и будет жить на многие годы. Ура!».

У памятника адмиралу П.С.Нахимову был отслужен торжественный молебен. Главный командир Черноморского флота передал офицерам высочайшие грамоты и пожалованные Георгиевские награды.

Таврический губернатор обратился к Скрыдлову с просьбой о том, чтобы команды «Варяга» и «Корейца» при следовании в Петербург остановились на время в Симферополе для чествования героев Чемульпо. Губернатор мотивировал свою просьбу еще и тем, что в бою погиб его племянник граф А.М.Нирод.

В Петербурге тоже готовились к встрече. Дума приняла следующий порядок чествования варяжцев:

«1. Представитель городского общественного управления во главе с городским головой и председателем думы встретят героев на Николаевском вокзале, поднесут командирам «Варяга» и «Корейца» хлеб-соль на художественных блюдах и пригласят командиров, офицеров и классных чиновников в заседание думы, для объявления приветствия от города.

2. Поднесение художественно исполненного адреса с изложением в нем постановления городской думы о чествовании; поднесение всем офицерам подарков на общую сумму 5 тысяч рублей.

3. Угощение нижних чинов обедом в Народном доме императора Николая II, каждому нижнему чину выдать по серебряным часам с надписью «Герою Чемульпо», выбитой датой боя и имени награжденного. На приобретение часов выделялось от 5 до 6 тысяч рублей, а на угощение нижних чинов — 1 тысяча рублей.

4. Устройство в Народном доме представления для нижних чинов.

5. Учредить две стипендии в память геройского подвига в морских училищах, Петербургском и Кронштадтском, поручив городской управе представить думе подробный доклад об этих стипендиях».

6 апреля 1904 года на французском пароходе «Кримэ» в Одессу прибыла третья (и последняя) группа варяжцев. Среди них были капитан 1 ранга В.Ф.Руднев, лейтенанты С.В.Зарубаев и П.Г.Степанов, врач М.Л.Банщикова, фельдшер с броненосца «Полтава», 217 матросов с «Варяга», 157 — с «Корейца», 55 — с «Севастополя», 30 казаков Забайкальской казачьей дивизии, охранявших русскую миссию в Сеуле. Встреча была такой же торжественной и трогательной, как и в первый раз. В тот же день на пароходе «Святой Николай» герои Чемульпо отправились в Севастополь, а 10 апреля экстренным поездом по Курской железной дороге из Севастополя уехали в Петербург.

14 апреля на огромной площади у Курского вокзала моряков встречали жители Москвы. На платформе играли оркестры Ростовского и Астраханского полков. Рудневу поднесли лавровый венок с надписью на бело-синекрасной ленте: «Ура храброму и славному герою-командиру «Варяга»!». Подобная надпись была и на ленте венка, поднесенного капитану 2 ранга Г.П.Беляеву. Всем офицерам были подарены лавровые венки, а нижним чинам — букеты цветов. С вокзала герои направились в Спасские казармы. Городской голова вручил офицерам золотые жетоны, а отцу Михаилу Рудневу — судовому священнику «Варяга» — золотой шейный образок.

Вот, наконец, и Петербург! Около десяти часов утра 16 апреля платформа Николаевского вокзала заполнилась встречающими родственниками, военными, представителями администрации, дворянства, города, земства и простыми горожанами. Среди встречающих были управляющий Морским министерством вице-адмирал Ф.К.Авелан, начальник Главного морского

штаба контр-адмирал З.П.Рожественский, его помощник А.Г.Нидермиллер, главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал А.А.Бирилев, главный медицинский инспектор флота лейб-хирург В.С.Кудрин, петербургский губернатор шталмейстер О.Д.Зиновьев, губернский предводитель дворянства граф В.Б.Гудович и многие другие. Прибыл великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович.

Специальный поезд подошел к платформе ровно в 10 часов утра. После встречи и обхода строя генерал-адмиралом в 10 часов 30 минут под несмолкающие звуки оркестров началось шествие моряков от Николаевского вокзала по Невскому проспекту к Зимнему дворцу. Шпалеры солдат, жандармов и конных городских едва сдерживали натиск толпы. Впереди шли офицеры, следом нижние чины. Из окон, с балконов и даже крыш сыпались цветы. Пройдя арку Главного штаба, герои Чемульпо вышли на площадь Зимнего дворца, где выстроились напротив царского подъезда.

На правом фланге стояли великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович и управляющий Морским министерством генерал-адъютант Ф.К.Авелан. К варяжцам вышел император Николай II. Он принял рапорт, обошел строй и поздоровался с моряками «Варяга» и «Корейца». После этого состоялось прохождение торжественным маршем. С балкона Зимнего дворца за всем этим наблюдали императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна, великие княгини и дочери императора. Затем команды последовали в Георгиевский зал, где состоялось торжественное богослужение. Для нижних чинов в Николаевском зале накрыли столы. Все кружки и посуда были с изображением Георгиевских крестов. В концертном зале накрыли стол для высочайших особ, стол украшал золотой сервиз. В Георгиевском зале император сказал:

«Я счастлив, братья, увидеть вас здоровыми и благополучно вернувшимися, многие из вас своей кровью занесли в летопись нашего флота дело, достойное подвигов ваших предков, дедов и отцов, которые совершили их на «Азове» и «Меркурии». Теперь и вы прибавили своим подвигом новую страницу в истории нашего флота, присоединив к ним имена «Варяга» и «Корейца». Они также станут бессмертными. Уверен, что каждый из вас до конца своей службы останется достойным той награды, которую Я вам дал. Вся Россия и Я с любовью и трепетным волнением читали о тех подвигах, которые вы проявили под Чемульпо. От души спасибо вам, что поддержали честь Андреевского флага и достоинство великой Святой Руси. Я пью за дальнейшие подвиги нашего славного флота. За ваше здоровье, братья».

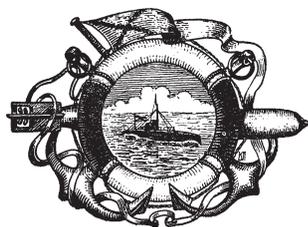
К офицерам «Варяга» и «Корейца» он обратился так:

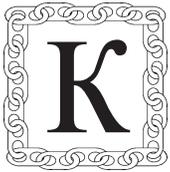
«Обращаюсь к вам с теми же словами благодарности, которые Я только что высказал командам. Блестящие подвиги «Варяга» и «Корейца», столь славные для нашего оружия, Я должен всецело приписать достоинству командиров и всех офицеров; сердечно благодарю за честное исполнение долга. Желая увековечить память об этом событии, Я повелел выбить медаль для ношения всеми вами, а также и для нижних чинов. Да послужит она в назидание потомству напоминанием о столь знаменательном подвиге. От души пью за ваше здоровье. Да хранит вас Господь».

По окончании банкета офицеров и нижних чинов принимали в Городской думе, где им вручили подарки и приветственные адреса, а вечером в Народном доме императора Николая II для нижних чинов показали спектакль и устроили торжественный ужин.

Выполняя последнюю волю героев Чемульпо, русское правительство в 1911 году обратилось к корейским властям с просьбой о переносе праха погибших в Россию. Погребение останков состоялось на Морском кладбище города Владивостока. Летом 1912 года над братской могилой появился обелиск из серого гранита, увенчанный Георгиевским крестом. На четырех его гранях были выбиты имена погибших.

Триумф и трагедия Цусимы

К середине мая 1905 года 2-я Тихоокеанская эскадра, возглавляемая вице-адмиралом Зиновием Петровичем Рожественским, после многомесячного плавания через три океана подходила к Корейскому проливу — месту своей гибели. В ее составе были броненосцы «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел», «Ослябя», «Сисой Великий» и «Император Николай I», броненосцы береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин» и «Адмирал Ушаков», броненосный крейсер «Адмирал Нахимов», крейсера «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Светлана», «Изумруд», «Жемчуг» и «Алмаз», вспомогательный крейсер «Урал», эскадренные миноносцы «Бедовый», «Быстрый», «Буйный», «Бравый», «Громкий», «Грозный», «Блестящий», «Безупречный» и «Бодрый», транспорты «Анадырь», «Иртыш», «Камчатка» и «Корея», буксирные пароходы «Русь», «Свирь» и госпитальные суда «Орел», «Кострома». Эскадра выстроилась в две кильватерные колонны и шла со скоростью 8 узлов. Между колоннами броненосцев в охранении двух отрядов миноносцев следовали транспорты, а замыкали строй госпитальные суда.

11 мая на эскадренном броненосце «Ослябя» скончался давно уже болевший младший флагман контр-адмирал Дмитрий Густавович фон Фелькерзам. Рожественский решил скрыть этот факт от личного состава. Флаг младшего флагмана не спускался с броненосца до самой его гибели. В командование вторым броненосным отрядом вместо Фелькерзама вступил командир корабля капитан 1 ранга Владимир Иосифович Бэр.

Хотя уже с 10 мая на эскадре Рожественского по ночам выключали все топовые огни, а бортовые отличительные и гакобортные горели с ослаблением, госпитальные суда «Орел» и «Кострома» шли со всеми положенными огнями и, конечно, демаскировали эскадру.

В 2 часа 28 минут 14 мая эскадру Рожественского обнаружил японский вспомогательный крейсер «Синано-Мару» под командованием капитана 1 ранга Нарикава, оказавшийся, как выяснилось, в самом центре русской эскадры, которую японцы не теряли ни на минуту. Ветер и волнение были попутными, силой около трех баллов, горизонт окутан легкой дымкой.

В 8 часов на русских кораблях подняли стеньговые флаги по случаю дня коронации императора Николая II. Около 9 часов утра Рожественский приказал броненосцам первого и второго отрядов зайти в голову третьему броненосному отряду контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова. В результате эскадра перестроилась в одну кильватерную колонну, растянувшуюся на четыре с лишним мили. На перестроение ушло около двух часов.

Через некоторое время на левом траверзе эскадры появился отряд японских крейсеров, шедших параллельным курсом с русской эскадрой. Отряд

состоял из четырех крейсеров вице-адмирала Дева. В 11 часов 15 минут из средней 6-дюймовой башни броненосца «Орел» по крейсеру «Кассаги» произвели нечаянный выстрел. На других кораблях этот выстрел приняли за сигнал к началу сражения и открыли беспорядочную стрельбу. Однако, по сигналу Рожественского «не кидать снарядов», стрельба была прекращена. Японские крейсера повернули на восемь румбов вправо и вновь скрылись в тумане. В 12 часов 5 минут, по сигналу с «Князя Суворова», эскадра легла на курс NO 23 градуса, ведущий во Владивосток. Через несколько минут Рожественский решил перестроить броненосцы в строй фронта, но из тумана появились японские крейсера, и перестроения не произошло.

Японский флагман адмирал Того был прекрасно осведомлен о составе русской эскадры и о ее боевом порядке. Впоследствии он писал: «Несмотря на туманное утро, так что далее чем за пять миль ничего не было видно, и несмотря на то, что неприятель был от меня на расстоянии 20 миль, я тем не менее имел совершенно точное представление о том, что происходит. Хотя я и не видал еще неприятеля, но я знал, что неприятельский флот состоит из всех судов 2-й и 3-й Балтийских эскадр и что этот флот сопровождается семью вспомогательными судами, что неприятельские суда построены в две кильватерные колонны, что их сильнейшие суда находятся в голове правой колонны, а вспомогательные суда в той же колонне в кильватере у них, что неприятель идет на северо-восток со скоростью около 12 узлов».

Около 13 часов 15 минут противники обнаружили друг друга. Японский адмирал дал сигнал: «Судьба Империи зависит от этого боя! Сделайте все, что может каждый из вас!». С первых минут Того стремился выполнить маневр, направленный на охват головы русской эскадры, но, просчитавшись в определении скорости, с первого захода ничего сделать не смог. Он предполагал, что корабли эскадры Рожественского имеют скорость 12 узлов, в то время как их скорость не превышала 9 узлов. Имея значительно большую скорость, эскадра Того проскочила далеко вперед и оказалась на левом крамболе 2-й Тихоокеанской эскадры. Японский адмирал вынужден был пойти на рискованный маневр — последовательный поворот влево, ибо только этот поворот позволял ему в кратчайшее время совершить охват головы русской эскадры. Его кораблям пришлось проходить через одну и ту же точку, по которой без труда могли пристреляться русские броненосцы. Того понимал, что риск велик, но оправдан, так как через каких-то 10—15 минут он сможет поставить палочку над буквой Т, то есть зайти в голову русской эскадры. Если бы он повернул направо, маневр мог бы затянуться, и неизвестно, как бы развернулись события, тем более, что видимость постоянно менялась и Того боялся, что в тумане русские корабли скроются. Этот поворот явился полной неожиданностью и для Рожественского.

Через 16 минут по шедшему впереди «Князю Суворову» начали стрелять сразу четыре японских броненосца, а по «Ослябе» — сначала шесть, а затем восемь броненосных крейсеров.

Пристрелка длилась не более десяти минут, после чего японцы буквально засыпали головные корабли русской эскадры снарядами. «Несмотря на то что значительная часть дерева с наших судов была убрана, его все же оставалось довольно много, и японские фугасные снаряды, взрывы которых развивали очень высокую температуру, произвели ряд пожаров. Горели шлюпки, их рангоут, тенты, настилка мостиков, койки, краска, патроны в беседках и кранцах; на некоторых судах горели палубы. Газы обжигали насмерть людей и были чрезвычайно удушливы. Разрывавшиеся снаряды давали множество осколков и массу раскаленной металлической пыли. Вентиляторные трубы принимали вместо свежего воздуха ядовитые газы разрывавшихся снарядов. В боевую рубку непрерывно попадали осколки снарядов через просветы, иногда целым дождем мелкие щепки дерева, дым, брызги воды от недолетов и перелетов. Шум от разрыва и ударов снарядов вблизи боевой рубки и от своих выстрелов заглушал все. Дым и пламя от разрыва снарядов и частые возгорания близких предметов не давали возможности видеть через просветы рубки, что делается кругом. Только урывками можно было видеть иногда отдельные части горизонта. Никаких правильных наблюдений, да еще в желаемом направлении не было возможно вести». Так описывал в своем донесении флаг-капитан вице-адмирала Рожественского Клапье-де-Колонг первые минуты сражения.

Через четверть часа, получив несколько подводных пробоин, объятый пламенем и с креном на левый борт «Ослябя» вышел из строя. Корабль продержался на плаву еще минут тридцать, затем на виду у всей эскадры перевернулся и пошел ко дну. Подошедшие к месту гибели эсминцы «Бравый», «Буйный», «Быстрый» и буксир «Свирь» спасли несколько офицеров и часть команды. В это время эскадренный броненосец «Князь Суворов» с сильным пожаром в центре, со сбитыми мачтами и разбитой кормовой башней перестал слушаться руля и начал описывать циркуляцию вправо. Сделав полную циркуляцию, броненосец прорезал строй эскадры позади «Сисоя Великого». Броненосец «Император Александр III», шедший за «Князем Суворовым», вначале последовал за флагманом, но, поняв, что он потерял управление, лег на прежний курс и повел за собой эскадру. Рожественский был ранен в голову и временами терял сознание. «Князь Суворов», борясь с пожарами и водой, отбивался от атак противника вплоть до своей гибели. К борту стоявшего без движения «Князя Суворова» подошел миноносец «Буйный» и принял командующего эскадрой с частью штаба. Плавающий броненосец без мачт и труб, с разбитыми башнями и снесенными надстройками еще продолжал стрелять из 75-мм пушки. На «Буйном»

подняли флаг командующего. Командование эскадрой перешло к контр-адмиралу Небогатову, находившемуся на броненосце «Император Николай I». Итак, через 40 минут после начала сражения русская эскадра потеряла два броненосца — «Князь Суворов» и «Ослябя»; многие корабли были серьезно повреждены.

Из-за спустившегося тумана сражение прервалось почти на полчаса. В 15 часов 40 минут эскадры вновь открылись. Японцы снова пошли на охват головы русской эскадры, во главе которой находился «Сисой Великий». Не выдержав массированного огня и получив серьезные повреждения, через десять минут покинул строй «Сисой Великий». Его место занял броненосец «Император Николай I». Тяжелые повреждения получил «Орел».

Затем на непродолжительное время главные силы еще раз теряли друг друга из виду. И снова происходила встреча. Японцы заходили в голову, ведя сосредоточенный огонь двух-трех кораблей по одному русскому броненосцу. Около 18 часов 30 минут из строя вышел корабль «Император Александр III».

«Тусклое и совершенно красное в тумане солнце было уже низко, когда по падению неприятельских снарядов можно было думать, — писал мичман с крейсера «Адмирал Нахимов» Энгельгардт, — что мы через несколько минут будем пущены ко дну. Но в это время с креном, увеличившимся до опасного от циркуляции, прорезал строй «Император Александр III», и крейсерский отряд адмирала Камимурэ сразу же перевел огонь на него. В этом, впрочем, уже необходимости не было, так как гибель его была очевидна... «Император Александр III» кренился все больше и больше.

С поднятого левого борта кидалась команда. Скоро палуба ушла в воду, показались винты (левый еще работал). Затем он быстро перевернулся. Последние из искавших спасения вскарабкались на борт, когда тот был уже почти горизонтален. Быстро двигаясь вперед, эти люди (человек 20—30) оказались на киле, когда броненосец окончательно перевернулся. Кругом днища плавали сотни голов. К месту гибели броненосца шел «Изумруд». Днище «Императора Александра III» держалось очень долго. К нему уже после захода солнца приближались японские миноносцы».

Русская эскадра продолжала следовать вперед, головным шел броненосец «Бородино», который через несколько минут перевернулся и ушел под воду. Из команды спасся только один человек — матрос Ющин. После гибели «Бородино» огонь стал ослабевать. Таким образом, в дневном сражении погибли эскадренные броненосцы «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино» и «Ослябя», а «Орел» и «Сисой Великий» получили серьезные повреждения и с большим трудом удерживались на плаву, другие броненосцы имели легкие повреждения. Из крейсеров погиб только «Урал». Затонули транспорт-мастерская «Камчатка» и буксирный пароход

«Русь». Госпитальные суда «Орел» и «Кострома» были захвачены японцами в самом начале сражения.

В 20 часов 15 минут японцы бросили против остатков русской эскадры все 43 миноносца. Адмирал Того телеграфировал в свою штаб-квартиру: «Соединенный флот атаковал неприятельскую эскадру близ острова Окиносима и нанес ей большое поражение. По меньшей мере потоплено четыре неприятельских судна, а прочим судам нанесены большие повреждения. Потери в нашем флоте невелики. Минные суда с заходом солнца пошли в атаку».

Русская эскадра как организованная боевая сила практически перестала существовать. Каждый корабль действовал сам по себе. Первым был торпедирован крейсер «Адмирал Нахимов». Всю ночь моряки вели отчаянную борьбу за живучесть корабля, но в конце концов были вынуждены снять команду, а судно затопить. Такая же участь постигла и крейсер «Владимир Мономах». Получив пробоину от торпеды, к утру крейсер почти полностью потерял запас плавучести, а затем затонул. Серьезные повреждения имелись и у броненосца «Сисой Великий», вскоре он затонул. На нем успели побывать японцы и даже подняли свой флаг. Около 22 часов получил первую пробоину «Наварин». Корма его настолько осела, что вода доходила до кормовой башни. В 2 часа ночи по «Наварину» выпустили еще две торпеды, попавшие в середину корпуса, после чего он стал быстро погружаться и через каких-то 5-6 минут скрылся под водой. Спаслись только три матроса. Почти в течение часа неравный бой с противником вел крейсер «Светлана». В 1908 году на страницах газеты «Россия» появился рассказ участника Цусимского сражения с описанием гибели «Светланы»:

«Часов в восемь стало очевидным, что от этих двух крейсеров нам не уйти. Командир отдал приказание собраться на совет. Тихо в кают-компании, офицеры стоят и ждут командира; старший офицер входит, пересчитывает глазами, все налицо, и идет сменить командира на мостике. Каждый без слов понимает, что происходит в душе каждого. Гибнет наш дорогой крейсер, нет сил его защитить. В кают-компании полумрак, полупортики задраены, электричество не горит. На светлом фоне открытой двери появляется высокая фигура командира. Как он постарел за эту ночь, но какое у него хорошее, спокойное лицо. Медленно обводит он глазами присутствующих, и любовь, и жалость видим мы в его взгляде. Спокойным и ровным голосом говорит он, что нам от крейсеров не уйти, каждый из них сильнее нас, результат боя очевиден, гибель «Светланы» неизбежна. Просит высказаться офицеров. Ответ у всех в сердце готов. Что же, будем биться, пока будут снаряды, а затем взорвемся, чтобы не отдать крейсер в руки врагу. Минный офицер заявляет, что нельзя взорвать крейсер, минный погреб затоплен еще накануне. Трюмный механик предлагает открыть кингстоны и

двери непроницаемых переборок; из затопленных отделений вода хлынет по всем отделениям. Выслушав всех, командир резюмирует решение совета: «Вступить в бой с неприятелем и, когда будут израсходованы все патроны, затопить крейсер». Раскрытый устав лежит перед командиром. Крепким жестом руки ударяет он по уставу и встает. «По местам. Боевая тревога».

Крейсера подошли кабельтовых на 50 и обгоняют нас слева. Теперь их ясно видно; это два крейсера типа «Neisaka» и с ними один миноносец. Привели их за корму, чтобы заставить их идти против волны, и открыли по ним огонь. Мы стреляли из двух 6-дюймовых орудий, ютового и левого шканечного; шкафутные орудия, помещенные на выступе, внизу, из-за дифферента на нос не могли стрелять. Неприятель стрелял из восьми 6-дюймовых, а против наших четырех 75-мм у него было двадцать 75-мм. Снарядов 6-дюймовых у нас оставалось 120 штук. Первое время снаряды попадали редко в крейсер. Мы не давали неприятелю пристреливаться и, когда замечали, что снаряды ложатся близко, изменяли курс на несколько градусов. Минут через двадцать после начала боя снаряд попал в кормовой мостик и тяжело ранил в голову начальника группы лейтенанта Арцыбашева, он остался лежать на мостике. В командование кормовой группой вступил мичман Картавцов. Несколько снарядов попало в борт, у шпангоута № 86, получилась большая пробоина у самой ватерлинии. Трюмный механик Дергаченко вместе со старшим офицером быстро заделывали их одну за другой, заваливая их матрацами, угольными мешками, чем значительно уменьшали доступ воды, попадавшей при размахах крейсера на волне. Пожары удачно удавалось тушить. Число наших патронов быстро убывало; отдано было приказание стрелять как можно реже, наводить тщательнее. На верхней палубе оставалась лишь прислуга двух 6-дюймовых орудий, остальным же было приказано оставаться внизу. Но некоторым было невтерпеж оставаться пассивными зрителями: они выходили наверх и спрашивали разрешения помочь чем-нибудь, подбегали к лежащим снарядам и подносили их к орудию. Некоторые комендоры, видя близкую гибель корабля, в ярости бросали фуражками о палубу и в бессильной злобе грозили японцам кулаком. Когда оставалось патронов лишь несколько штук, по приказанию командира, выбросили за борт в мешке с грузом все секретные книги, карты и приказы. Почти тотчас же затем снаряд, разбив колосниковую защиту и перебив паровую трубу, попал в левую машину. Прапорщик Михайлов, находившийся в правой машине, разобшил ее от левой. Крейсер пошел все тише и тише.

Начался расстрел.

Крейсера подошли ближе и сосредоточили страшный огонь. Каждый снаряд попадал в цель. Весь корпус «Светланы» дрожал от непрерывных взрывов попадавших снарядов. Свист осколков, градом рассыпавшихся по

палубе, смешивался с грохотом падающих шлюпок, мачт, труб. В нескольких местах вспыхнули пожары. Все патроны были расстреляны. Тогда, по отданному заранее приказанию, трюмный механик открыл кормовые клапаны затопления и дверь непроницаемых переборок. Один снаряд влетел через дымовую трубу в кочегарку и там разорвался. Из этой кочегарки никто не вышел. Из десяти судовых шлюпок уцелел каким-то чудом один гребной катер. По приказанию командира лейтенант Толстой пошел его спускать, но в этот момент снаряд попал в самую середину катера и сбросил тяжелораненого Толстого на палубу. Лежа на палубе, этот юноша-герой имел силы повернуться лицом к стрелявшим крейсерам и, снявши фуражку, махал ею над головой, силясь кричать «Ура!». Второй снаряд оторвал ему голову.

Крейсер стал заметно тонуть, и, когда гибель его стала очевидной, приказано было доставать койки, спасательные круги и пояса. Раненых привязывали к койкам, надевали на них пробковые пояса и выносили наверх. Затем команде было разрешено оставить крейсер. Команда выходила на палубу, которая быстро покрывалась убитыми и ранеными. Люди шли из всех трюмов на бак, где было удобно войти в воду, и тут разрывавшиеся снаряды осыпали их осколками. Капитан 2 ранга Зуров вынес наверх свои деньги и раздавал их команде. Почти все отказывались. «Берите, спасетесь, и вам деньги пригодятся», — убеждал он матросов, но никто не брал. Есть поверье, что деньги приносят несчастье, и старший офицер выбросил их за борт.

Командир, капитан 1 ранга Шеин находился все время на мостике, по словам команды, его ранило в лицо. Он спустился на палубу и увидел Зурова. «А вы что не спасаетесь? Видите, крейсер сейчас потонет», — обратился он к нему. «Если вы останетесь, то останусь и я», — ответил старший офицер и спустился на нижнюю палубу. Обходя палубу и приказывая выносить оставшихся раненых, он зашел в лазарет. Влетевший снаряд разорвался, и доктор Карлов, до последнего момента подававший помощь раненым, видел лишь, как обломки, вынесенные силой взрыва из лазарета, покрыли тело старшего офицера.

Мичман граф Нирод, младший штурман, исполнял обязанности дальнего офицера. Весь бой 14 и 15 мая он определял расстояние до неприятеля, стоя на самом верхнем мостике под градом сыпавшихся снарядов, лично определяя расстояние, по Барру и Струду.

Наш младший штурманский офицер, лейтенант Дьяконов общий любимец всех кают-компаний и команд судов, на которых он плавал, общий любимец всей морской молодежи, которая видела в нем идеал преданности долгу службы и любви к морскому делу, был ранен осколком снаряда, перебившем ему руку. Не желая покидать корабль, он лег на бак, закрывши

голову тужуркой, ухватился здоровой рукой за якорный канат, решив идти на дно вместе с крейсером.

Машинный кондуктор Николаев был ранен в ногу, его вынес наверх его товарищ кондуктор Шенберг и спустил его на бак в воду. Кондуктор Рыбаков был убит на палубе. Кондуктор Долгов был контужен на палубе. Кочегарный кондуктор Селиванов остался в кочегарке, отказавшись спастись.

Прапорщик Михайлов, находившийся во время боя в машине, вышел последним из нее; на верхней палубе не оставалось никаких спасательных средств. Не умея хорошо плавать, он был в нерешимости — бросаться ли в воду. На палубе лежала судовая икона Николая Чудотворца в небольшом киоте. Он взял ее и бросился с ней в воду. Михайлов был спасен и хранит икону как свою спасительницу.

«Светлана» накренилась на левый борт настолько, что верхняя палуба стала уходить в воду, и в таком положении, неся на гафеле Андреевский флаг, около 11 часов утра она погрузилась в воду окончательно».

А вот как описал гибель броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков» старший артиллерийский офицер лейтенант Николай Николаевич Дмитриев:

«Часов около шести утра 15 мая, как раз в то время, когда «Читозе» быстро настигал нас и мы готовились к бою с ним, на шканцах «Ушакова» была совершена в высшей степени тяжелая церемония погребения в море наших вчерашних покойников.

Было приказано изготовиться к бою, но так как в окончательном исходе последнего не могло быть никаких сомнений, то Миклуха, призвав на мостик минного офицера Б.К. Жданова, велел ему изготовить к взрыву на случай надобности трубы кингстонов и циркуляционные помпы.

Команде же дано было распоряжение выбросить с мостика по возможности все горючее: лишнее дерево, парусину, койки и т.п. и оставить одни лишь пробковые матрацы.

На собранном совете офицеров опять-таки единогласно было решено драться, пока хватит сил, а потом уничтожить броненосец, и никому у нас не пришла в голову мысль о возможности избегнуть предстоящего пагубного боя ценою позора своего флага. Командир, офицеры и матросы прощались друг с другом, расставаясь навсегда, так как трудно было рассчитывать уцелеть после предстоявшего нам дела с двумя противниками, у которых были первоклассные японские броненосные крейсера «Ивате» и «Якумо».

А последние тем временем быстро нагоняли нас и около четырех часов были позади нас на 80-90 кабельтовых расстояния.

На переднем из них был поднят двухфлажный сигнал, которого за отдаленностью мы никак разобрать не могли. Не получая ответа на свой сигнал, крейсера повернули несколько вправо и легли потом параллельным с нами

курсом, подходя быстро к нашему траверзу, но не сближаясь с нами меньше как на 70 кабельтовых.

Но вот минуты через три удалось, наконец, разобрать первую половину сигнала, гласившую следующее: «Советую вам сдать ваш корабль...». «Ну, а продолжение и разбирать нечего, — сказал Миклуха, — долой ответ, открывайте огонь».

Снова сыграли «короткую тревогу», и весь борт сразу по команде открыл огонь.

Разделять огонь по обоим противникам не имело смысла, а потому вся стрельба была сосредоточена по адмиральскому головному крейсеру «Ивате». Направления наших снарядов были с самого начала хорошие, но видно было, что получаются недолеты. Работу же 120-мм батарейных пушек временами приходилось совершенно прекращать, так как их стрельба на том расстоянии, на котором держались от нас японцы, была абсолютно бесполезна.

Как мы узнали потом, на «Ивате» вторая неразобранная часть сигнала была весьма ядовита и имела целью смутить нас: «... так как «Николай» уже сдался», — вот о чем извещали нас неразобранные флаги. И действительно, будь у нас другой командир, кто знает, как принял бы он такой обескураживающий сигнал.

Мог бы поколебаться при такой вести кто-нибудь другой, но не Миклуха. Больной, с издерганными долгим походом нервами, Владимир Николаевич с самого начала боя еще 14 мая вел себя безукоризненно, не проявив, несмотря на всю предшествовавшую нервность, ни малейшей робости или сомнения.

Невзирая на все несчастные для нас условия, он твердо решил, что имя старика Ушакова не будет запятнано и русский флаг на броненосце его имени опозорен не будет. И он исполнил свое намерение, поплатившись при этом своей жизнью.

В ответ на огонь нашего правого борта японцы тот час же начали убийственную стрельбу, пользуясь главным образом своими восемью башенными орудиями, могущими стрелять благодаря своим новейшим установкам на дистанцию до 75 кабельтовых».

14 мая «Адмирал Ушаков» в бою получил две подводные пробоины: были затоплены носовые отсеки. На русском броненосце находились четыре 10-дюймовых и четыре 120-мм орудия. Наибольшая скорость «Ушакова» — не более 10 узлов. На двух японских крейсерах имелось восемь 8-дюймовых и тринадцать 6-дюймовых орудий, а максимальная их скорость была свыше 20 узлов.

«Не будь я 15 мая в рубке, мне, конечно, не пришлось бы писать этих строк, ибо уцелеть на открытом мостике не было никакой возможности:

там буквально все сметалось градом осколков. Минут через 20 после начала боя было разбито правое, носовое, 120-мм орудие, а несколькими последовательно попавшими в батарею неприятельскими снарядами был произведен взрыв трех беседок с 120-мм патронами, вследствие чего начался сильный пожар.

Этими же снарядами и взрывом беседок были произведены большие разрушения на правой стороне батареи, да и левая ее сторона была вся завалена кусками и обломками от разбитой динамо-машины и развороченного камбуза. Местами попадались залитые кровью и изуродованные до неузнаваемости трупы убитых матросов.

Через полчаса пальбы огонь обоих неприятельских крейсеров, сосредоточенный на сильно уже подбитом «Ушакове», был ужасен по своим результатам. Кроме пожара в батарее, от взрыва снаряда в жилой палубе загорелась обшивка борта и рундуки с командными вещами. К концу получасового боя нашим броненосцем были получены следующие повреждения: 8-дюймовым снарядом была произведена большая пробоина по ватерлинии под носовой башней, несколько более или менее значительных пробоин по всему борту и, наконец, огромное отверстие в борту было сделано под каюткомпанией снарядом, взрыв которого был ужасен по своей силе.

После перечисленных разрушений «Ушаков» быстро накренился на правый борт настолько сильно, что стрельба из башен стала недействительна вследствие уменьшения дальности, а затем и полной невозможности вращать башни против крена. При таких условиях командир, видя бесполезность дальнейшей стрельбы и использовав всю боевую способность своего корабля, приказал затопить «Ушакова». Были открыты кингстоны, затоплены бомбовые погреба и подорвана труба циркуляционной помпы в машинном отделении.

Машины были застопорены, стрельба была прекращена, и людям было приказано выходить наверх и бросаться за борт, пользуясь имеющимися под руками спасательными средствами. Когда почти вся команда была уже в воде, на мостик пришел старший офицер доложить командиру о том, что вода быстро прибывает и что «Ушаков» через самое короткое время перевернется. Никогда не забуду я спокойствия и полного самообладания, с каким держал себя в это время А.А.Мусатов».

Затонул «Ушаков» 15 мая. Из команды броненосца погибли семь офицеров, три кондуктора, 84 унтер-офицера и матроса.

Командир крейсера «Олег» капитан 1 ранга Добротворский подумал, что после гибели броненосцев прорыв во Владивосток теряет всякий смысл, и решил отходить на юг. Ему в кильватер шли крейсера «Аврора» и «Жемчуг». Этот отряд под флагом контр-адмирала Энkvиста взял курс на Манилу, где 21 мая, по предложению американских властей, крейсера были

разоружены и интернированы до конца войны. В нейтральных портах также были интернированы миноносец «Бодрый», транспорт «Корея» и буксирный пароход «Свирь».

15 мая в 11 часов началось самое неприятное: на оставшихся кораблях, составивших уже эскадру контр-адмирала Н.И.Небогатова, спустили Андреевские флаги. Небогатов, морально подавленный картиной гибели сильнейших кораблей эскадры и отсутствием видимых повреждений кораблей противника, впоследствии мотивировал свое решение о сдаче стремлением спасти 2 тысячи жизней от неминуемой и бесполезной гибели. Объяснить его поступок гуманными соображениями можно, но оправдать по чести — нельзя.

Разобрав сигнал о сдаче, командир «Изумруда» капитан 2 ранга барон В.Н.Ферзен дал полный ход и начал уходить. Он оторвался от преследования японских крейсеров и, предполагая, что у Владивостока его ждут японские крейсера, направился в бухту Владимир. По счислению, он подошел к бухте около часа ночи 16 мая и, опасаясь, что не хватит угля, попытался ночью же войти в бухту. В темноте корабль выскочил на мель. Сняться с нее не удалось. Тогда командир принял решение переправить команду на берег, а корабль взорвать.

В ноябре—декабре 1906 года в Кронштадте состоялся военно-морской суд, признавший бывшего командира отряда и семерых офицеров виновниками позора. Контр-адмирала Н.И.Небогатова и сдавшихся командиров кораблей «Император Николай I», «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин» В.В.Смирнова, Н.Г.Лишина и С.И.Григорьева приговорили к смертной казни, которую император заменил десятилетним заключением в крепости.

Цусимское сражение закончилось почти полным уничтожением русской 2-й Тихоокеанской эскадры: из семнадцати кораблей 1-го ранга одиннадцать погибли, два были интернированы, а четыре попали в руки противника. Из крейсеров 2-го ранга два погибли, один разоружился и только «Алмаз» достиг Владивостока, куда также прибыли два миноносца. Более 5 тысяч человек, в том числе 209 офицеров и 75 кондукторов, погибли, а 803 человека получили ранения. В японском плену оказались более 6 тысяч моряков, среди которых находился и командующий эскадрой вице-адмирал З.П.Рожественский.

Потери японского флота были намного меньше: три потопленных миноносца, несколько поврежденных кораблей и около 700 убитых и раненых.

Прибыв в Манилу 11 июня 1905 года, старший офицер крейсера 1-го ранга «Олег» о действиях команды в сражении докладывал следующее: «Когда попал снаряд и раздался сильный треск, клубы черного удушливого дыма и пламени охватили все помещение. Сигнальные ракеты и некоторые

патроны с грохотом начали лопаться. Осколки неприятельского снаряда разлетелись во все стороны, разрушая и пронизывая все на своем пути. Палубу нижнего мостика (над местом взрыва) действием газов выпучило и приподняло кверху дюйма на три находящееся тут 75-мм орудие № 29, которое потом уже не могло действовать, хотя палуба и осела.

Перед самым взрывом был дан сигнал «правому борту рассыпаться», и прислуга скорострельных пушек, бывшая до того за прикрытием казематов, бросилась по своим местам. Комендор пушки Аксенов первый прибежал и успел сделать выстрел. Прислуга его (матросы Паршин, Волков и Максимов) бегом поднимались по трапу. Прислуга же соседней 47-мм пушки (матросы Крючок и Кустовский) не уходила за прикрытия, а оставалась здесь посмотреть за ходом сражения. Заряжая свое орудие, комендор Аксенов попросил Крючка ему помочь, что тот и сделал охотно, но, как только Аксенов стал наводить, как тут и приключился этот самый взрыв. Огнем и газами опалило лицо и руки Аксенову, отбросив его от пушки. Весь в огне (горела одежда) Аксенов бежит на шкафут, где его кто-то обдаёт водою из шланга и он теряет сознание. Как попал на перевязку, не помнит. Доктор же говорит, что Аксенов сам прибежал в кают-компанию. Вид его обожженного лица, головы и рук был ужасен. Кроме ожогов, он получил много ранений осколками почти по всему телу. Матроса Крючка тоже сильно обожгло и, тяжело ранив в руку и многими осколками по телу, отбросило в сторону.

Вдовина и Кустовского убило на месте. Вдовин был обезображен: голова разможжена и оторвана, руки и ноги тоже. Паршина отбросило в сторону и ударило в плечо, Максимова с трапа сбросило на шкафут и осколком ранило в ступню. Волков остался невредим.

Здесь же тяжело ранило подносчика орудий матроса Кириенко, который спустился сюда за патронами и, взяв один из них, не успел отойти, как приключился этот взрыв. Кириенко тяжело ранило в голову и ногу (впоследствии отняли) и отбросило в сторону. Падая, он выронил патрон, который покатился и взорвался.

Пожар в 75-мм переднем носовом погребе был скоро загашен прислугою того же погреба матросом Ниловым (хозяин погреба), матросом Селигеевко и кочегарами Малюга и Шварц (подручные). Все они находились в погребе, когда туда посыпались патроны с горящим порохом, который, продолжая гореть, рассыпался по палубе (погреба). Увидев падающие патроны и пламя, упомянутые люди нисколько не растерялись, а, выскочив в жилую палубу, схватили пожарные шланги и залили огонь через люк ручной подачи. Лихо справившись с пожаром, они молодцами спускаются в погреб и снова продолжают подачу патронов.

При взрыве у пушки пламя охватило и противоположный борт, где загорелись койки. Прислуга этой пушки, залив сперва горящие у себя койки,

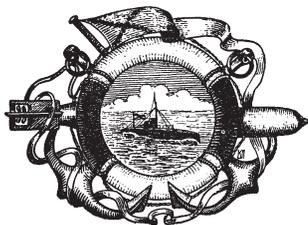

бросилась во главе с комендором Филипповым и матросом Олешковым к пушке и начала гасить там пожар. Особенно при этом отличился комендор Филиппов, который, заметив, что прокладка в ящике 47-мм патронов горит и патроны с минуты на минуту грозят взрывом, направил струю воды первым долгом в этот ящик и залил его. Матрос Олешков не отставал от Филиппова. Оба действовали молодцами.

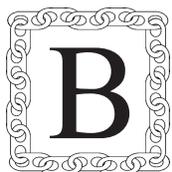
Покончив с пожаром, комендор Филиппов со всею прислугою по собственному побуждению перешли к пушке Аксенова, где и оставались уже до конца боя... Квартирмейстер Пристяжнюк, раненный в спину осколком, ни за что не хотел идти на перевязку. Страдая от боли, он работал и помогал заделывать пробоины со свойственным ему самоотвержением. Только на другой день почти насильно отвели его к доктору, который вынул осколок из области близкой спинному хребту.

Иеромонах отец Порфирий своим бесстрашием и полным равнодушием к опасности подавал нам всем пример самоотвержения и честного выполнения христианского долга. За все время боя он был повсюду, в самых опасных местах, где только не случались раненые. Обходя палубы и спускаясь неоднократно в перевязочный пункт, он всюду успевал принести пользу, где словом, а где и делом».

Русские моряки сражались героически. Многие рисковали собственной жизнью ради того, чтобы уж если не изменить ход сражения, так хотя бы не так позорно его проиграть. Но сражение все же было проиграно, причем уже через 40 минут после первого выстрела оно превратилось в настоящий разгром. Причин поражения много: прежде всего серьезные просчеты в подготовке к войне Морского ведомства; пренебрежение боевой подготовкой, разведкой, маскировкой, радиосвязью и т. д.; слабая выучка личного состава, особенно тактическая подготовка офицерского корпуса. Все эти недостатки опубликованы в «Заключении следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя».

Бой у мыса Сарыч

В конце июля 1914 года германские линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» вошли в пролив Дарданеллы, а затем в Константинополь. После фиктивной покупки этих кораблей правительством Османской империи на «Гебене» и «Бреслау» 3 августа того же года подняли турецкие флаги. Корабли получили новые названия — «Султан Селим Явуз» и «Мидилли», но немцы их называли по-прежнему. С передачей этих кораблей контр-адмирал Вильгельм Сушон стал командующим турецким флотом. В связи с появлением в турецком флоте «Гебена» в корне изменилась вся обстановка на Черном море. Линейный крейсер по всем характеристикам превосходил любой корабль русского Черноморского флота, а по своей мощи его можно было сравнить с тремя лучшими черноморскими линкорами. Большим преимуществом корабля была скорость. Он мог легко вступить в бой и так же легко из него выйти.

Сушон все же чувствовал, что даже с такими кораблями вырвать у русских господство на Черном море ему не удастся. Поэтому он предложил сугубо оборонительный план действий германо-турецкого флота. Главными задачами он считал оборону проливов, поддержку береговых укреплений огнем кораблей при форсировании проливов неприятелем и защиту своего судоходства в южной части Черного моря. Кроме того, Сушон предусматривал проведение набеговых операций на русские коммуникации, порты и побережье. Он считал излишним подвергать «Гебен» и «Бреслау» риску и всячески избегал встречи с русским флотом.

В первый день войны «Гебен» чудом уцелел. Во время обстрела Севастополя он оказался на крепостном минном заграждении, которое, к сожалению для русских, оказалось разомкнутым, в связи с тем что ожидался приход минного заградителя «Прут». Заградитель натолкнулся на «Гебен» и в неравном бою погиб. В «Гебен» попали три снаряда крупного калибра, выпущенные береговыми батареями.

В полдень 5 ноября 1914 года, находясь всего в 45 милях от мыса Херсонес, почти на траверзе мыса Сарыч, сигнальщики крейсера «Алмаз» обнаружили в дымке силуэты кораблей противника. Дав на флагманский «Евстафий» сигнал: «Вижу неприятеля», «Алмаз» пошел на сближение со своими главными силами, а спустя минуту на кораблях Черноморского флота объявили боевую тревогу. Эбергард держал флот в походном порядке и, как он считал, максимально приближенном к боевому. Впереди главных сил на удалении трех с половиной миль шли крейсера «Алмаз», «Память Меркурия» и «Кагул» под флагом контр-адмирала А.Е.Покровского. За ними строем кильватерной колонны шли первая и вторая бригады линейных кораблей. Впереди под флагом командующего флотом шел

«Евстафий», за ним — «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав».

Позади линкоров в двух кильватерных колоннах следовали тринадцать эскадренных миноносцев под флагом начальника Минной бригады капитана 1 ранга М.П.Саблина. Такой походный порядок совершенно не соответствовал обстановке и не позволял сразу же ввести в сражение линкоры. Не на месте оказались и миноносцы. Уголь был на исходе, и флот следовал в направлении Севастополя. Погода была безветренная, над морем стелился легкий туман.

Черноморский флот, находившийся почти в полном составе, встретился с «Гебеном» и «Бреслау». Превосходство русских было очевидным: пять линейных кораблей против двух неприятельских.

Адмирал Эбергард распорядился увеличить скорость до 14 узлов, а концевым кораблям подтянуться. Вскоре с мостика «Евстафия» справа по курсу на дистанции около 90 кабельтовых заметили дым. Никто не сомневался в том, что это противник. Командир корабля капитан 1 ранга В.И.Галанин предложил адмиралу начать перестроение в строй фронта, чтобы при открытии противника сразу же принять боевой порядок.

Но адмирал считал иначе: с поворотом он не спешил. Как только «Евстафий» лег на новый курс, справа в тумане показался силуэт «Гебена», который оказался в зоне действительного огня не только главной, но и противоминной артиллерии. Однако, по принятым на Черноморском флоте правилам стрельбы, все корабли должны вести артиллерийский огонь лишь по целеуказанию с одного линкора. Только так можно добиться огневого превосходства. Управляющий огнем лейтенант В.М.Смирнов находился на «Иоанне Златоусте», идущем сзади. Адмирал ждал, пока его мателот закончит поворот. Напряжение нарастало. Наконец, «Иоанн Златоуст» лег в кильватер. Не теряя ни минуты, командующий флотом приказал открыть огонь на поражение. Но туман и дым от впереди идущего «Евстафия» мешали управляющему огнем точно определить дистанцию до противника. Второпях Смирнов передал по флоту сигнал: «Прицел 60», что означало — до цели 60 кабельтовых. Фактически же дистанция была намного меньше. Спустя 1-2 минуты на флагмане эти данные уточнили — до цели было 38,5 кабельтовых. Но два головных корабля уже вели огонь, причем первый стрелял из пушек с правильно установленным прицелом, а второй — нет. На шедшем следом «Пантелеймоне» из-за дыма и тумана вообще не увидели противника и, естественно, огонь не открывали. С «Трех Святителей», как и с «Иоанна Златоуста», стреляли с неверными установками, а следовательно, и не точно. Командир «Ростислава» капитан 1 ранга К.А.Порембский решил обстрелять «Бреслау». Таким образом, бой с «Гебеном» вел только «Евстафий».

С началом боя адмирал Сушон резко повернул вправо и лег на параллельный курс. Почти одновременно с «Евстафием» открыли огонь и с «Гебена». Первый двухорудийный залп с «Евстафия» накрыл неприятеля; 305-мм снаряд пробил каземат левого борта «Гебена». На корабле возник пожар, появились убитые и раненые. Снаряды «Евстафия» ложились настолько точно и кучно, что адмиралу Сушону показалось, что стреляют все пять русских линкоров. Оценив обстановку, он резко изменил курс, увеличил скорость и скрылся в тумане. Получив не менее трех 12-дюймовых снарядов, «Гебен» потерял 115 человек убитыми и 59 ранеными.

Эбергард от погони отказался: его корабли сделали большую петлю и взяли курс на Севастополь. Бой продолжался всего 14 минут. За это время с русских кораблей выпустили только тридцать 12-дюймовых снарядов, в том числе с «Евстафия» — 12, с «Иоанна Златоуста» — 6 и с «Трех Святителей» — 12. С «Пантелеймона» не сделали ни одного выстрела.

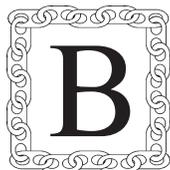
Первый залп с «Гебена» лег с перелетом. Но один снаряд пробил среднюю дымовую трубу на высоте козырька, снес бортовую антенну и перебил тали шлюпбалки. На время «Евстафий» лишился радиосвязи. Третий и четвертый залпы дали еще два попадания: один снаряд попал в середину 152-мм батареи, а другой — в ее переднюю часть. На «Евстафии» погибли пять офицеров — лейтенант Евгений Мязговский, мичманы Сергей Григоренко, Николай Гнилосыров, Николай Семенов и Николай Эйлер; 29 унтер-офицеров и матросов; 24 человека были ранены. Один из снарядов разорвался вблизи линкора: появилось несколько осколочных пробоин в небронированной части борта.

6 ноября Эбергард доложил о бое в Морской Генеральный штаб:

«После вчерашнего боя «Гебен», вероятно, имеет серьезные повреждения и ушел в Босфор. Настоятельно необходимо принять самые энергичные меры для установления его местопребывания и точных данных о его повреждениях. Представляется это легко выполнимым, пользуясь поддержкой и содействием нейтральных держав, также многочисленностью армянского и греческого населения, рассеянного по портам».

8 ноября в Севастополе хоронили погибших, а через четыре дня на флот прибыл морской министр адмирал Иван Константинович Григорович, наградивший многих участников боя с «Гебеном». Охота за «Гебеном» продолжалась почти до конца года, пока он 25 декабря 1914 года не подорвался на двух минах, выставленных русскими кораблями на подходах к Босфору.

Атакуют черноморцы

статуте военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия имелось такое положение: «Кто истребит часть неприятельских транспортов или коммерческих судов, находящихся под защитой равного или сильнейшего военного конвоя», достоин этой высокой награды. Именно такой подвиг совершили два русских миноносца в августе 1915 года на Черном море. Эскадренные миноносцы «Пронзительный» и «Быстрый» под флагом командира третьего дивизиона капитана 1 ранга князя Владимира Владимировича Трубецкого разгромили турецкий конвой, охранение которого было в несколько раз сильнее. За этот бой Трубецкого наградили Георгиевским оружием, а вскоре и орденом Святого Георгия 4-й степени.

На протяжении всей войны у германо-турецкого флота была важнейшая проблема — обеспечение перевозки угля из портов Эрегли, Козлу и Зунгулдака в Константинополь. Причем из-за отсутствия сухопутных дорог уголь можно было доставлять только морем. Временами из-за угольного «голода» корабли не ходили в море, тогда уголь доставляли из Германии по железной дороге. В штабе Черноморского флота эту ситуацию понимали, поэтому исключительно большое внимание уделяли нарушению морских коммуникаций и блокаде угольных бассейнов противника.

В конце августа 1915 года с миноносцев «Гневный» и «Беспокойный» донесли, что в Зунгулдаке турецкие пароходы заканчивают погрузку угля и через день-другой выйдут в море. Но, как назло, у миноносцев кончалось топливо: его хватило бы только на переход в Севастополь. Капитан 1 ранга Трубецкой предложил начальнику штаба флота вице-адмиралу Константину Антоновичу Плансону вместо «Гневною» и «Беспокойного» послать к Зунгулдаку два-три миноносца. Однако, как доложили, на «Дерзком» еще не закончили щелочение котлов и переборку механизмов. На других миноносцах только начали очередной ремонт. Исправными и готовыми к выходу были только «Пронзительный» и миноносец «Быстрый», взятый из второго дивизиона.

Пополнив запас до нормы, в полдень 22 августа «Пронзительный» и «Быстрый» покинули Севастополь. На первом миноносце развевался брейд-вымпел командира дивизиона.

Перед выходом Трубецкого вызвали в штаб флота, где начальник штаба вице-адмирал Плансон уточнил задачу и, пожелав успеха, разрешил выход. Пока комдив находился в штабе, штурманский офицер лейтенант Кисловский закончил предварительную прокладку, а комендоры провели последнее согласование прицелов. Для надежности в боевой поход взяли артиллерийского офицера дивизиона лейтенанта Викентия Борисовича Ловенецкого — профессионала высочайшего класса. Как и комдив, он был награжден Георгиевским оружием.

Пройдя боны Севастопольской бухты, Трубецкой распорядился передать по радио дозорным кораблям: «Вышел полдень, курс 224, ход 18 узлов, рассветом буду в квадрате В249. Перед наступлением темноты, не маскируя свой уход, идите Севастополь. С уходом донесите мне, остались ли пароходы Зунгулдаке». От приемного буя миноносцы взяли курс на маяк Шили, надеясь перехватить турецкие пароходы на рассвете в районе Босфора. Расчет был на то, что с уходом русских миноносцев турки поспешат выйти в море и на рассвете попадут под удары внезапно прибывших из Севастополя кораблей. В это время между Зунгулдаком и Босфором патрулировала подводная лодка «Нерпа», но связаться с ней Трубецкой так и не смог: сильные помехи создавались радиостанцией «Гебена».

С рассветом (23 августа) на миноносцах пробили тревогу, а вскоре на горизонте показались три дымящиеся трубы. Увеличив ход до 28 узлов, миноносцы взяли курс прямо на обнаруженного противника. В 5 часов 10 минут впереди по курсу показалась подводная лодка, которая сразу же погрузилась в воду. Трубецкой решил обойти этот район: лодка могла принадлежать противнику. Через четверть часа лодка снова всплыла. Как оказалось, это была «Нерпа». Подойдя на голосовую связь, командир лодки сообщил, что впереди идет крейсер «Гамидие» в охранении двух миноносцев типа «Милет». (В русском флоте «милетами» называли построенные германской фирмой «Шихау» для Турции минные крейсера, имевшие на вооружении по два 75-мм и 57-мм орудия). Вскоре открылся весь конвой: крейсер «Гамидие» и миноносцы «Нумуне» и «Муавенет» сопровождали четыре транспорта.

В 6 часов 40 минут, приведя противника на траверз правого борта, с дистанции примерно в 70 кабельтовых «Пронзительный» дал первый залп. Турецкий крейсер, видимо, такой дерзости от русских миноносцев не ожидал. Вначале он даже застопорил ход, а затем повернул в сторону русских кораблей и стал быстро с ними сближаться. Минут через 10 прогремели первые залпы неприятельских шестидюймовок.

По приказу комдива радисты «Пронзительного» передали командующему Черноморским флотом срочное сообщение: «В 6 часов 40 минут вступил в бой с «Гамидие» и двумя «милетами». Угольщики под защитой неприятельских военных судов».

Миноносцы отступать не собирались: они открыли по приближающемуся противнику ураганный огонь. Артиллерийские офицеры лейтенанты Макеев и Максимов распорядились, как на учениях: стреляли так, будто перед ними был не крейсер, а какая-то слабо вооруженная шаланда. Оба лейтенанта прекрасно знали, что на турецком корабле установлены две 6-дюймовые пушки, восемь 120-мм, шесть 47-мм и четыре 37-мм орудия, а на миноносцах — по два 75-мм и 57-мм орудия. На «Пронзительном» и «Быстром»

было всего шесть орудий 4-дюймового калибра. Они превосходили противника только в скорости. Если «Гамидие» развивал не более 22 узлов, то русские миноносцы — свыше 30 узлов.

Чуть более минуты продержался «Гамидие» на курсе сближения. Не выдержав огня русских миноносцев, он резко развернулся и на противоартиллерийском зигзаге стал уходить, отстреливаясь кормовыми пушками. Увеличив скорость, корабли Трубецкой вышли почти на траверз неприятеля. Следуя параллельными курсами, противники обстреливали друг друга. Но если с «Гамидие» стреляли как придется, то снаряды русских миноносцев несколько раз накрывали неприятеля. Одним снарядом было разбито носовое орудие.

В 7 часов 27 минут с миноносцев заметили, что «Гамидие» резко повернул влево и открыл беглый огонь. Трубецкой посчитал, что это была атака подводной лодки и пошел ей на выручку. Повернув прямо на неприятеля и увеличив ход до 24 узлов, он начал сближаться с противником. На этот раз пристрелка была короткой: миноносцы перешли на стрельбу на поражение. В «Гамидие» попало несколько снарядов. Он снова круто повернул и опять на зигзаге, сбивая прицельный огонь, стал отходить. Вскоре на «Пронзительном» закончились патроны с полным боевым зарядом. В голову зашел «Быстрый». После двадцати выстрелов и у него закончились такие же патроны. Головным снова стал «Пронзительный». Трубецкой понимал, что нельзя упустить инициативу: ведь противник не догадывался, что на русских кораблях остались патроны только с уменьшенным зарядом.

Трубецкой доложил в штаб флота:

«В 8 часов бой продолжается. «Гамидие» после нескольких попаданий уходит в Босфор с миноносцами. Преследую. «Нерпа» атаковала, по-видимому, безрезультатно».

«В 9 часов 32 минуты окончил бой беглым огнем, переведя его на контр-курсе на «милеты» в расстоянии 55-57 кабельтовых. Неприятель, следуя в Босфор, обогнул под нашим энергичным огнем Кефкен. Носовое орудие «Гамидие» не действует. Угольщики отрезаны, иду искать и утопить».

Тем временем «Гамидие» с миноносцами уходили все дальше и дальше. Дав вдогонку несколько залпов по миноносцам, русские корабли прекратили преследование. Затем моряки обнаружили приткнувшиеся к берегу турецкие суда и взорвали их. Когда через полтора часа в этом районе снова появился «Гамидие», русские миноносцы уже взяли курс на Севастополь.

Об одержанной победе Трубецкой извещал штаб телеграммой с грифом «Экстренно»:

«Приказание исполнил. Отрезанные у сильнейшего противника угольщики утоплены. Один четырехмачтовый, один большой пароход, один малый, один буксирный и большая груженная баржа. Возвращаюсь, потерь нет».

23 августа о победе доложили в Петербург, а на следующие сутки о бое узнал весь Черноморский флот:

«Объявляю по флоту телеграмму Его Императорского Высочества Верховного Главнокомандующего, полученную мною 23 сего августа Адмирал А.Эбергард.Севастополь. Наморси.

Поздравляю Вас и Черноморский флот с блестящим делом миноносцев; передайте князю Трубецкому и личному составу «Пронзительного» и «Быстрого» мою благодарность за совершенный ими подвиг.

Николай».

Пришла телеграмма и от союзников — англичан и французов:

«От имени соединенного флота из Дарданелл я шлю Вам наши искренние поздравления с победой, одержанной Вашими миноносцами над сильнейшим противником.

Поддержка морских сообщений является для неприятеля серьезной задачей и с наступлением дурных погод его потери в больших пароходах затруднят его положение. Я прошу Вас передать мои личные поздравления офицерам и командам миноносцев и подводной лодки, участвовавшим в этом деле».

Наблюдавший за боем командир подводной лодки «Нерпа» представил следующее донесение: «В 6 часов утра на Ost из-за горизонта показались три дыма, и вскоре можно было различить «Гамидие» и двух «милетов», идущих на West. Мористие их вырисовывались два наших миноносца. Через несколько минут наши корабли открыли огонь. «Гамидие», идя вдоль берега, часто менял курсы. Слева по траверзу на расстоянии 8-10 кабельтовых держались «Милеты», не принимая участия в бою. Огонь наших миноносцев, вначале дававший недолеты, стал более действительным: снаряды ложились в непосредственной близости к «Гамидие».

В 6 часов 45 минут, видя, что расстояние до неприятеля уменьшается, погрузился и пошел в атаку, стараясь выйти на курс неприятеля.

В 7 часов 10 минут «Гамидие» изменил курс на лодку, и я стал сближаться с ним, рассчитывая стрелять из траверзных аппаратов. Скрыл перископ. По мере приближения «Гамидие» в лодке были слышны все учащающиеся разрывы снарядов над лодкой. Предполагал, что это недолеты наших миноносцев.

В 7 часов 25 минут, показав перископ, увидел «Гамидие», идущим прямо на лодку в расстоянии 8-10 кабельтовых. Изменив курс на 5 градусов

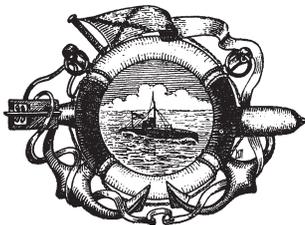
влево, скрыл перископ. Поднявшись через 3-4 минуты, увидел «Гамидие» направо за траверзом, повернувшим на 90 градусов кормой к нам и быстро уходящим. Изменил курс и лег за уходящим неприятелем.

В 8 часов 50 минут, потеряв из виду в перископ «Гамидие», всплыл. На West на горизонте во мгле были видны вспышки и доносились орудийные выстрелы, удаляющиеся от нас. В это время туман под берегом рассеялся и я увидел четыре парохода, идущих к Кефкену. Первые два были далеко впереди, третий на нашем траверзе, а четвертый немного сзади. Расстояние до берега шесть миль.

Взявши курс на Кефкен, пустил два мотора и электромоторы им в помощь, надеясь подойти к Кефкену в одно время с пароходами. По пеленгу убедился, что идем одинаковой скоростью с пароходами; через 15 минут пеленг показал, что пароходы отстают, а поэтому склонился еще ближе к берегу.

В 9 часов 50 минут пароходы, видя, что мы сближаемся с ними и путь на Кефкен им отрезан, повернули и выбросились на берег. Я стал подходить к первому в подводном положении, чтобы взорвать его. В это время я увидел наши миноносцы, которые, прекратив преследование «Гамидие», приближались к нам полным ходом. Видя, что пароходы могут быть уничтожены артиллерийским огнем миноносцев, всплыл и отошел в сторону. По семафору передали с миноносцев, что «Гамидие» следует за ними. Уничтожив пароходы, миноносцы пошли к следующим и, потопив их, взяли курс на Севастополь».

Все офицеры миноносцев получили либо ордена, либо следующие чины. Командир «Пронзительного» капитан 2 ранга Виктор Николаевич Борсук за храбрость был удостоен Георгиевского оружия, чина капитана 1 ранга и назначен командиром дивизиона миноносцев. Командир «Быстрого» капитан 2 ранга Захарий Александрович Шипулинский тоже был произведен в капитаны 1 ранга, получил новое назначение, мечи и бант к ордену Святого Владимира 4-й степени, а в следующем году награжден Георгиевским оружием.

Залпы гремят у Готланда

В середине июня 1915 года в штабе Балтийского флота возникла идея провести Мемельскую операцию. Вскоре появился и план, суть которого заключалась в следующем: «Пользуясь сосредоточением в Киле германского флота перед императорским смотром, совершить внезапное нападение на Мемель и путем энергичной бомбардировки повлиять на общественное мнение Германии, которое будет на это особенно чутко реагировать ввиду совпадения указанного выше смотра с активным выступлением нашего флота, считаемого противником совершенно пассивным...».

Над планом операции работали сотрудники оперативной части штаба лейтенант Александр Александрович Сакович и старший лейтенант Иван Иванович Ренгартен.

Сакович в 1914 году был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу для обучения на Военно-морском отделении Николаевской Морской академии. Он прекрасно разбирался в оперативных вопросах, за планирование операции получил следующий чин и мечи к ордену Святого Станислава 2-й степени. Исполнявший должность второго флагманского минного офицера штаба командующего флотом Балтийского моря Ренгартен имел солидный боевой опыт. За участие в Русско-японской войне был награжден орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, знаком защитника Порт-Артура, а за участие в Первой мировой войне — орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. За разработку плана операции его произвели в капитаны 2 ранга.

К выполнению операции планировалось привлечь крейсера «Рюрик», «Олег», «Богатырь», эскадренный миноносец «Новик» и шестой дивизион миноносцев в составе «Туркменца Ставропольского», «Казанца», «Страшного», «Стерегающего», «Забайкальца», «Украины» и «Войскового». Оперативное прикрытие состояло из устаревших линейных кораблей «Слава» и «Цесаревич», крейсеров «Адмирал Макаров», «Баян» и седьмого дивизиона миноносцев. Предполагалось также использовать подводные лодки, которые должны были развернуться на вероятных маршрутах сил флота противника. Выход в море назначался на ночь 18 июня, а обстрел Мемеля — на утро 19 июня. В целом операция основывалась на принципе внезапности.

В одном из пунктов плана отмечалось, что «...если во время похода будет обнаружен противник и отряд окажется в выгодном положении, то крейсера вступают в решительный бой. Если же объект нападения будет уничтожен или если по ходу боя выяснится, что ослабленный противник может

быть уничтожен частью наших сил, то, оставив для этой цели часть судов, остальные продолжают неизменно выполнение намеченной операции».

Накануне операции три подводные лодки были отправлены контролировать вход в Финский залив: одна — к Виндаве, другая — к Данцигу. Линкоры «Слава» и «Цесаревич» пока находились в базе.

В 2 часа 18 июня в море вышла бригада крейсеров под командованием контр-адмирала Михаила Коронатовича Бахирева, поднявшего свой флаг на «Баяне». Кроме «Баяна», в сопровождении седьмого дивизиона миноносцев в море вышли «Адмирал Макаров», «Богатырь» и «Олег». Из Ревеля вышел «Рюрик». В 5 часов в районе банки Винкова бригада встретила с «Рюриком», вступившим ей в кильватер. Миноносцы, состоявшие в противолодочном охранении, были отпущены обратно. Из-за сильного тумана «Новик» несколько задержался, а миноносцы вообще не прибыли в точку встречи.

Около 6 часов 19 июня отряд лег на курс к Мемелю. Но затем туман настолько сгустился, что на кораблях вынуждены были включить кильватерные огни. Пришлось уменьшить скорость. В 7 часов 35 минут во мгле появились силуэты кораблей, которые вскоре были опознаны: впереди шел крейсер «Аугсбург», за ним — минный заградитель «Альбатрос» и три миноносца. Бахирев решил дать бой, так как превосходство русских было очевидным. При этом бригада держала курс на N. Впереди шел «Адмирал Макаров», а за ним — «Баян», «Богатырь» и «Олег».

Повернув влево, Бахирев пошел на охват головы неприятельской колонны. Имея такую же скорость, противник последовательно поворачивался вправо и выходил из охвата. Во время маневра началась перестрелка. Неприятельские корабли полным ходом стали уходить за остров Готланд. Имея значительное превосходство в скорости, «Аугсбург» начал отрываться и вскоре скрылся из вида.

Очевидец событий артиллерийский офицер «Баяна» лейтенант Павел Викторович Лемишевский так описывал свои впечатления о первых минутах боя: «Пришедшие в боевую рубку командир и старший штурман, а также уже находившиеся там и отдававшие предварительные приказания в плутонги оба артиллериста в этот момент были проникнуты одной мыслью, одним желанием: уничтожить крейсер («Аугсбург». — *В.Д.*), который до сего времени всегда ускользал от наших крейсеров и притом еще так недавно у Виндавы, когда мгла не дала возможности бригаде использовать свое преимущество в артиллерии. Но вот грянул залп из 8-дюймовых башенных орудий и 6-дюймовых казематных на «Адмирале Макарове». Небольшая пауза, необходимая, чтобы залпы двух кораблей не легли бы одновременно, и «Баян» открыл огонь из всех своих орудий по головному неприятельскому кораблю. Вслед за «Баяном», выдерживая мертвый промежуток,

открыли огонь «Богатырь» и «Олег» — по второму. Нельзя точно сказать, сколько минут прошло с момента открытия огня, когда совершенно неожиданно «Аугсбург» начал уходить от «Альбатроса», что ему было легко сделать, имея большое преимущество в ходе».

В такой обстановке все крейсера сосредоточили огонь по «Альбатросу», который, получив несколько попаданий, сделал координат вправо и снизил скорость. Шедшие впереди «Альбатроса» миноносцы атаковали русские крейсера торпедами, которые пересекли строй крейсеров и, к счастью, прошли мимо. Через 25 минут боя «Богатырь» и «Олег» зашли с правого борта, поставив неприятеля в два огня и отрезав путь отхода на север. Миноносцы противника попытались закрыть «Альбатрос» дымовой завесой, но им это удалось лишь на время. К 8 часам 30 минутам на «Альбатросе» была сбита мачта, а через несколько минут он описал циркуляцию и, объятый пламенем, выбросился на шведский берег у мыса Эстергарн. Убитых было 21 и 27 раненых. Бой закончился около 10 часов. Во избежание нарушения нейтралитета Швеции русские крейсера прекратили огонь и пошли на север, чтобы вернуться в Финский залив. Поврежденный «Альбатрос» был интернирован Швецией до конца войны.

Из русских кораблей повреждения получил только «Адмирал Макаров»: один снаряд с «Альбатроса» попал в его бак, а снарядами с миноносцев была повреждена шлюпка, четвертая дымовая труба и кормовой мостик. При этом один из комендоров получил тяжелое ранение, от которого вскоре скончался.

Об этом бое Бахирев сделал донесение телеграммой:

«После боя, получив повреждения, неприятельский крейсер выбросился на берег по остовую сторону острова Готланд, за маяком Эстергарн. Считаю полезным выслать подводную лодку к месту аварии».

Примерно через час после боя на горизонте появились крейсера «Роон» и «Аугсбург» в сопровождении четырех миноносцев. Корабли противников обменялись несколькими залпами, после чего неприятель отошел в южном направлении. К ним присоединился еще и «Любек». Однако на пути противника оказался «Рюрик», который сразу открыл огонь. Несмотря на дым, мглу и туман, «Рюрик» первыми же залпами накрыл головной «Роон», на котором начался пожар. «Роон», отстреливаясь, начал уходить. Его первые снаряды легли под самым носом у «Рюрика»: палубу окатило водой, да так, что вышли из строя носовые дальнометы, затем 105-мм снаряд попал в палубу и, пробив ее, разорвался в прачечной. Вслед за этим посыпались снаряды с «Любека».

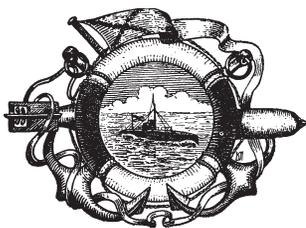
Пристрелявшись по идущему впереди «Любеку» и накрыв его двумя залпами, командир «Рюрика» перенес огонь на «Роон». С «Роона» стреляли

пока не так метко: только один 210-мм снаряд попал в кормовую боевую рубку «Рюрика». В самый разгар боя на мостик сообщили, что в носовой 10-дюймовой башне левого орудия вышла из строя вентиляция и пушка больше стрелять не может, так как люди задыхались от скопления газов. Пришлось изменить курс, чтобы можно было стрелять из кормовых башен. Вскоре «Рон» увеличил скорость и стал уходить. В 11 часов 50 минут бой закончился.

Во время этого боя на помощь «Роону» из Данцига вышел броненосный крейсер «Принц Альберт», но на переходе был атакован британской подводной лодкой Е-9 и, получив серьезное повреждение, с трудом дошел до порта.

В связи с тем что скрытность была потеряна, от Мемельской операции Бахирев отказался. Его вполне устраивали результаты боя, произошедшего у острова Готланд.

Меткие залпы «Азарда»

В самом начале июня 1919 года с Красной Горки в штаб Балтийского флота поступило донесение о том, что в Копорском заливе появились английские миноносцы и транспорты, с которых, видимо, будет произведена высадка десанта. У причала заканчивали приемку топлива эскадренные миноносцы «Азард» и «Гавриил». Командовали этими кораблями опытные офицеры Н.Н.Несвицкий и В.В.Севастьянов, которых решили послать в этот район. Оба были выпускниками Морского корпуса.

Владимир Владимирович Севастьянов — выпускник 1912 года. За отличия в Первой мировой войне получил чин лейтенанта, был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Николай Николаевич Несвицкий — выпускник 1914 года. За отличия в Первой мировой войне получил чин лейтенанта.

Старшим на «Гаврииле» был начальник первого дивизиона эскадренных миноносцев Лев Николаевич Ростовцев, а комиссаром дивизиона — В.Т.Флягин. Для прикрытия эсминцев вышел линкор «Петропавловск» под флагом начальника отряда С.Н.Дмитриева.

Едва «Азард» и «Гавриил» прибыли в назначенный район, как сразу же попали под огонь трех английских миноносцев. Пришлось ответить. Противник отошел. 4 июня в 17 часов 37 минут слева по курсу миноносцев сигнальщики увидели след торпеды, а на расстоянии около 5 кабельтовых появились сначала рубка, а затем и часть корпуса подводной лодки. Положив лево на борт, миноносцы уклонились от торпед, которые прошли прямо по носу, потом на полном ходу, стреляя из носовых орудий, устремились к месту появления подводной лодки. Корабли шли с намерением таранить неприятельскую субмарину, но, видимо, передумали. Не дойдя одного кабельтова до подлодки, «Гавриил», который шел головным, уклонился вправо, дал задний ход и остановился. «Азард» же уклонился влево и почти одновременно по предполагаемому месту подлодки дал залп ныряющими снарядами. После падения снарядов с кораблей увидели огромный черный столб высотой выше мачт. На месте взрыва образовался сильный водоворот: из поврежденной подводной лодки выходил воздух. Море пенилось и бурлило. Как оказалось, «Азард» потопил новейшую английскую подводную лодку L-55.

4 июня начальник первого дивизиона эскадренных миноносцев представил командующему Морскими силами Балтийского моря подробный рапорт о потоплении английской подводной лодки:

«Согласно полученного от Надота приказа 4 июня в 16 часов с эскадренными миноносцами «Гавриил» и «Азард», вышел в Копорский

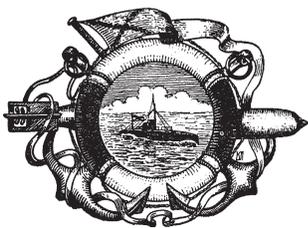
залив для выяснения имеющихся там неприятельских сил. Около 16 часов 30 минут были усмотрены трубы и мачты двух больших кораблей по румбу 310 градусов в расстоянии 110-120 кабельтовых. В 16 часов 40 минут миноносыцы легли на курс 208 градусов от поворотной вехи. В 16 часов 58 минут от Шепелевской поворотной вехи легли на *Wst*, меняя курсы через каждые три минуты. В 17 часов по румбу 240 градусов открылась подводная лодка в надводном положении кабельтовых в 80; через 8 минут подлодка погрузилась. В 17 часов 5 минут увеличили ход до 20 узлов и легли на основной курс 201 градус, продолжая идти переменными курсами через каждые три минуты по 15 градусов в сторону от основного. В 17 часов 15 минут под западным берегом был обнаружен по румбу 240 градусов миноносец, выходящий из залива. В самом заливе никаких судов нет. В это же время «Азард» донес по семафору, что видел подводную лодку за кормой. В 17 часов 18 минут, желая приблизиться к миноносцу и окончательно выяснить, не скрываются ли под западным берегом еще какие-либо корабли, лег на курс 240 градусов. Миноносец заметил погоню и повернул приблизительно на *WNW*. Через несколько минут расстояние дошло до 90 кабельтовых, но больше не уменьшалось; насколько можно было разобрать, это был, по-видимому, «Автроил». В 17 часов 33 минуты, считая дальнейшие преследования безнадежными и убедаясь окончательно, что бухта пуста, повернул на курс 78 градусов.

В 17 часов 37 минут слева от курса были замечены две идущие мины (торпеды. — В.Д.) и тотчас же показалась рубка и часть корпуса подводной лодки приблизительно в 5 кабельтовых. Приказал командиру положить лево на борт и таранить лодку. Мины прошли под носом, и оба миноносца выстрелили из носовых орудий. На месте лодки появился громадный столб воды, не менее чем при взрыве мины заграждения, черного цвета, и видны были летящие в воздух обломки. На месте взрыва, до которого оставалось только 15-20 сажен, был сильный водоворот и с громадной силой выходил воздух, образуя белую пену. Миноносец, отведя немного руля, прошел рядом с этим местом. В этот же момент слева впереди траверза показались силуэты трех кораблей, быстро приближавшиеся. Запросив «Азард», какой наибольший ход он может дать, увеличил скорость до 22 узлов. В 17 часов 47 минут неприятель, идя приблизительно курсом *SW*, открыл огонь с расстояния 85-90 кабельтовых. В 17 часов 50 минут «Гавриил», а вслед за ним и «Азард» начали отвечать. В это время было получено радио Надота с приказанием возвратиться. Расстояние дошло до 55 кабельтовых, затем начало постепенно уве-

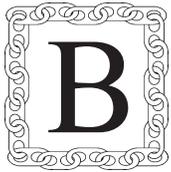

личиваться. В 18 часов 3 минуты легли на курс 28 градусов от Шепелевской поворотной вехи и уменьшили ход до 20 узлов. Огонь с обеих сторон прекратился, и миноносцы стали скрываться за кормой».

В тот же день Революционный военный совет Балтийского флота распространил сообщение о потоплении вражеской подводной лодки. В августе 1928 года лодка была поднята Экспедицией особого назначения, отремонтирована и под тем же названием включена в состав Красного Флота. Останки 38 членов экипажа были переданы для погребения в Англию.

Атакует «Пантера»

В последний день августа 1919 года в 5 часов 30 минут подводная лодка «Пантера» вышла из Кронштадта в трехсуточный боевой поход к острову Сескар. О начале этого похода бывший рулевой лодки М.И.Ефимов вспоминал: «День начинался на редкость хороший. Утреннюю сырость ранней осени уже разгоняло взошедшее солнце. Оно заливало гавань, играло на золотом куполе Морского собора, бросало свои лучи на зеркальную поверхность воды, ласкало корпус «Пантеры», направлявшейся на запад. На воде ни морщинки, ни зыби».

В районе Сескара активизировались действия английских крейсеров и миноносцев, постоянно обстреливавших советские войска на побережье. Командир подводной лодки военный моряк Александр Николаевич Бахтин понимал всю сложность предстоящего похода. На маршруте развертывания ему пришлось несколько раз уклоняться от противника. Трудность заключалась еще и в том, что при состоянии моря 3-4 балла лодку очень трудно было удерживать на перископной глубине. Уйти на большую глубину — значит лишиться единственного средства наблюдения. О патрулировании в надводном положении не могло быть и речи.

«Пантера» имела подводное водоизмещение 780 тонн, скорость под водой 10 узлов. Ее вооружение состояло из двух носовых и двух кормовых торпедных аппаратов, 57-мм и 37-мм орудий и пулемета. Экипаж 33 человека.

Прибыв в район боевых действий, моряки обнаружили сначала один эскадренный миноносец, а затем и второй. По всей видимости, они вели поиск подводных лодок. Около 19 часов эсминцы стали на якорь восточнее острова Сескар. Представилась идеальная возможность атаковать неподвижного противника. Но как к нему подобраться? Вокруг мели и банки. Бахтин решил, что лучше торпедировать эсминцы со стороны острова, откуда меньше всего противник ожидал нападения, тем более что с наступлением вечера в этом секторе вести наблюдения трудно. Штурман лодки А.И.Краснов предложил свой вариант маневрирования, который одобрил Бахтин.

На лодке прозвучал сигнал боевой тревоги. Из всех отсеков поступили доклады о готовности к атаке. В 20 часов 40 минут перешли на два электромотора. Позднее бывший помощник командира лодки А.Г.Шишкин рассказывал: «Резкий звонок. Боевая тревога... Лучшие специалисты «Пантеры» заняли наиболее ответственные посты.

На горизонтальных рулях стоял Ф.Смольников. Подлинный мастер своего дела, он умел как «по ниточке» вести лодку на заданной глубине. Стрелка глубиномера была неподвижна, когда Смольников стоял на вахте.

В боевой рубке непосредственными помощниками командира лодки во время атаки были стоявший у штурвала вертикального руля И.Мельников и минный машинист А.Кашеев. Первый наблюдал за компасом и, следуя приказаниям командира, точно направлял лодку по курсу, а второй докладывал о глубине и дифференте, передавал распоряжения командира в центральный пост, а также принимал и откачивал воду в цистерны, поднимал и опускал перископ. У носовых и кормовых торпедных аппаратов наготове стояли минные машинисты В.Авдюнин и Н.Журков, на центральном посту у приборов управления торпедной стрельбой — старейший минный машинист лодки Ф.В.Сакун. В носовую часть лодки, где распоряжался минный специалист Г.Г.Таубе, направился комиссар В.Иванов. На своем посту — в кормовой части — находился боцман Д.С.Кузьмицкий».

В 21 час «Пантера» легла на боевой курс. Через 5 минут открыли крышки носовых торпедных аппаратов, а еще через 10 минут в перископе отчетливо обозначился силуэт вражеского эсминца. Можно было даже увидеть его бортовой номер. Дистанция до цели была чуть более четырех кабельтовых. Бахтин подал команду: «Аппараты товсь!». Через минуту-полторы прозвучала команда: «Правый аппарат, пли! Левый аппарат, пли!». Две торпеды одна за другой устремились к цели, а вскоре почти одновременно прогремели два взрыва. Бахтин увидел в перископ, как огромный столб огня и дыма взметнулся у правого борта эсминца. Накренившись, корабль быстро стал погружаться в воду.

Моментально убрав перископ, лодка камнем ушла вниз, пока не загрохотала при ударе о грунт. Со стоявшего рядом эсминца в сторону лодки открыли огонь. Вероятно, стреляли ныряющими снарядами. Буквально по грунту «Пантера» отходила от места атаки. В 22 часа 25 минут «Пантера» всплыла, однако Бахтин вскоре дал команду на погружение, так как со стороны Сескара метались лучи прожекторов в поисках субмарины и слышались отдаленные выстрелы. О том, как развивались события, Бахтин написал в своем донесении:

«1 час 10 минут. Продул среднюю и частью палубные цистерны и всплыл, чтобы провентилировать лодку и, если возможно, зарядиться, так как батарея разрядилась до 21 часа и оставшейся энергии в обрез хватало, чтобы вернуться. Открыл люк, вышел на рубку. Стихло. Хотя и темно, но недостаточно для спокойной зарядки ввиду возможности облавы. Кроме того, заряжаться одним дизелем недостаточно, при зарядке же двумя дизелями на наших лодках винты разобщены от моторов, и лодка не может дать быстро ход. Видны лучи Кронштадтских прожекторов.

1 час 15 минут. Увидел неприятельский прожектор со стороны Сескара. Считал рискованным оставаться на поверхности. Погрузился и лег на грунт. Грунт — песок. Выключил лишнее освещение».

Пролежав более 4 часов на грунте, в 5 часов 45 минут лодка всплыла. По расчетам где-то рядом должен находиться Шепелевский маяк, очевидно, скрылся в утренней дымке. Пришлось почти час маневрировать в ожидании улучшения видимости. Наконец, маяк открылся. Уточнив место, лодка снова погрузилась и всплыла только на траверзе Толбухина маяка. Далее «Пантера» прошла в надводном положении.

В этом боевом походе «Пантера» прошла без всплытия почти 75 миль. Это был своего рода рекорд. Она находилась под водой более суток, на лодке почти не оставалось кислорода: невозможно было зажечь спичку. В 13 часов «Пантера» ошвартовалась в Средней Кронштадтской гавани. Как выяснилось, подводной лодкой был потоплен английский эскадренный миноносец «Виттория», построенный в 1917 году. Он имел водоизмещение 1367 тонн, скорость 34 узла, на вооружении находились четыре торпедных аппарата 533-мм калибра, четыре 104-мм и одно 76-мм орудия.

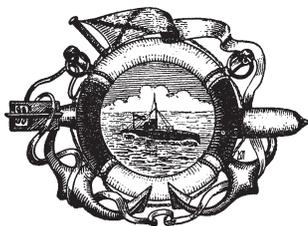
*«Приказ по флоту Балтийского моря с объявлением благодарности
личному составу подводной лодки «Пантера» за
потопление миноносца «Виттория»
№522 11 сентября 1919 г.*

Революционный военный совет Балтийского флота выражает благодарность командиру, комиссару и всему личному составу подводной лодки «Пантера» за энергию и мужество, проявленные при успешной атаке неприятельских миноносцев.

*Революционный военный совет Балтийского флота:
Начальник Морских сил А.Зеленой 2-й
Член совета А.Баранов».*

За успешную торпедную атаку А.Н.Бахтин был удостоен высшей в то время государственной награды — ордена Красного Знамени. Реввоенсовет Балтийского флота наградил восемнадцать военных моряков «Пантеры» именными часами.

Подводная лодка «Пантера» участвовала в трех войнах — в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной. Спущенная на воду 13 апреля 1916 года, она завершила свою службу только в 1955 году.

Бой у Обиточной косы

В середине сентября 1920 года армия Врангеля предприняла новое наступление, устремившись в Донбасс и на Правобережную Украину. Наступление велось вдоль Азовского моря в направлении на Бердянск. С моря противника поддерживала белогвардейская флотилия, которая утром 14 сентября обстреляла Бердянск.

Получив сообщение о появлении флотилии белых, отряд Азовской флотилии в составе канонерских лодок «Буденный», «Красная Звезда», «Знамя социализма», «Свобода» и трех сторожевых кораблей вышел из Мариуполя и направился в район Бердянска. Но противник, обстреляв порт, ушел в направлении косы Обиточной. Красным пришлось изменить курс. 14 сентября в 19 часов 45 минут на западе открылись дымки от вражеских кораблей. Командир отряда С.А.Хвицкий, державший флаг на «Буденном», принял решение ночь отстояться на якоре, а утром нанести по противнику внезапный удар.

Сергей Александрович Хвицкий на Азовской флотилии был самым опытным командиром. В 1910 году он окончил Морской корпус, получил чин лейтенанта. За храбрость, проявленную в годы Первой мировой войны, был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени и Георгиевским оружием.

На рассвете 15 сентября противник начал сниматься с якоря. Из-за низкой песчаной косы показались дымящие трубы, а затем мачты кораблей. Увеличив ход до полного, отряд Хвицкого выскочил из-за косы открыл огонь, но в связи с частыми осечками и неисправностью артиллерии реализовать фактор внезапности не смог. Невзирая на огонь, противник продолжал сниматься с якоря и выстраиваться в боевой порядок. В строю кильватерной колонны под белогвардейскими флагами шли канонерские лодки «Урал», «Салгир», «Гайдамак» и «Джигит». Чуть севернее шли сторожевой катер «Петерель» и тральщик «Дмитрий Герой», а замыкал строй эсминец «Звонкий».

Красные на время отошли, пока флагманский артиллерист не привел артиллерию в порядок. Следуя почти параллельными курсами, обе стороны продолжили бой. Противник все время пытался выполнить охват головы отряда Красного Флота, ведя сосредоточенный огонь по головному «Буденному». В 10 часов 40 минут эсминец «Звонкий» резко повернул вправо, пересек курс отряда и оказался на его правом борту, но он тут же попал под огонь 100-мм орудий трех канонерских лодок и вынужден был отойти.

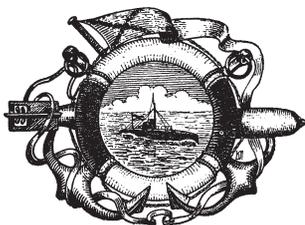
Около 12 часов 4-дюймовый снаряд угодил в левый борт канонерской лодки «Знамя социализма», в результате чего были перебиты питательные трубки котлов, тяжелые ранения получили оба механика. Потеряв ход, канонерская лодка вышла из строя. Под огнем к ней подошла «Красная

Звезда» и взяла на буксир. Со сторожевого корабля «Данай» на поврежденную канонерскую лодку пересадили механика, который устранил повреждения. Тем временем «Красная Звезда» вступила в строй и продолжила бой вместе с идущей на буксире лодкой «Знамя социализма».

В 12 часов 45 минут 130-мм снаряд, выпущенный с «Красной Звезды», попал в корму канонерской лодки противника «Салгир». В угольной яме лодки появилась огромная пробоина, через которую хлынула вода: вскоре затопило машину. К поврежденному «Салгиру» подошел «Урал». Часть команды противник снял, хотя метким огнем с «Буденного» удалось отогнать лодку «Урал». В плен красные захватили старшего штурмана лейтенанта Болеслава Станиславовича Олтаржевского и двух матросов. В 13 часов канонерская лодка «Салгир» затонула. Несколько снарядов с «Буденного» попали в канонерскую лодку «Гайдамак». Имея преимущество в скорости, противник стал отрываться. В 13 часов бой прекратился.

Как выяснилось позже, вызванные белыми на помощь эскадренный миноносец «Беспокойный» и канонерская лодка «Страж» попали на минное поле, а, после того как эсминец подорвался, повернули обратно.

Провал операции «Страна чудес»

Немецкое командование большое значение уделяло арктическим районам. Еще в 1940 году оно спланировало и успешно провело операцию под кодовым наименованием «Зеленый случай». Эта операция проводилась в целях разведки Северного морского пути. 14 августа 1940 года немецкий вспомогательный крейсер «Комет», замаскированный под грузовое судно, вошел в пролив Маточкин Шар. Свое появление в этом районе командир судна обосновал трудностью прорыва в Атлантику. Командир судна капитан 2 ранга Эйссен еще в годы Первой мировой войны на вспомогательном крейсере «Метеор» плавал в этих районах. В июне 1915 года он осуществлял постановки минных заграждений в горле Белого моря. Связанный договором с Германией, И. В. Сталин решил помочь немцам вырваться из ловушки. Он приказал начальнику Главсевморпути И. Д. Папанину включить в план арктических операций немецкое судно и обеспечить его проводку Северным морским путем из Атлантического в Тихий океан. Этот переход для германского штаба имел большое значение.

В связи с предстоящим прибытием с Тихоокеанского флота для усиления Северного флота Экспедиции особого назначения в составе лидера «Баку» и эскадренных миноносцев «Разумный» и «Разъяренный» немецкое командование решило нанести удар по нашим арктическим коммуникациям и портам. В операции, получившей кодовое наименование «Вундерланд» («Страна чудес»), приняли участие «карманный» линкор «Адмирал Шеер» и пять подводных лодок.

16 августа 1942 года «Адмирал Шеер» вышел из Нарвика. Обогнув с севера Новую Землю, рейдер проник в Карское море. На борту крейсера имелся гидросамолет «Арадо», совершивший с 19 по 24 августа 11 разведывательных полетов. 24 августа немецкий гидросамолет был обнаружен нашими полярниками с острова Гейберга, однако донесение не получило должной оценки ни в штабе флота, ни в штабе Беломорской военной флотилии. В этот же день немецкая подводная лодка на подходах к Диксону потопила транспорт «Куйбышев». Судно погибло со всем экипажем.

В ночь на 25 августа во время очередного разведывательного полета немецкий самолет разбился. Для «Адмирала Шеера» это была тяжелая утрата. Днем с рейдера обнаружили советский ледокольный пароход «Александр Сибиряков», который шел на Северную Землю с имуществом для полярников. Фашистский корабль поднял американский флаг и потребовал сообщить ледовую обстановку в проливе Вилькицкого и место конвоя. Но командир «Александра Сибирякова» старший лейтенант А. А. Качарава опознал крейсер и открытым текстом передал радиogramму на Диксон о встрече с немецким рейдером. Неравный бой длился около 20 минут.

После гибели «Александра Сибирякова» «Адмирал Шеер» предпринял попытку пройти в пролив Вилькицкого, где в это время находился следовавший с Дальнего Востока конвой, но из-за тяжелой ледовой обстановки от этого плана немцы отказались и взяли курс к порту Диксон. Однако у Диксона немецкий рейдер был встречен огнем береговой батареи и ледокольного парохода «Дежнев», переклассифицированный в СКР-19.

Об этом бое в вахтенном журнале СКР-19 записано следующее:

«27 августа. Бухта Диксон.

1 час 35 минут. — Из-за мыса бухты Хаймен показался линкор.

1 час 37,5 минуты. — Линкор открыл огонь.

1 час 39 минут. — Открыла огонь береговая батарея. Пароход «Революционер» получил попадание в районе рубки. В бой вступила ютовая группа — батарея № 2.

1 час 41 минута. — Прямое попадание в район третьего и четвертого трюмов. Отмечено попадание береговой батареи по юту линкора, где вспыхнул пожар. Отмечено попадание по линкору в районе фок-мачты.

1 час 45 минут. — Продолжаем вести огонь. Имеются попадания в районе спардека, ботдека и много осколочных по левому борту. Ранены помощник командира и управляющий огнем второй батареи. Выведены из строя дальномер № 2 и пулемет ДШК № 4. Убиты табличный второй батареи Ульянов, наводчик Майсюк и читатель дистанции дальномера № 2 Борисихин. Дали «стоп» телеграфом в машину.

Тяжело ранены командир орудия № 4 Карагаев, командир орудия № 8 Васенин, наводчик орудия № 4 Кацман, установщик прицела пулемета № 6 Волчек, подносчик патронов орудия № 4 Фирсин.

Убиты установщик трубок орудия № 4 Хайрулин, установщик прицела и целика орудия № 6 Суслов.

Ранены наводчик орудия № 6 Деров, наводчик пулемета № 4 Голов, установщик прицела пулемета № 3 Балуков, командир орудия № 5 Жбанов, установщик трубки орудия № 4 Курушин, из состава аварийной партии — Неманов, Гавричев, Чумбаров, Дубков, Марков, подносчик патронов орудия № 8 Пунанцев.

Ставим дымзавесу. Линкор разворачивается на внешнем рейде.

1 час 46 минут. — Прекратили огонь (за время боя с «Дежнева» выпустили тридцать восемь 76-мм и семьдесят 45-мм снарядов. — В. Д.). Корабль закрыт дымзавесой...

1 час 48 минут. — Линкор прекратил обстрел рейда Диксона...

1 час 49 минут. — Отошли в Самолетную бухту. Корабль начал крениться на правый борт (крен 5—7 градусов).

1 час 55 минут. — Пароход «Революционер» снялся с якоря и с горящим мостиком следует в Самолетную бухту.

2 часа 00 минут. — Корабль лег на грунт. Приступили к устранению повреждений.

2 часа 27 минут. — Пароход «Кара» встал у левого борта.

2 часа 35 минут. — «Кара» отошла от борта.

2 часа 45 минут. — На корабль вернулся А. С. Гидулянов. Началась эвакуация раненых в больницу.

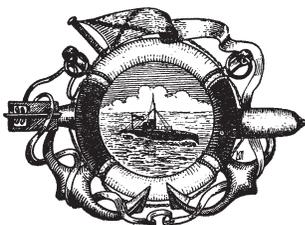
3 часа 00 минут. — Отбой боевой тревоги».

Но, не рискуя продолжать рейдерство в Карском море, 29 августа «Адмирал Шеер» покинул район и 30 августа возвратился в Нарвик.

Германское командование, недовольное результатами рейдерства, отказалось от проведения подобной операции под кодовым наименованием «Двойной удар».

В дальнейшем немецкое командование использовало в Арктике только подводные лодки, которым, однако, не удалось серьезно затруднить судоходство в этом районе. Лишь однажды, в октябре 1943 года, немецкой подводной лодке удалось потопить транспорты «Архангельск» и «Киров».

Кстати, после прорыва «Адмирала Шеера» в Карское море севернее Новой Земли была нарезана позиция для боевого патрулирования подводных лодок. Из-за ее удаленности, сложности гидрометеоусловий, а также малой вероятности встречи с противником подводники ее называли «неблагодарной». Но все же во время очередного похода к северо-востоку от мыса Желания 28 августа 1943 года подводная лодка С-101 под командованием капитан-лейтенанта Е. Н. Трофимова обнаружила, атаковала и потопила возвращавшуюся после минной постановки в устье реки Оби немецкую подводную лодку U-639.

Атака у острова Руонти

После проведения советскими войсками Выборгской наступательной операции (10-20 июня 1944 года) создались благоприятные условия для освобождения от немецко-фашистских войск Финляндии и вывода ее из войны. Для немецкого командования исключительно большую роль играли морские коммуникации, связывающие порты Германии и Финляндии. Не меньшее значение морские коммуникации имели и для советской стороны.

Летом 1944 года для прикрытия Котки от ударов советской авиации немцы направили крейсер противозушной обороны «Ниобе», а для прикрытия своих конвоев в Финский и Выборгский заливы послали подводные лодки. Вскоре, однако, советские морские летчики потопили крейсер, а на маршрутах развертывания немецких подводных лодок и в районах их действия появились советские малые охотники. Один из них потопил подводную лодку U-250. Она была спущена на воду на верфи «Германия» в Киле 11 ноября 1943 года, а в середине декабря вошла в состав германского флота. Подводная лодка имела длину 67,0 и ширину 6,2 метра. Ее надводное водоизмещение равнялось 770 тоннам, надводная скорость — 17, а подводная — 7,5 узлам, глубина погружения 100 метров. Вооружение состояло из четырех носовых и одного кормового торпедных аппаратов, спаренной 37-мм артиллерийской установки и двух спаренных 20-мм зенитных автоматов. На лодке находилось четырнадцать запасных торпед. Кроме обычных, на нее были загружены новые (акустические) торпеды Т-5.

До середины лета 1944 года на ней отрабатывались задачи боевой подготовки в составе 5-й флотилии, базировавшейся в Киле. В конце июня 1944 года U-250 стали готовить к первому боевому походу, а 15 июля под командованием капитан-лейтенанта Вернера Карла Шмидта лодка вышла из Килиа, взяв курс в открытую Балтику. Через пять дней лодка зашла в Военную гавань Таллина, где были пополнены запасы, и через три дня ушла в Хельсинки. Первый боевой поход проходил с 25 по 27 июля.

Во второй (и последний) боевой поход U-250 вышла в 21 час 29 июля 1944 года. На этот раз местом ее боевого патрулирования был пролив Бьерке-Зунд, где ее подждал советский малый охотник МО-105 под командованием старшего лейтенанта Георгия Швалюка. Катер имел полное водоизмещение 56 тонн, длину 26,9, ширину 4,0 и осадку 1,5 метра, скорость — более 20 узлов. Вооружение состояло из двух 45-мм пушек, двух 12,7-мм пулеметов и двух бомбосбрасывателей.

Утром 30 июля МО-105 установил с подводной лодкой гидроакустический контакт и сразу сбросил большую серию глубинных бомб, после чего еще раз обследовал район и, не обнаружив лодку, прекратил поиск. Около полудня катер лег в дрейф, а команда получила разрешение на обед. Тем

временем командир U-250 в перископ установил наблюдение за советским катером, а затем без особого труда торпедировал его. Условия для атаки были идеальными. Катер лежал в дрейфе. Гидроакустическая станция была выключена. Погода была прекрасная: полный штиль, а на безоблачном небе светило летнее солнце.

Вот как рассказал об этом эпизоде сам Шмидт: «До моего нападения на МО-105 меня не засекли, не преследовали. Не было слышно и разрывов глубинных бомб. К тому же командир катера не заслужил такой отрицательной характеристики; я на протяжении долгого времени наблюдал за его маневром через перископ перед тем, как выстрелить. Об обеде и отдыхе команды на палубе, не говоря уже о купающихся, не было и речи. Замечу, что в ожидании высадки противника за линией фронта нам следовало атаковать любую подвернувшуюся цель. Кроме того, морской охотник является целью, для которой одна торпеда — не расточительство. Ведь он сам по себе представляет опасность для подводной лодки».

В 12 часов 42 минуты с дистанции около 600 метров Шмидт выпустил по МО-105 из носового торпедного аппарата торпеду G7e. Она попала прямо в середину катера. От взрыва мгновенно погиб и малый охотник, и почти весь его экипаж; два человека получили ранения, а семерых взрывной волной выбросило за борт.

Гибель малого охотника МО-105 видели как с финского берега, так и с наблюдательного поста на острове Руонти. О потоплении катера немедленно доложили в штаб дивизиона малых охотников в Койвисто и одновременно выслали в этот район катер, который спас оставшихся в живых моряков.

В 13 часов 30 минут по тревоге на поиск вражеской подводной лодки вышел малый охотник МО-103 под командованием гвардии старшего лейтенанта Александра Петровича Коленко. Он решил, что, поскольку немецкая субмарина себя демаскировала, ее командир попытается покинуть Выборгский залив и уйти в море на большие глубины, поэтому начал поиск со стороны моря.

Следуя переменными галсами, с помощью гидроакустики катер прощупывал залив метр за метром, стараясь загнать лодку на мелководье. План Коленко удался: U-250 оказалась в западне. С моря ее ожидал советский катер, а со стороны берега — камни и мелководье. Шмидт подошел поближе к берегу и на глубине чуть более 30 метров положил лодку на грунт. В интересах скрытности на лодке выключили почти все механизмы: в отсеках тускло горели лампы аварийного освещения. Вскоре стало трудно дышать, так как заканчивался запас воздуха. К тому же истек срок очередной зарядки аккумуляторных батарей. Но время работало на Шмидта: чем ближе к вечеру, тем больше шансов на спасение. С наступлением сумерек лодка оторвалась от грунта и на самом малом ходу стала уходить на

северо-запад. Может быть, Шмидту и удалось бы вырваться из Выборгского залива, если бы совершенно случайно лодку не обнаружили с катерного тральщика. В 19 часов, выбрасывая за борт мусор, радист катера старший матрос Николай Бондарь прямо под катером увидел контур субмарины. Он немедленно доложил о подводной лодке командиру катера главному старшине В.Павлову, который сразу же объявил боевую тревогу и выпустил несколько белых ракет в сторону малого охотника.

Позже Николай Бондарь вспоминал: «Когда мы подошли к месту обнаружения, все, кто находился на верхней палубе, увидели на небольшом углублении грязно-серую рубку подводной лодки, а затем и весь ее сигарообразный корпус. Она то ложилась на грунт, то снова шла вперед. Такого мне наблюдать еще не приходилось. Катер в буквальном смысле слова завис над ней».

Бывший командир U-250 об этом эпизоде рассказывал так: «Приближающиеся катерные тральщики я принял за морских охотников. Мне пришлось отказаться от попытки атаки из-за их переменного курса. После потопления МО-105 на самом малом ходу и при осторожном пользовании перископом я вышел на середину фарватера с целью установить возможное передвижение судов в связи с ожидаемым десантом. С этого момента мне стало ясно, что началась погоня. Началась более чем через шесть часов после потопления МО-105».

В 19 часов 2 минуты Коленко увидел выпущенные с тральщика ракеты — условный сигнал об обнаружении подводной лодки. До тральщика было около трех миль. Увеличив ход до максимального, МО-103 устремился в район обнаружения субмарины, а через 7 минут он установил с ней надежный гидроакустический контакт. Прозвучала команда: «Атака подводной лодки глубинными бомбами! Большую серию глубинных бомб приготовить! Глубина взрыва 15 метров!» Катер лег на боевой курс. По команде: «Бомбы товсь! Первая пошла!» за борт полетели глубинные бомбы. В первой серии минеры А.Куприянов и А.Горский сбросили две большие и три малые глубинные бомбы. Мощные взрывы подняли столб воды. Подводная лодка получила повреждения, правда незначительные. Она продолжала уходить тем же курсом, но пузырячатый след, выходящий на поверхность, выдавал ее место нахождения.

МО-103 развернулся и снова вышел в точку сброса бомб. На этот раз за борт сбросили пять больших глубинных бомб. Над морем поднялся столб воды и черного дыма, а на месте взрыва началось бурное выделение воздуха. На поверхность всплыли деревянные предметы, обмундирование. Выливающееся из поврежденных цистерн топливо разлилось огромным масляным пятном. Затем, к большому удивлению катерников, один за другим на поверхность всплыли шесть человек: все были живы.

Много лет спустя Вернер Карл Шмидт оставил такую запись: «...меня точно обнаружили. Я попытался опять вывести подлодку из узкого и мелкого пролива самым малым ходом над грунтом в северном направлении. Вскоре сбросили первые серии глубинных бомб, была повреждена носовая часть подлодки. Правда, поломки смогли быстро устранить. Но, очевидно, стал виден масляный след, так как глубинные бомбы впоследствии имели довольно-таки точные попадания... Удар, уничтоживший лодку, произошел после соприкосновения с грунтом в одном из мелких мест (18 метров) при нашей попытке освободиться задним ходом. Очевидно, я застрял на юго-восточном краю мели, находящейся перед проливом...».

От взрыва большой глубинной бомбы на лодке вышли из строя главные двигатели, погас свет, в отсеки начала поступать вода. В живых остались только шесть человек во главе с командиром лодки Шмидтом. Все они находились в центральном посту.

Командир катера МО-103 Александр Коленко о потоплении подводной лодки U-250 писал: «На поверхности вода сильно бурлила от выходящего из подводной лодки воздуха. Казалось, там продували балластные цистерны и готовились всплыть. У меня артиллерийское вооружение по сравнению с U-250 было более слабым. Но я думал только про то, что или она меня, или я ее уничтожу. Перед глазами стояли ребята с погибшего МО-105.

Для страховки решил сбросить еще одну глубинную бомбу с установкой взрывателя на глубину 15 метров. Сделав две циркуляции вокруг расплывшегося масляного пятна, я дал команду. Бомба пошла вниз. Но, видимо, попав в корпус лодки на небольшой глубине, она соскользнула и взорвалась у борта. Потом я видел эту пробоину в районе дизелей. Они от взрыва были брошены друг на друга. По правому борту также имелась пробоина размером около тридцати квадратных метров».

Бывший трюмный машинист U-250 ефрейтор Рудольф Чарнке рассказывал следующее: «Моим вахтенным постом на U-250 являлся центральный отсек, где я должен был обслуживать дифферентовочное устройство. А именно: в соответствии с данными унтер-офицера машиниста я обеспечивал дифферентовку, прием балласта и продувку цистерн.

В момент сброса глубинных бомб русским сторожевым катером я как раз дежурил в центральном отсеке. Первая серия из пяти глубинных бомб в нашу подлодку не попала, в то время как вторая, опять же состоявшая из пяти бомб, опустилась ближе к корпусу лодки, вызвала сильные сотрясения внутри нее и незначительные повреждения корпуса. Последняя большая глубинная бомба, попавшая прямо в корпус, вывела, очевидно, из строя все машинное отделение и находящиеся там установки. Лодка потеряла плавучесть, свет погас, и произошел сильный прорыв воды. Команда надела спасательные жилеты.

Старшие штурманы Гюнтер Ридель и Германн-Хайнрих Дирк открыли рубочный люк. Переборки с граничащими отсеками были открыты. Вода сильным потоком прорвалась в центральный отсек. Ее становилось все больше. Через несколько секунд вода доставала мне уже до груди. Тогда я залез в рубку, стал за перископ. И стал время от времени проверять рукой, насколько сильна струя льющейся через люк воды, для того чтобы при случае поднырнуть к выходу. Как только давление более или менее выровнялось и уменьшилась сила льющейся в подлодку воды, мне удалось вынырнуть из воздушного пузыря вниз. Вернее, из воздушной подушки, имеющей давление уже приблизительно в три атмосферы. Я выбрался через комингс наверх, то есть с 30-метровой глубины на поверхность воды. Когда я вынырнул, вылившееся масло сразу же залепило глаза и склеило волосы, так что я абсолютно не заметил, как русские моряки выловили меня из воды».

В вахтенном журнале МО-103 появилась запись: «19.40. Потоплена подводная лодка противника. Взят в плен шесть человек экипажа. Широта 60 градусов 27,9 минуты N, долгота 28 градусов 24,9 минуты Ost. Поставлена вежа».

Эта была большая победа советских моряков. Не так много было уничтожено ими германских подводных лодок, а тут еще и взяты в плен шесть человек, но самое важное — на борту потопленной подводной лодки находились секретные торпеды с акустической системой наведения.

Немцы предприняли попытку добить свою подводную лодку, чтобы русские не смогли ее поднять и разгадать секрет акустических торпед. Для этого они выделили отряд катеров под командованием капитана 3 ранга Хольцанфеля. На катера загрузили три мощные мины со специальными взрывателями и около тридцати глубинных бомб. Однако эти попытки были пресечены кораблями Балтийского флота. U-250 подняли и 15 сентября 1944 года поставили в сухой док в Кронштадте.

О захвате торпед Т-5 было сообщено премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю, который обратился к Сталину со следующей просьбой:

*«Личное и строго секретное послание от господина Черчилля
маршалу Сталину:*

1. Адмиралтейство попросило меня обратиться к Вам за помощью по небольшому, но важному делу. Советский Военно-Морской Флот информировал Адмиралтейство о том, что в захваченной в Таллине подводной лодке были обнаружены две германские акустические торпеды Т-5. Это — единственный известный тип торпед, управляемых на основе принципов акустики. Он является весьма эффективным не только против торговых судов, но и против эскортных кораблей. Хотя эта торпеда еще не применяется широко, при помощи ее было потоплено и повреждено 24 британских эскортных

судна. В том числе 5 судов из состава конвоев, направляющихся в Северную Россию.

2. Наши специалисты изобрели особый прибор. Он обеспечивает некоторую защиту от этой торпеды и установлен на британских эсминцах, используемых в настоящее время советским Военно-Морским Флотом. Однако изучение образца торпеды Т-5 было бы крайне ценным для изыскания дополнительных контрмер. Адмирал Арчер просил советские военно-морские власти о том, чтобы одна из двух торпед была немедленно предоставлена для изучения и практического испытания в Соединенном Королевстве. Мне сообщают, что советские военно-морские власти не исключают такой возможности, но что вопрос все еще находится на рассмотрении.

3. Я уверен, что Вы признаете ту большую помощь, которую советский Военно-Морской Флот может оказать Королевскому военно-морскому флоту при немедленной отправке одной торпеды в Соединенное Королевство. Признаете, если я напомню Вам о том, что в течение многих истекших месяцев противник готовился начать большую подводную войну при помощи новых лодок, обладающих огромной скоростью под водой. Это привело бы к увеличению всякого рода трудностей в деле переброски войск Соединенных Штатов и снабжения через океан на оба театра войны. Мы считаем получение одной торпеды Т-5 настолько срочным делом, что были бы готовы направить за торпедой британский самолет в любое удобное для Вас место.

4. Поэтому прошу Вас обратить Ваше внимание на это дело. Оно становится еще более важным ввиду того, что немцы, возможно, передали чертежи торпеды японскому военно-морскому флоту. Адмиралтейство с радостью предоставит советскому Военно-Морскому Флоту все результаты своих исследований и экспериментов с торпедой. А также — любую новую защитную аппаратуру, сконструированную впоследствии.

30 ноября 1944 года».

На это письмо Сталин ответил:

«Получил Ваше послание о немецкой торпедой Т-5. Советскими моряками действительно были захвачены две немецкие акустические торпеды, которые сейчас изучаются нашими специалистами. К сожалению, мы лишены возможности послать в Англию одну из указанных торпед, так как обе имеют повреждения от взрыва. Для изучения и испытания торпеды приходится поврежденные части одной заменять частями другой. В связи с этим возможны два варианта:

либо получаемые по мере изучения чертежи и описания будут немедленно передаваться Британской военной миссии и по окончанию изучения и испытания торпеда будет отдана в распоряжение Британского Адмиралтейства. Либо британским специалистам следует немедленно выехать в Советский Союз и на месте изучить в деталях торпеду, сняв с нее чертежи. Мы готовы предоставить Вам любую из этих возможностей.

14 декабря 1944 года».

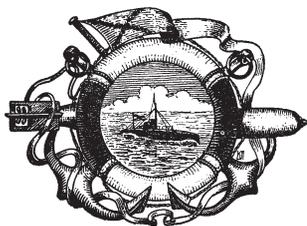
Англичанам не терпелось как можно быстрее заполучить либо торпеду, либо ее чертежи. Черчилль снова направляет послание Сталину:

«Отвечая на Ваше послание о германской торпеде, сообщаю Вам, что я вполне понимаю невозможность немедленно передать одну из этих торпед в Англию. Я предпочитаю второй из двух предложенных Вами вариантов: чтобы британские специалисты выехали в Советский Союз для изучения торпеды на месте. Мне сообщают, что советский Военно-Морской Флот рассчитывает провести испытания в начале января, и Адмиралтейство полагает, что будет весьма удобно, если офицер Адмиралтейства отправится следующим конвоем. Таким образом, он своевременно прибудет к испытаниям. Я очень благодарен за Вашу помощь в этом деле и прошу Адмиралтейство договориться о деталях через Британскую миссию.

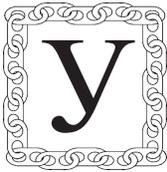
23 декабря 1944 года».

В конце концов англичане получили все сведения о торпеде Т-5. Это оказало существенное влияние на последующий ход битвы за Атлантику.

В год празднования 300-летия Российского флота в Кронштадте установили памятный знак в память о гибели советских и немецких моряков. Надпись сделана на русском и немецком языках: «Примиренные смертью — взывают к миру».

Североморцы громят конвой

тром 17 августа 1944 года разведывательная авиация Северного флота обнаружила сосредоточение вражеских транспортов и кораблей охранения западнее мыса Нордкин. Через несколько часов появился конвой, состоявший из трех крупных транспортов, шедших в охранении двух эсминцев, восьми сторожевиков, тральщика и двенадцати катеров. В воздухе над конвоем постоянно барражировали три «Мессершмитта». Замещавший командующего флотом контр-адмирал Василий Иванович Платонов приказал морским летчикам не терять из виду этот конвой, а катерникам — готовиться к масштабному удару.

Вначале Платонов решил нанести удар по конвою совместными действиями авиации и катеров. Такие удары к тому времени на Северном флоте были отработаны и давали неплохие результаты. Как правило, первыми вступали в бой морские летчики, а затем по их наведению в атаку выходили торпедные катера. Однако небо над Варангер-фиордом покрылось плотными облаками, нижняя кромка которых опускалась до 400 метров. Метеослужба улучшения погоды не предвещала. Ветер зюйд-ост-ост 2—3 балла, волнение до 3 баллов, а облачность до 9 баллов. При такой погоде могли действовать только катера.

Получив боевую задачу, командир бригады торпедных катеров капитан 1 ранга А.В.Кузьмин приказал своему начальнику штаба капитану 2 ранга В.А.Чекурову готовить катера к выходу. Вечером 18 августа от самолета-разведчика получили последнее донесение о конвое, состав которого к этому времени увеличился. Из произведенных расчетов следовало, что при сохранении скорости конвой должен войти в Варангер-фиорд после полуночи 19 августа.

Для удара выделили четырнадцать торпедных катеров, разделенных на разведывательную группу, группу доразведки и группы уничтожения кораблей охранения и транспортов. Разведывательной группой, состоящей из двух катеров, командовал начальник штаба третьего дивизиона капитан-лейтенант А.И.Ефимов. В группу доразведки входило три торпедных катера под командованием командира звена второго дивизиона старшего лейтенанта Б.Т.Павлова. Ударными группами руководил командир второго дивизиона катеров капитан 3 ранга С.Г.Коршунович. Общее управление силами в бою командир бригады оставил за собой, а командный пункт разместил на полуострове Рыбачий. К исходу дня 18 августа в пункте маневренного базирования Земляное сосредоточились все катера.

Предлагался следующий план действий. Первой в море выйдет группа Ефимова. Катерам ТКА-243 и ТКА-238 под командованием старшего лейтенанта А.Ф.Горбачева и лейтенанта И.А.Никитина ставилась задача —

обнаружить конвой, уточнить его состав и время подхода к проливу Буссесунд, навести на него ударные группы Коршуновича. При нанесении удара оба катера будут атаковать противника совместно с ударной группой. Группа Павлова, вышедшая вслед за разведывательной группой, в составе ТКА-218, ТКА-214 и ТКА-203 осуществит постановку маневренной минной банки на выходе из пролива и уточнит сведения о конвое. Командир катера ТКА-218 Павлов, а двух других — старший лейтенант Е.Г.Шкутов и лейтенант А.А.Карташев. После постановки мин и доразведки эта группа тоже примет участие в нанесении удара.

Пять катеров под командованием капитан-лейтенанта И.Я.Решетько с помощью дымовых завес прикроют тактическое развертывание группы катеров атаки транспортов, затем нанесут удар по кораблям охранения. В эту группу вошли катера ТКА-205, ТКА-204, ТКА-242 и ТКА-237, командиры — лейтенант П.П.Диренко и старшие лейтенанты А.И.Киреев, В.И.Быков и В.А.Домысловский. В ударную группу Коршуновича вошли катера ТКА-216, ТКА-219, ТКА-215, ТКА-119 и ТКА-222, командиры — лейтенант И.М.Желваков, капитан-лейтенант В.В.Чернявский, лейтенант В.С.Кузнецов, старшие лейтенанты Ф.З.Родионов и Н.М.Фролов. Этой группе предстояло решить главную задачу — уничтожить транспорты с грузами.

В соответствии с замыслом первой вышла в море разведывательная группа Ефимова, а спустя 5 минут — группа доразведки Павлова, которая на пути противника выставила четыре мины. В первом часу ночи 19 августа Земляное покинула ударная группа, впереди строем ромба шла группа Решетько, а на расстоянии в 15—20 кабельтовых следовала группа Коршуновича.

Едва последние катера покинули Земляное, как поступило радиодонесение об обнаружении конвоя, следовавшего курсом 130 градусов со скоростью 8—10 узлов. Конвой растянулся на пять миль. Видимость в районе была 60—70 кабельтовых. Казалось, что все идет по плану.

В 1 час 20 минут Ефимов сообщил, что конвой остановился в Перс-фиорде. В штабе бригады сочли, что противник не рискнет с ходу форсировать пролив, а будет проводить транспорты по частям. Это принципиально меняло обстановку. Надо было принимать новое решение. Не теряя времени, Кузьмин направил группу Павлова для нанесения совместно с разведывательной группой Ефимова предварительного удара по противнику. Главные силы, подошедшие к западному побережью Варангер-фиорда, получили от Кузьмина новые инструкции. Он приказал Коршуновичу максимальной скоростью следовать к проливу Буссесунд.

Совершенно неожиданно, не доходя до пролива нескольких миль, открылись силуэты неприятельских кораблей и судов. Как оказалось, это был

именно тот конвой, ради которого состоялся выход. Следовательно, удар должен состояться там, где и планировалось — в районе мыса Кибиргнес. Видимо, Ефимов обнаружил другой конвой.

Теперь все катера наводились на конвой, выходящий из пролива Буссесунд. Но при этом, конечно, нарушалась последовательность ударов. Обстановка в районе складывалась именно так, как ранее прогнозировали в штабе. Часть кораблей противника, выйдя из пролива, остановилась, некоторые маневрировали для занятия своих мест в порядке, остальные пока находились в проливе. Видимо, противник надеялся на свои береговые батареи, одна из которых была установлена на острове Варде, а две другие — на мысе Кибиргнес. Своим огнем они полностью перекрывали пролив и подходы к нему как с запада, так и с востока. Но именно в этом месте Кузьмин и планировал нанести удар по конвою. Он знал, насколько трудно ночью организовать совместную стрельбу береговых батарей и кораблей и был уверен в том, что противнику это не удастся: велик риск поразить свои корабли охранения и транспорты.

Как только противник увидел приближение советских катеров, он попытался повернуть обратно, но идущие сзади корабли и суда маневр передовых кораблей не поняли и продолжали следовать прежним курсом. Строй неприятельского конвоя нарушился. Создались самые благоприятные условия для атаки.

В 2 часа 7 минут атака началась. С катера ТКА-237 вначале поставили дымовую завесу. Расстояние до конвоя было в пределах 15 кабельтовых. Когда катера ударной группы прошли дымовую завесу, дистанция до противника оставалась еще значительной, что не обеспечивало надежного поражения. На время атакующие катера оказались под огнем кораблей охранения.

В сложившейся обстановке командир ТКА-242 старший лейтенант В.И.Быков поставил новую дымовую завесу. Более 10 минут его катер лавировал между всплесками от вражеских снарядов. Наперерез ему пошел немецкий тральщик, командир которого, видимо, решил или уничтожить его артиллерией, или таранить. Но катер резко развернулся в сторону тральщика и выпустил по нему две торпеды. Взметнулся столб огня и дыма, через несколько минут тральщик затонул.

Вот как описал этот эпизод в своих мемуарах вице-адмирал А.В.Кузьмин: «Не доходя полторы-две мили до головного корабля конвоя, Быков подал сигнал боцману Стеблеву открыть вентиль баллонов дымапаратуры. Потянув за собой серо-желтую клубящуюся стену дыма, катер понесся навстречу конвою.

Вместе с Быковым в море в этот раз вышел флагманский химик нашей бригады капитан-лейтенант М.Т.Токарев. Михаил Трофимович был, пожалуй,

первым, кто понял замысел командира и распорядился дополнительно поджечь на корме целую батарею дымовых шашек.

Корабли охранения обрушили по «сумасшедшему» дымзавесчику шквальный огонь. Нужны были стальные нервы, чтобы пробивать себе путь в этом переплетении разноцветных трасс, неистовом свисте шрапнели и осколков.

Быков продолжал идти вперед. Он искусно маневрировал, то чуть меняя курс, то вдруг с самого полного хода неожиданно переходил на самый малый, а через несколько секунд снова «врубал» самый полный, вынуждая гитлеровцев снова и снова пристреливаться. Подавать какие-либо команды было некогда, да и кто бы смог услышать их в неистовом грохоте взрывов. Василий Иванович подавал сигналы жестами. Матросы и старшины без слов понимали своего командира.

Прорываясь сквозь ливень пуль и осколков, Быков успел заметить, что часть кораблей конвоя увеличила ход, и вовремя предупредил об этом товарищей. В эфире послышался его голос: «Выходите на цели левее. Левее!..»

Ставя свою знаменитую дымзавесу, катер Быкова шел под яростным обстрелом не минуту и не две, а одиннадцать минут! И, как ни покажется удивительным, но за эти долгие одиннадцать минут никто из экипажа не был ранен, словно и сама смерть отступала перед мужеством храбрецов. Два снаряда все же попали в катер: один пробил навывлет выше ватерлинии корпус, а второй взорвался в матросском кубрике, порезав осколками пробковые матрацы.

Чтобы остановить наш дымзавесчик, командир одного из концевых кораблей охранения конвоя хотел таранить его. Немецкий тральщик на полной скорости устремился к катеру. Он подходил все ближе, ближе... Когда до тральщика оставалось кабельтовых три, Быков изменил курс, увеличивая курсовой угол на вражеский корабль и, потянув на себя рукоятку, замкнул цепь стрельбы. Одна за другой выскользнули из аппаратов торпеды. Спустя несколько секунд на том месте, где только что находился тральщик, взметнулись вверх пенный столб воды и космы черного дыма».

Следовавший сзади ТКА-205 одной торпедой атаковал сторожевой корабль, а другой — транспорт. Обе торпеды попали в цель: сторожевой корабль затонул сразу, а транспорт потерял ход и начал крениться. Затем из дымовой завесы вынырнули ТКА-204 и ТКА-237. Киреев дал залп по транспорту, а Домысловский — по сторожевому кораблю. Израсходовав все торпеды, под прикрытием дымовой завесы катера начали отходить. Очередь была за группой Коршуновича. Первым атаковал противника ТКА-216: двумя торпедами он потопил эсминец. Вслед за ним успешную атаку выполнил ТКА-222, выпустив по одной торпедой по двум кораблям охранения.

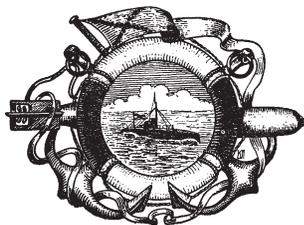
Обе торпеды попали в цели. Следующие атаки кораблей охранения провели катера ТКА-219 и ТКА-215 и потопили два сторожевых корабля. Одновременно с ними ТКА-119 двумя торпедами потопил тральщик и обстрелял сторожевой катер. Выпустив все восемь торпед, эта группа отошла, уступив место подошедшей группе Павлова. В это время район боя заволокло дымом от взрывов и горевших кораблей и судов. Выбирать цели не приходилось: катера атаковали первые попавшиеся на пути корабли и суда. В 2 часа 25 минут двумя торпедами Павлов потопил транспорт, а Шкутов вначале двумя торпедами атаковал тральщик, а затем с помощью артиллерии потопил сторожевой катер. Катер Карташева наткнулся на сторожевик и, не раздумывая, почти в упор выпустил по нему две торпеды. По катеру открыли огонь сразу с нескольких кораблей охранения: стреляли и справа, и слева. Катер отбивался до тех пор, пока не кончился боезапас.

Последней в район подошла группа Ефимова. Несмотря на сильное противодействие противника, катера этой группы атаковали и потопили два корабля охранения, ТКА-243 торпедировал эсминец, а ТКА-238 отправил на дно сторожевик.

В бою, продолжавшемся чуть более получаса, североморцы потопили два транспорта, два эсминца, три тральщика, семь сторожевых кораблей и катеров. При этом потеряли всего один катер ТКА-203, пять катеров получили незначительные повреждения.

В 2 часа 47 минут Кузьмин отдал приказ отходить в базу. Для прикрытия катеров в воздух поднялись истребители.

Из участвовавших в бою у мыса Кибиргнес пять человек стали Героями Советского Союза: В.Н.Алексеев, В.И.Быков, И.М.Желваков, С.Г.Коршунович и Б.Т.Павлов. Бригада торпедных катеров была награждена орденом Красного Знамени и Ушакова 1-й степени, а также получила почетное наименование Печенгской.

Атакует С-13

Война заканчивалась. Советские войска вели наступление по всему фронту, оттесняя к побережью крупные группировки противника. Именно такая обстановка сложилась в начале 1945 года в районах Кенигсберга, реки Вислы и полуострова Хела. Перед подводниками Балтийского флота была поставлена задача — воспрепятствовать эвакуации сил и средств противника. В феврале—марте в связи с массовой эвакуацией гитлеровцев с южной части побережья в районах Данцигской и Померанской бухт действовали советские подводные лодки

Исключительного результата добилась подводная лодка С-13 под командованием капитана 3 ранга Александра Ивановича Маринеско. С 13 января она находилась в южной части Балтийского моря. Около часа ночи 29 января вахтенный офицер капитан-лейтенант Л.П.Еременко наконец-то обнаружил транспорт, шедший с затемненными ходовыми огнями на запад. Представилась реальная возможность потопить транспорт. Однако подводная лодка, оказавшаяся в более светлой части горизонта, тоже была обнаружена противником, направившим для ее уничтожения сторожевые корабли. Пришлось срочно погружаться, а затем и отрываться от преследования.

Вечером 30 января в районе маяка Хела акустик старшина 2 статьи И.М.Шпанцев уловил шумы винтов и сразу же об этом доложил в центральный пост: «Слева 160 градусов — шум винтов крупного судна!» Маринеско сориентировался мгновенно: оценил обстановку и повернул лодку на противника. Надо было определить, в какую сторону движется цель. Вскоре акустик доложил: «Пеленг быстро меняется на нос!» Следовательно, цель уходила на запад, притом быстро — оценил Маринеско. В подводном положении за ней не угнаться, а упускать не хотелось. В центральном посту прозвучала команда командира: «К всплытию!» Маринеско решил атаковать противника из надводного положения и со стороны берега. Прижимаясь к берегу, С-13 легла на тот же курс, что и противник, и пошла вдогонку за лайнером. Кроме командира лодки, на мостик поднялись командир штурманской боевой части капитан-лейтенант Н.Я.Редкобородов и старший краснофлотец А.Я.Виноградов.

В холодную погоду и при непроглядной темноте преследование продолжалось около 2 часов. Были моменты, когда С-13 развивала скорость более 16 узлов. Командир электромеханической боевой части капитан-лейтенант Я.С.Коваленко и его подчиненные в эти моменты выжимали из главного двигателя все, однако дистанция до цели не уменьшалась. Тогда Маринеско вызвал наверх Коваленко и приказал хотя бы на время развить форсированный ход. И только когда скорость составила 19 узлов, дистанция стала сокращаться.

Налетавшие снежные заряды временами скрывали цель. Поравнявшись с нею, С-13 резким поворотом вправо вышла на боевой курс. Вниз последовала команда: «Первый, второй, третий и четвертый торпедные аппараты — товсь!», а в 23 часа 8 минут последовала команда: «Пли!»; до цели было всего 5 кабельтовых. Меньше чем через минуту раздались три мощных взрыва. С мостика видели, как одна торпеда взорвалась в районе фок-мачты, другая — в средней части судна, а третья — под грот-мачтой. Четвертая торпеда не вышла из аппарата. Лайнер водоизмещением более 25 тысяч тонн, с дифферентом на нос и большим креном на левый борт, стал погружаться, а через 3—4 минуты затонул.

Через 30 минут появились четыре немецких сторожевых корабля, миноносец и два тральщика, которые начали спасать пассажиров. Два сторожевика и тральщик начали поиск подводной лодки. Их прожекторы, прощупывая темноту, искали С-13. Вскоре стали рваться глубинные бомбы. Маринеско, вместо того чтобы уйти в море на большие глубины, повернул к берегу и лег на грунт.

Эта атака в корабельных документах отражена так:

Время	Курс, град.	Балтийское море. Вторник 30 января
19.15	—	Ш=55° 13' 3, Д=17° 41' 5. Оторвались от грунта.
19.17	Пер.	Пущены электромоторы. Дали ход 3 узла.
19.29	335	Продута средняя группа ГБ. Отдраен рубочный люк.
19.34		Продут главный балласт. Пущен левый дизель. Ход 9 узлов.
19.41	140	Пущен правый дизель. Ход 12 узлов.
19.45		Начата зарядка аккумуляторных батарей.
20.00		Ветер норд-вест — 5 баллов. Море свежее.
20.12	190	
20.24		Маяк Стиле — 210 град., маяк Розеве — 154 град. Попр. ГК-0 град.
20.50	105	
21.05		Маяк Стиле — 223 5 град., маяк Розеве — 153 град. Попр. ГК-0 град.
21.10		Ш=55° 02' 2, Д=18 °11' 5. Справа 50 град. белый постоянный огонь, слева 30 град. два белых постоянных огня.
21.15		Объявлена боевая тревога. По пеленгу 70 град. обнаружен лайнер с затемненными ходовыми огнями, по пеленгу 65 град. дозорный СКР.
21.20		Остановлен левый дизель. Ход 9 узлов.
21.24	15	
21.25		Дозорный корабль скрылся.
21.27	345	Принят главный балласт в концевые группы.
21.31	353	
21.32	340	
21.35		Пущен левый дизель. Ход 12 узлов.

21.41		Продут главный балласт в концевых группах.
21.44		Дан ход 14 узлов.
21.55	280	При сближении обнаружили, что ПЛ находится на курсовом угле лайнера 120 град. Дан ход оба полным, курсом 280 град. со скоростью 15 узлов.
22.37		Дан ход оба самый полный — 18 узлов.
22.55	300	
23.01		Остановлен правый дизель. Ход 9 узлов.
23.04		Легли на боевой курс. Ход 6 узлов.
23.05	15	Аппараты «Товсь».
23.08		Аппараты «Пли». Произвели торпедный залп из носовых аппаратов 1,3,4. Пеленг на цель 33,5 град., дистанция 4,5 каб.
23.09		Взорвались три торпеды, попавшие в левый борт лайнера. Первая торпеда взорвалась через 37 секунд. Лайнер накренился на левый борт и начал тонуть. Ш=55° 08' 4. Д=17° 41' 5. Остановлен дизель. Пущены электромоторы.
23.10		Левый борт лайнера ушел под воду. По пеленгу 25 град. на горизонте включен прожектор в сторону ПЛ. Циркуляция вправо. Срочное погружение Ш=55° 07' 8, Д=17° 41' 8.
23.12		Погрузился на глубину 20 метров.
23.14	110	
23.20		Удифферентовали ПЛ на глубине 20 метров.
23.26		По пеленгу 240 град. акустик слышит работу УЗПН.
23.30	80	
23.45		По пеленгу 105 град. акустик слышит шум винтов миноносца.
23.49	0	В район потопления лайнера пришли семь кораблей: миноносец, 4 СКР, 2ТЩ. Два СКР и один ТЩ начали преследование ПЛ. Ш=55° 08' 7, Д=17° 45' 0. Начали маневрирование от преследования.
00.00	Пер.	Ш=55° 08' 0, Д=17° 44' 8.
4.00	0	Ш=55° 16' 5, Д=17° 53' 6. Оторвались от преследования двух СКР, одного ТЩ. Во время преследования было сброшено 12 глубинных бомб. ПЛ повреждений не имеет.

Но это был не последний успех Маринеско. 10 февраля в 45 милях к северу от маяка Ярославец он обнаружил крупный транспорт «Генерал Штойбен», следовавший в охранении миноносца и катера-торпедолова. Маринеско мастерски атаковал противника двумя торпедами и снова беспрепятственно ушел от преследования. Ход этой атаки в документах отражен так:

Время	Курс, град.	Балтийское море. Пятница 9 февраля
20.05	180	Ш=55° 26' 0, Д=18° 02' 0. Всплыли в надводное положение. Ветер зюйд-ост 2 балла, море — 1 балл, видимость 10—15 кабельтовых.
20.08		Остановлены электромоторы. Пущен левый дизель, ход 9 узлов.

20.15		Пущен правый дизель. Ход 12 узлов.
20.17		Начали зарядку аккумуляторных батарей.
21.00		Начали выполнять противолодочный зигзаг №11. Генеральный курс 180 град.
22.02	0	Легли на генеральный курс 0 град.
22.15		Ш=55° 07' 7, Д=18° 03' 5. Справа 10 град. обнаружен шум винтов двухвинтового большого корабля.
22.24		Прекратили выполнять зигзаг.
22.27		Остановлены дизеля для определения стороны движения корабля.
22.29		Акустик слышит слева 15 град. шум винтов двухвинтового большого корабля. Пущены дизеля. Циркуляция влево.
22.31	285	Объявлена боевая тревога. Шум винтов справа 20 град.
22.34		Остановлены дизеля, дан ход электромоторами для улучшения прослушивания шума. Циркуляция вправо.
22.37	0	
22.43	90	
22.52	0	
22.58	270	
23.05	280	По пеленгу 305 град. шум винтов стал удаляться.
23.09		Остановлены электромоторы, пущены дизеля, дан ход 12 узлов.
23.14	305	
23.15		Увеличили скорость до 14 узлов.
23.19		Остановлены дизеля. Шум винтов по пеленгу 305 град.
23.20		Пущены дизеля. Дан ход 12 узлов.
23.25		Пошел дождь.
23.31		Увеличили ход до 14 узлов.
23.37		Уменьшили ход до 12 узлов. Шум винтов по пеленгу 305 град.
23.39		Увеличили ход до 14 узлов.
23.44		Увеличили ход до 17 узлов.
23.53		Увеличили ход до 18 узлов.
00.00		Ш=55° 17' 0, Д=17° 49' 5. Ветер зюйд-ост 3 балла. Видимость до 5 кабельтовых.
00.19		Уменьшили ход до 12 узлов для прослушивания горизонта. Шум винтов по пеленгу 280 градусов.
00.21	280	Увеличили ход до 18 узлов.
00.27		Слышен запах угольного дыма. Уменьшили ход до 12 узлов.
00.30		По пеленгу 280 град. обнаружили два постоянных белых огня (гакобортных). Увеличили ход до 18 узлов.
00.56		Уменьшили ход до 12 узлов.
1.03	230	Легли на курс 230 град. для выхода к кораблю со стороны берега. Перестал идти дождь.
1.11	240	
1.13		Увеличили ход до 18 узлов.
1.22	250	

1.27	270	
1.33	290	Со стороны берега небо очистилось от облаков. Видимость 15 каб. Легли на курс 290 град. для выхода мористее в темную часть горизонта.
1.45	300	
2.05	270	
2.10	250	Носовые аппараты «Товсь». Виден неясный силуэт большого корабля и трех меньших силуэтов.
2.20	240	
2.32	222	Определен состав каравана. Легкий крейсер, предположительно «Эмден», в охранении 3 миноносцев. Один миноносец впереди с гакобортными огнями. В кильватере лежит крейсер с затемненными ходовыми огнями и два миноносца по корме крейсера уступом вправо и влево без огней.
2.38	250	Легли на параллельный курс 250 град., определили скорость движения крейсера — 16 узлов.
2.43	270	
2.47	340	
2.49	0	Миноносец, идущий по корме крейсера уступом вправо, не дал возможности выйти в атаку носовыми ТА. Легли на курс 0 град. для атаки кормовыми ТА на отходе. Уменьшили ход до 12 узлов.
2.50		Произведен двухторпедный кормовой залп по крейсеру. Пеленг 158,5 град., дистанция 12 каб., интервал 14 секунд. Увеличили ход до 18 узлов.
2.52		Взорвались две торпеды, попавшие в крейсер. Взрыв первой очень сильный и сопровождался огнем. Ш=55° 18' 0, Д=16° 38' 5.
2.53	40	
3.02	0	Последовало три сильных взрыва на крейсере, после которых появилось зарево огня, которое спустя полминуты быстро скрылось. В районе потопления наблюдалось скопление дозорных кораблей, которые освещали горизонт прожекторами и осветительными ракетами.

В результате удачного проведения двух атак Маринеско стали считать одним из самых результативных подводников Великой Отечественной войны. За один боевой поход С-13 уничтожила более 10 тысяч немецких военнослужащих. В заключении, составленном по этому боевому походу, командир дивизиона капитан 1 ранга А.Е.Орел написал:

«1. На позиции действовал смело, спокойно и решительно, противника искал активно и грамотно.

2. В 21.10. 30 января обнаружил лайнер водоизмещением, считал 18—20 тысяч тонн, атаковал в 23.08 и утопил трехторпедным залпом.

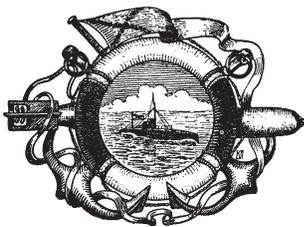

3. 9 февраля в 22.15 ШП обнаружил шум большого двухвинтового корабля. Умело используя акустику, определил сторону движения противника и на большом ходу сблизился с ним. Сблизившись, визуально четко установил, что идет легкий крейсер типа «Эмден» в охране-нии трех миноносцев в ночном порядке. В 2.50 10 февраля атаковал кормовыми, стрелял интервально двумя торпедами, попадания торпед наблюдал...».

В выводах относительно результатов этого похода комдив отметил следующее: «Командир ПЛ капитан 3 ранга Маринеско за потопление лайнера «Вильгельм Густлов» с большим количеством немецких подводников и потопление легкого крейсера типа «Эмден» заслуживает высшей правительственной награды — звания Героя Советского Союза».

В середине февраля лодка С-13 возвратилась в Турку. Встреча была торжественной. Капитан 3 ранга А.И.Маринеско, капитан-лейтенанты Л.П.Ефременков, Н.Я.Редкобородов, К.Е.Василенко, инженер-лейтенант Я.С.Коваленко, мичманы П.Н.Наболов и Н.С.Торопов были награждены орденом Красного Знамени. Ордена Отечественной войны 1-й степени удостоились инженер-лейтенант П.А.Кравцов, мичман В.И.Поспелов, старшины 2-й статьи А.Н.Волков, В.А.Курочкин, А.Г.Пихур, ордена Отечественной войны 2-й степени — старшие краснофлотцы И.М.Антипов, А.Я.Виноградов. В канун 50-летия победы в Великой Отечественной войне А.И.Маринеско посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Орденом Красного Знамени была награждена и подводная лодка С-13. Ее экипажу и героическому командиру в Кронштадте установлен памятник.

Атаки у берегов Норвегии

На протяжении всей войны перед Северным флотом ставилась задача нарушения морских коммуникаций противника, которые проходили вдоль побережья Норвегии. Транспорты шли как с воинскими, так и с экономическими грузами. Из Германии для армии «Норвегия» везли боеприпасы, топливо, продовольствие, медикаменты, а также пополнение в личном составе. Заметим, что из-за отсутствия в северной части Норвегии развитых дорожных магистралей морские пути были единственным связующим звеном фронта с тылом. В обратном направлении суда следовали со стратегическим сырьем. В Германию вывозили главным образом никелевую и железную руду. Средний грузооборот на этой коммуникации доходил до 6 млн тонн в год.

Планируя действия на морских коммуникациях, вице-адмирал А. Г. Голловко старался привлечь разнородные силы, но все же главная тяжесть борьбы легла на подводные лодки, которые действовали у берегов Норвегии с первого до последнего дня войны.

К началу войны в составе Северного флота была бригада подводных лодок, которой командовал контр-адмирал Н. И. Виноградов, а затем в марте 1943 года его сменил контр-адмирал И. А. Кольшкн. В бригаду входило девять больших и средних лодок и шесть малых — типа «Малютка». Базировались они на Полярный. На боевое применение подводных сил оказывали влияние несколько факторов: уровень предвоенной боевой подготовки, техническое состояние подводных лодок, характер противодействия противника и т. д.

Если говорить об уровне боевой подготовки, то она была не на высоте. Сказывалась гибель в мирное время подводных лодок Щ-424 (20 октября 1939 года) и Д-1 (13 ноября 1940 года). После этого командирам было запрещено погружаться в районах, где глубины превышали рабочую глубину подводных лодок. А поскольку в Баренцевом море полигонов с такими глубинами просто не существовало, приходилось в летние месяцы для отработки задач боевой подготовки всей бригаде уходить в мелководное Белое море. Учебные торпедные атаки допускалось упрощать: выполнять в светлое время, стрелять одиночными торпедами по неподвижной цели, часто имитируя выпуск торпеды воздушным пузырем.

Крупным недостатком наших подводных лодок было то, что они не имели гидроакустических и радиолокационных станций, а перископные антенны появились на семи подводных лодках только в середине 1944 года. Все это ограничивало деятельность лодок в темное время суток, полностью исключало выход в бесперископные атаки, а для осуществления приема-передачи радиодонесения надо было всплывать в надводное положение.

За время войны противодействие противника все более нарастало. Если в начале войны участвовали только ограниченные силы бывшего норвежского флота и малочисленный финский отряд катеров, то уже 11 июля 1941 года на Север прибыла 6-я немецкая флотилия эскадренных миноносцев в составе пяти единиц, затем две подводные лодки и минный заградитель. В дальнейшем, особенно после того как были сорваны планы наступления немецких войск на Мурманск, в базы Северной Норвегии были перебазированы не только флотилии тральщиков, сторожевых кораблей, охотников за подводными лодками и эскадренных миноносцев, но и линейные корабли «Тирпиц» и «Шарнхорст».

В первые месяцы войны советские подводные лодки действовали позиционным методом. Для них вдоль побережья Норвегии было нарезано восемь позиций. Этот метод применяли, во-первых, из-за недостаточной подготовленности командиров подводных лодок, во-вторых, по причине отсутствия опыта в управлении развернутой в море группировкой подводных лодок у штаба флота, и, в-третьих, вследствие сложной обстановки на сухопутном фронте. Позиционный метод обрекал подводные лодки на пассивное ожидание целей в пределах обширных позиций.

В первые месяцы войны командиры подводных лодок при выходе в атаку выпускали по одной торпедой. Сказывалось влияние предвоенной боевой подготовки и требования руководящих документов. Успешность таких атак была низкой. Выполнив до конца сентября 1941 года 22 торпедные атаки, потопили всего четыре транспорта. Так, 27 июня подводная лодка Щ-401 под командованием старшего лейтенанта А. Е. Моисеева на рейде порта Варде одной торпедой атаковала стоявший на якоре транспорт. Но из-за большой дистанции (18 каб.) и допущенной ошибки в занятии огневой позиции торпеда в цель не попала. Кстати, это была первая атака советской подводной лодки в Великой Отечественной войне.

Низкая эффективность подводных лодок привела к тому, что в августе 1941 года нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в специальной директиве потребовал от подводников большей активности. Некоторые командиры подводных лодок, невзирая на разграничительную линию, проходившую вдоль берега, стали проникать на внутренние рейды и даже в порты противника. Первым это сделал командир подводной лодки М-172 капитан-лейтенант И. И. Фисанович. 21 августа он прорвался в порт Лиинахамари и атаковал разгружавшийся транспорт. Штаб флота только в октябре 1941 года упразднил разграничительную линию, ограничивавшую деятельность подводников вблизи берега.

С конца сентября 1941 года подводники перешли к стрельбе так называемым «английским способом», то есть залпом с временным интервалом, выпуская от двух до четырех торпед. Это не только повысило эффективность,

но и дало возможность увеличить дистанцию стрельбы до 8 кабельтовых. 26 сентября командир подводной лодки Д-3 капитан-лейтенант Ф. В. Константинов первым выполнил двухторпедный залп, а затем 30 сентября и 11 октября он выполнил две атаки, выпустив одновременно по три торпеды в залпе.

2 октября 1941 года подводная лодка М-171 под командованием старшего лейтенанта В. Г. Старикова проникла в порт Лиинахамари, где атаковала торпедами два транспорта. При отходе подводная лодка попала в противолодочные сети и в течение двух часов, подвергаясь атакам глубинными бомбами, безуспешно пыталась их преодолеть. В отсеках не хватало кислорода, аккумуляторные батареи быстро разряжались. Командир принял смелое решение прорываться в надводном положении. Во избежание захвата подводной лодки противником было даже предусмотрено взорвать ее. Но в ходе начавшегося прилива на перископной глубине подводной лодке в конце концов удалось вырваться из сетей. За этот дерзкий подвиг и смелость командира наградили орденом Ленина, а остальных членов экипажа — орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

С 1942 года на Северном флоте перешли к методу крейсерства подводных лодок в назначенном районе. Но новый метод мало чем отличался от предыдущего. Как и прежде, подводные лодки действовали одиночно, без взаимодействия и без сил обеспечения. Правда, районы их действия стали значительно большими. Чтобы облегчить поиск противника, подводным лодкам стали чаще сообщать данные разведки. Но пользы от них было мало, поскольку информация передавалась в темное время, когда лодка находилась либо на сеансе связи, либо на зарядке аккумуляторных батарей. Обнаруженные днем конвои уходили в другие районы и не всегда подводная лодка успевала выйти на их перехват.

В феврале 1943 года была предпринята попытка использовать подводные лодки в тактической группе. Две подводные лодки К-3 и К-22, вооруженные гидроакустическими приборами «Дракон» с каналом звукоподводной связи, вышли на совместный поиск конвоев в район между Варде и мысом Нордкин. Но при атаке конвоя, из-за ненадежности звукоподводной связи, лодки потеряли контакт друг с другом и больше его не восстанавливали. После этого К-3 возвратилась в базу, а К-22 из боевого похода не вернулась. Предполагают, что она подорвалась на mine.

С приближением полярного дня подводным лодкам после 10-12-часового боевого патрулирования в районах приходилось уходить на 30-40 миль от берега для зарядки аккумуляторных батарей. При этом большую часть пути подводные лодки преодолевали в подводном положении, расходуя запасы электроэнергии. В этих условиях в один район разворачивались две-три подводные лодки, одна из которых находилась непосредственно в районе коммуникаций противника, другая заряжала аккумуляторные батареи,

а третья находилась на маршруте перехода из района зарядки батареи к берегу. Смену лодок осуществляли по специальному графику. Если в 1941—1942 годах подводными лодками управлял штаб флота, то с начала 1943 года эта функция перешла к командованию бригадой.

Возросшее противодействие противолодочных сил противника привело к снижению эффективности подводных лодок и их большим потерям. Подводной лодке, во-первых, приходилось основную часть времени боевого патрулирования осуществлять поиск неприятельских судов и конвоев в зоне активной деятельности противолодочных сил противника, а, во-вторых, уходя в районы зарядки аккумуляторных батарей и возвращаясь обратно, форсировать минные заграждения противника. Причем за один боевой поход каждая подводная лодка форсировала минные заграждения по несколько раз, что, естественно, повышало вероятность подрыва. В феврале из боевого похода не вернулась К-22, в апреле — К-3, а в мае — М-122. Затем погибли М-106 и Щ-422. Особенно тяжелыми были последние три месяца 1943 года. Четвертая часть всех лодок, выходявших в море, не вернулась в Полярный. Наступил кризис. Требовались кардинальные меры по выходу из сложившегося положения. И они были найдены.

Был разработан так называемый метод «нависающей завесы», предполагавший развертывать подводные лодки в районы, находившиеся вне активной деятельности противолодочных сил противника и за пределами минных заграждений. В этих районах, которые как бы нависали над коммуникациями противника, подводные лодки находились на перископной глубине, что обеспечивало их скрытность, и ожидали информацию о движении судов и конвоев от сил и средств разведки. Но такой способ стал возможным благодаря установке на подводных лодках перископных антенн ВАН-ПЗ. Они позволяли принимать информацию не только с берегового командного пункта, но и непосредственно от самолета-разведчика. Сокращение времени прохождения информации позволяло выйти на перехват конвоя. Причем по одному и тому же конвою удар наносили несколько подводных лодок, каждая в своей зоне. Получалось как бы групповое их применение. Теперь подводным лодкам не так часто приходилось форсировать минное заграждение. Первая завеса подводных лодок действовала с 16 января по 5 февраля 1944 года. Всего же для действий этим методом до окончания войны подводные лодки развертывались восемь раз. В каждой завесе было по четыре-пять подводных лодок.

За годы войны подводные лодки Северного флота совершили около 400 боевых походов, выполнив 260 торпедных атак, из которых 94 одиночными торпедами, а остальные залповые. При этом было выпущено 674 торпеды. Из-за отсутствия радиолокации только 45 атак было выполнено в темное время. В результате были потоплены 22 крупных транспорта, 7 дрейфтерботов

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронологический перечень войн, сражений, операций, боев и экспедиций Российского флота 1696—1945 гг.

Второй Азовский поход 1696 г.

20 мая 1696 г. — бой казачьих лодок с турецкой эскадрой.

18 июля 1696 г. — взятие крепости Азов.

Северная война 1700—1721 гг.

25 июня 1701 г. — бой в устье Северной Двины.

31 мая 1702 г. — бой на Чудском озере.

15 июня 1702 г. — бой на Ладожском озере.

10 июля 1702 г. — взятие 12-пушечной шведской яхты «Виват».

27 августа 1702 г. — разгром шведской флотилии на Ладожском озере.

11 октября 1702 г. — взятие Нотебурга (Орешка), переименованного Петром I в Шлиссельбург.

1 мая 1703 г. — взятие крепости Ниеншанц (Канцы).

7 мая 1703 г. — бой в устье Невы, взятие галиота «Гедан» и шнявы «Астрильд».

5 июня 1705 г. — отражение шведского десанта от Котлина.

6-7 июня 1705 г. — нападение шведской эскадры на Кроншлот и Котлин.

14 июля 1705 г. — отражение шведского десанта от Котлина.

12 октября 1706 г. — бой в Выборгском заливе.

27 июня 1709 г. — Полтавская победа.

16 мая 1710 г. — взятие Выборга.

15 июля 1713 г. — взятие Гельсингфорса.

27 июля 1714 г. — Гангутское сражение.

24 мая 1719 г. — бой у острова Эзель.

27 июля 1720 г. — Гренгамское сражение.

Прутский поход 1711 г.

Персидский поход 1722—1723 гг.

23 августа 1722 г. — взятие Дербента

26 июля 1723 г. — взятие Баку.

Действия русского флота под Данцигом 1734 г.

13 июня 1734 г. — взятие крепости Вексельмюнде.

Война с Турцией 1735—1739 гг.

19 июня 1736 г. — взятие Азова.

29 июня 1737 г. — бой у Федотовой косы.

2 июля 1737 г. — взятие Очакова.

30 июля 1737 г. — бой у Федотовой косы.

3 октября 1737 г. — отражение турецкой армии и флота от Очакова.

Война со Швецией 1741—1743 гг.

24 октября 1742 г. — взятие 24-пушечного фрегата «Ульриксдаль».

20 мая 1743 г. — бой у острова Корпострем.

Семилетняя война 1756—1762 гг.

22 августа 1761 г. — высадка десанта в районе Кольберга под командованием капитана 1 ранга Г.А. Спиридова.

6 декабря 1761 г. — взятие Кольберга.

Война с Турцией 1768—1774 гг.

10 апреля 1770 г. — взятие крепости Наварин.

17 мая 1770 г. — бой у Наполи-ди-Романья.

24 июня 1770 г. — Хиосское сражение.

26 июня 1770 г. — Чесменское сражение.

24 октября 1772 г. — взятие крепости Чесма.

28 октября 1772 г. — Патрасское сражение.

23 июня 1773 г. — сражение у Балаклавы.

29 сентября 1773 г. — взятие крепости Бейрут.

Война с Турцией 1787—1791 гг.

21 августа 1787 г. — бой у Кинбургской косы.

26 мая 1788 г. — подвиг командира дубель-шлюпки №2 капитана 2 ранга Ос-тен-Сакена.

7,18 июня и 1 июля 1788 г. сражения под Очаковом.

3 июля 1788 г. — бой у острова Фидониси.

6 декабря 1788 г. — взятие Очакова.

14 сентября 1789 г. — взятие крепости Гаджибей.

8 июля 1790 г. — сражение в Керченском проливе.

28 августа 1790 г. — сражение у Тендровской косы.

6 ноября 1790 г. — бой у крепости Тульча.

11 декабря 1790 г. — взятие Измаила.

31 июля 1791 г. — сражение у мыса Калиакрия.

Война со Швецией 1788—1790 гг.

6 июля 1788 г. — Гогландское сражение.

29 апреля 1789 г. — взятие 12-пушечного шведского тендера «Снапоп».

21 мая 1789 г. — взятие 44-пушечного шведского фрегата «Венус».

15 июля 1789 г. — Эландское сражение.

13 августа 1789 г. — первое Роченсальмское сражение.

2 мая 1790 г. — Ревельское сражение.

4 мая 1790 г. — Фридрихсгамское сражение.

23 мая 1790 г. — первое Красногорское сражение.

24 мая 1790 г. — второе Красногорское сражение.

21 июня 1790 г. — сражение в Биорке-зунде.

22 июня 1790 г. — Выборгское сражение.

28 июня 1790 г. — второе Роченсальмское сражение.

Война с Францией 1792—1797 гг.

9 августа—9 сентября 1795 г. — блокада Голландского побережья.

Война с Францией 1798—1800 гг.

3 ноября 1798 г. — взятие острова и крепости Св. Мавры.

20 февраля 1799 г. — взятие крепости Корфу.

Война с Францией 1804—1807 гг.

17 декабря 1806 г. — бой 16-пушечного бригаа «Александр» у острова Браццо.

Война с Турцией 1806-1812 гг.

10 марта 1807 г. — взятие крепости Тенедос.

29 апреля 1807 г. — взятие крепости Анапа.

10 мая 1807 г. — Дарданелльское сражение.

19 июня 1807 г. — Афонское сражение.

Война с Персией 1803—1813 гг.

1 января 1813 г. — взятие крепости Ленкорань.

Война с Англией 1807—1812 гг.

Война со Швецией 1808—1809 гг.

9 июля 1808 г. — сражение у острова Комито.

20 июля 1808 г. — сражение у Рилакс-фиорда.

7 августа 1808 г. — бой у Юнгферзунда.

18 августа 1808 г. — сражение у острова Судсало.

23 июня 1809 г. — бой 36-пушечного фрегата «Богоявление» с двумя шведскими фрегатами в Вазасском проливе.

Отечественная война 1812 г.

Война с Францией 1813—1814 гг.

Война с Персией 1826—1828 гг.

Наваринская кампания 1827 г.

8 октября 1827 г. — Наваринское сражение.

Война с Турцией 1828—1829 гг.

12 июня 1828 г. — взятие крепости Анапа.

29 сентября 1828 г. — взятие крепости Варна.

14 мая 1829 г. — подвиг 18-пушечного бригаа «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А.И.Казарского.

Действия Черноморского флота у Кавказского побережья 1830—1853 гг.

Участие русского флота в гражданской войне в Греции 1831—1832 гг.

Экспедиция Черноморского флота в Босфор 1833 г.

Экспедиция Балтийского флота в датские воды 1848—1850 гг.

Крымская война 1853—1856 гг.

5 ноября 1853 г. — бой пароходофрегата «Владимир» с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри».

18 ноября 1853 г. — Синопское сражение.

6—7 июля 1854 г. — бомбардировка Соловецкого монастыря.

24 августа 1854 г. — Петропавловский бой.

13 сентября 1854 г. — 27 августа 1855 г. — оборона Севастополя.

5 октября 1854 г. — первая бомбардировка Севастополя.

28 марта — 6 апреля 1855 г. — вторая бомбардировка Севастополя.

25—30 мая 1855 г. — третья бомбардировка Севастополя.

5—6 июня 1855 г. — четвертая бомбардировка Севастополя.

28—29 июля 1855 г. — бомбардировка крепости Свеаборг.

5—8 августа 1855 г. — пятая бомбардировка Севастополя.

24—27 августа 1855 г. — шестая бомбардировка Севастополя.

Экспедиция русского флота к берегам Северной Америки 18 июля 1863 г. — 20 июля 1864 г.

Война с Турцией 1877—1878 гг.

14 мая 1877 г. — уничтожение турецкого монитора «Сейфи».

11 июля 1877 г. — бой парохода «Веста» под командованием капитан-лейтенанта Н.М.Баранова с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд».

12 августа 1877 г. — атака турецкого броненосца «Ассари-Шевкет» на Сухумском рейде.

16 декабря 1877 г. — атака турецкого броненосца «Махмудие» на Батумском рейде.

14 января 1877 г. — уничтожение турецкого военного парохода «Интибах».

Участие флота в Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг.

Участие русского флота в боксерском восстании в Китае 1900 г.

3—4 июня 1900 г. — осада крепости Таку.

Война с Японией 1904—1905 гг.

27 января 1904 г. — нападение японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре.

27 января — 20 декабря 1904 г. — оборона Порт-Артура.

27 января 1904 г. — бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» на рейде Чемульпо.

26 февраля 1904 г. — бой эскадренного миноносца «Стерегущий» с четырьмя японскими миноносцами.

2 мая 1904 г. — гибель японских броненосцев «Хацусэ» и «Ясима» на минах, поставленных русским заградителем «Амур».

28 июля 1904 г. — бой в Желтом море.

1 августа 1904 г. — бой Владивостокского отряда крейсеров в Корейском проливе.

14—15 мая 1905 г. — Цусимское сражение.

Первая мировая война 1914—1917 гг.

16 (29) октября 1914 г. — обстрел германо-турецкими кораблями Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска.

5 (18) ноября 1914 г. — бой у мыса Сарыч.

13 (26) декабря 1914 г. — подрыв германского крейсера «Гебен» на русском минном заграждении.

19 июня (2 июля) 1915 г. — бой у острова Готланд.

5 (18) июля 1915 г. — подрыв германского крейсера «Бреслау» на русском минном заграждении.

23—27 января (5—9 февраля) 1916 г. — бомбардировка порта Зунгулдак русскими гидросамолетами с авиатранспортов «Александр I» и «Николай I».

23 января (5 февраля) — 5 (18) апреля 1916 г. — участие Черноморского флота в Трапезундской операции.

29 октября (11 ноября) 1916 г. — гибель семи германских эскадренных миноносцев на русских минных заграждениях.

29 сентября (12 октября) — 7 (20) октября 1917 г. — оборона Моонзундских островов.

1 (14) октября 1917 г. — бой на Кассарском плесе.

4 (17) октября 1917 г. — бой у Куйваста.

Ледовый поход кораблей Балтийского флота 19 февраля—29 мая 1918 г.

Гражданская война 1918—1920 гг.

18 июня 1918 г. — затопление кораблей Черноморского флота в Новороссийской бухте.

11 августа 1918 г. — бой кораблей Северо-Двинской флотилии в устье реки Вага.

28 ноября 1918 г. — высадка десанта в районе Нарвы.

5 мая 1919 г. — захват эскадренным миноносцем «Карл Либкнехт» Астрахань-Каспийской флотилии белогвардейского парохода «Лейла».

18 мая 1919 г. — бой эскадренного миноносца «Гавриил» с четырьмя английскими эскадренными миноносцами в Копорском заливе.

24 мая 1919 г. — бой у Елабуги кораблей Волжской флотилии с белогвардейской флотилией.

31 мая 1919 г. — бой в Копорском заливе эсминца «Азард» и линкора «Петропавловск» с английскими эскадренными миноносцами.

4 июня 1919 г. — потопление в Копорском заливе эсминцами «Азард» и «Гавриил» английской подводной лодки L-55.

27 июня 1919 г. — Видлицкая десантная операция.

18 августа 1919 г. — отражение нападения английских торпедных катеров и авиации на Кронштадт.

31 августа 1919 г. — потопление подводной лодкой «Пантера» английского эскадренного миноносца «Виттория» у острова Сескар.

2 октября 1919 г. — бой кораблей Днепровской флотилии у села Печки.

17—18 мая 1920 г. — Энзелийская десантная операция.

2 июня 1920 г. — прорыв кораблей Северного отряда Днепровской флотилии у города Лоева.

15 сентября 1920 г. — бой у Обиточной косы.

Война с Финляндией 30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

22—27 июня 1941 г. — оборона военно-морской базы Лиепая.

25—26 июня 1941 г. — набег кораблей Черноморского флота на военно-морскую базу Констанца.

26 июня — 2 декабря 1941 г. — оборона военно-морской базы Ханко.

13 июля 1941 г. — бой сторожевого корабля «Пассат».

5 августа — 16 октября 1941 г. — оборона военно-морской базы Одесса.

5—28 августа 1941 г. — оборона военно-морской базы Таллин.

8 августа 1941 г. — первый налет авиации Балтийского флота на Берлин.

10 августа 1941 г. — бой сторожевого корабля «Туман» под командованием капитан-лейтенанта Л.А.Шестакова с тремя немецкими эсминцами.

28—30 августа 1941 г. — прорыв кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт.

7 сентября — 22 октября 1941 г. — оборона Моонзундских островов.

8 сентября 1941 г. — 27 января 1944 г. — участие Балтийского флота в обороне Ленинграда.

18 сентября 1941 г. — подрыв и гибель финского броненосца береговой обороны «Ильмаринен» на минном заграждении, поставленном кораблями Балтийского флота.

22 сентября 1941 г. — высадка морского десанта у села Григорьевка под Одессой.

3—8 октября 1941 г. — высадка десанта в районе Новый Петергоф—Стрельна.

30 октября 1941 г. — 4 июля 1942 г. — оборона военно-морской базы Севастополь.

25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г. — Керченско-Феодосийская десантная операция.

28 апреля 1942 г. — высадка морского десанта в Мотовском заливе.

25 августа 1942 г. — бой ледокольного парохода «Сибиряков» с немецким «карманным» линкором «Адмирал Шеер».

27 августа 1942 г. — отражение нападения немецкого «карманного» линкора «Адмирал Шеер» на порт Диксон.

22 октября 1942 г. — разгром немецко-финского десанта у острова Сухо.

4 февраля 1943 г. — высадка морского десанта в районе Южная Озерейка — Станичка.

28 августа 1943 г. — потопление немецкой подводной лодки U-639 у мыса Желания.

9—16 сентября 1943 г. — Новороссийская десантная операция.

1 ноября — 11 декабря 1943 г. — Керченско-Эльтигенская десантная операция.

16 января — 5 февраля 1944 г. — операция Северного флота на морских коммуникациях противника.

20 февраля — 6 марта 1944 г. — операция Северного флота на морских коммуникациях противника.

26 марта 1944 г. — высадка десанта в порт Николаев.

8 апреля — 12 мая 1944 г. — операция Черноморского флота на морских коммуникациях противника.

10—30 апреля 1944 г. — операция Северного флота на морских коммуникациях противника.

22—27 июня 1944 г. — Тулоксинская десантная операция Ладужской военной флотилии.

16 июля 1944 г. — потопление авиацией Балтийского флота крейсера противоздушной обороны «Ниобе».

30 июля 1944 г. — потопление малым охотником МО-103 под командованием старшего лейтенанта А.П.Коленко немецкой подводной лодки U-250.

19—25 августа 1944 г. — операция военно-воздушных сил Черноморского флота по уничтожению немецко-румынских сил в военно-морских базах Констанца и Сулина.

19 августа 1944 г. — разгром немецкого конвоя в Варангер-фиорде.

27 сентября — 24 ноября 1944 г. — Моонзундская десантная операция.

30 января 1945 г. — потопление подводной лодкой С-13 под командованием капитана 3 ранга А.И.Маринеско немецкого лайнера «Вильгельм Густлов».

4 мая 1945 г. — потопление авиацией Балтийского флота линейного корабля «Шлезия».

13—16 августа 1945 г. — Сейсинская десантная операция.

18 августа — 1 сентября 1945 г. — Курильская десантная операция.

Морской словарь

АБОРДАЖ — способ ведения морского боя или сражения (до XIX в.) гребными и парусными судами, во время которого атакующий корабль сцеплялся с неприятельским судном и в рукопашном бою захватывал его.

АВАНГАРД (авангардия) — передовая (головная) часть флота или эскадры в походном или боевом порядке парусного и парового флотов.

АВИЗО — судно, ведущее разведку или несущее посыльную службу. В русском флоте для этих целей использовались бриги, шлюпы, бригантины, тендеры и шхуны.

АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ — белое полотнище с синим Андреевским крестом. В русском флоте существовал с 1712 до 1917 г. В 1992 г. вновь утвержден.

АРМЕЙСКИЙ ФЛОТ — название галерного или гребного флота, действовавшего вдоль берега совместно с сухопутными войсками.

Артиллерия корабельная — корабельное оружие, предназначенное для поражения снарядами кораблей, судов, летательных аппаратов и наземных объектов. Подразделяется на артиллерию главного и противоминного калибров, зенитную и универсальную.

АРЬЕРГАРД — замыкающая (концевая) часть флота или эскадры в походном или боевом порядке.

БАК — носовая часть судна впереди фок-мачты. Своего рода артель нижних чинов, которые питаются за одним столом. Медная луженая миска, из которой ели нижние чины флота. Матрос, занимающийся приготовлением бака к приему пищи, назывался бачковым.

БАНИТЬ — чистить канал орудия банником (щеткой).

БАННИК — цилиндрическая щетка на длинном древке, предназначавшаяся для чистки канала ствола.

БАНКЕТ — возвышающаяся площадка на корабле (судне), предназначенная для установки компасов, дальномеров, артиллерии.

БАРБЕТ — выступ на борту корабля для установки орудий. Неподвижная броневая вертикальная защита вращающихся орудийных установок.

БАРК — трех- или пятимачтовое парусное судно с прямыми парусами на всех мачтах, кроме бизань-мачты, несущей косые паруса.

БАРКАС (барказ) — большое гребное судно на корабле для перевозки грузов в порту и для доставки грузов и личного состава на стоящие на рейде корабли. Имел от 14 до 22 весел.

БАТАЛИЯ — морское сражение (бой, битва).

БАТАРЕЯ — на парусном корабле ряд пушек, установленных на одной палубе (деке). На трехдечном линейном корабле нижняя батарея именовалась первой батареей, средняя — второй и верхняя — третьей батареей. Несколько артиллерийских орудий, которые могут стрелять по одной цели и по единому целеуказанию.

БАШНЯ — бронированное сооружение, предназначенное для установки орудий крупного калибра и служащее для защиты личного состава и механизмов.

БИТВА — морское сражение (бой, баталия).

БЛОКШИВ — корпус старого судна, используемый как складское помещение.

БОЕВАЯ РУБКА — башня небольших размеров, из которой командир корабля управляет кораблем во время боя.

БОЙ МОРСКОЙ — боевое столкновение однородных и разнородных сил противоборствующих флотов на определенном водном пространстве.

БОМБА — чугунный пустотелый шар, наполненный порохом, поджигаемым с помощью специальной зажигательной трубки. Бомбы весом до пуда назывались гранатами. Бомбы и гранаты предназначались для поджигания неприятельских судов.

БОМБАРДИРСКИЙ КОРАБЛЬ — парусное двух- или трехмачтовое плоскодонное судно, имевшее повышенную прочность корпуса и предназначавшееся для обстрела приморских крепостей. Имело на вооружении мощные мортиры и единороги.

БОМБОМЕТ — установка для выстреливания глубинных бомб.

БОТ — общее название небольших парусных или гребно-парусных, а впоследствии и моторных судов. В парусную эпоху строились вооруженные гребно-парусные боты для несения дозорной и брандвахтенной служб.

БРАНДЕР — судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, служившее для поджога вражеских кораблей, стоявших на якоре или в порту (в некоторых случаях, следовавших в линии баталии). Атаку неприятельского флота брандеры выполняли с наветренной стороны; имели специальные крюки для сцепления с неприятельскими судами. Под брандеры, как правило, переоборудовались старые суда.

БРАНДСКУГЕЛЬ — зажигательный снаряд гладкоствольной артиллерии парусного флота. Представлял собой пустотелое ядро с пятью отверстиями, начиненное зажигательным веществом. Выстреливался из мортир, гаубиц, единорогов, карронад, а иногда и из пушек.

БРИГ — двухмачтовое парусное судно для крейсерской, посыльной и дозорной служб. Имело от 6 до 24 орудий.

БРИГАНТИНА — легкая и небольшая гребно-парусная галера для разведывательной и посыльной служб.

БРОНЕНОСЕЦ — боевой надводный корабль, имевший бортовую броневую защиту и вооруженный крупнокалиберной артиллерией.

ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ — специальный журнал, в котором в хронологической последовательности записывается обо всех событиях, произошедших на корабле.

ВЕЛЬБОТ — узкая длинная быстроходная шлюпка, имеющая от 5 до 8 весел.

ВЕРЕЙКА (верeya) — небольшая остроносая двух- или четырехвесельная лодка.

ВЕСТ — запад, западный ветер, западное направление, где в равноденствии заходит Солнце.

ВЫМПЕЛ — узкий длинный треугольный флаг или флаг треугольной формы с раздвоением на конце. Вымпел поднимается на грот-стенге при вступлении корабля в кампанию и спускается при выводе из кампании или при поднятии флага должностного лица.

ВЫРЕЗКА СУДНА — захват стоявших на якоре неприятельских судов путем внезапного подхода на шлюпках и взятия их на абордаж.

ГАЛЕАС — крупное трехмачтовое парусно-гребное боевое судно XVI—XVII вв.

ГАЛЕРА — крупное гребно-парусное боевое судно VII—XVIII вв. для ведения боевых действий вблизи берега, на мелководье и в шхерах.

ГАЛИОН — парусный военный корабль переходной эпохи — XVI—XVII вв.

ГАЛИОТ — небольшая одномачтовая быстроходная галера первой половины XVII в., вооруженная метательной машиной, а также небольшое двухмачтовое голландское судно XVIII—XX вв.

ГАУБИЦА — короткоствольное артиллерийское орудие, изобретенное в 1757 г. графом П.И.Шуваловым. Были заменены единорогами, а затем и бомбовыми пушками (бомбическими орудиями).

ГЛУБИННАЯ БОМБА — снаряд для поражения подводных целей.

ГОЛЕТ — небольшое двухмачтовое грузовое судно, строившееся в Америке и в Англии в XVII — начале XIX в.

ГРАНАТА — см. *Бомба*.

ГЮЙС — специальный носовой флаг, поднимающийся на носовом флагштоке на якоре и при стоянке в порту (базе) на кораблях 1 и 2 рангов.

ДЕК — палуба, помост, пространство между двумя палубами. Если корабль имеет три палубы, то его называли трехдечным. Первая, или нижняя, палуба называлась гон-дек, вторая — мидель-дек, а третья — опор-дек.

ЕДИНОРОГ — огнестрельное орудие, стреляющее бомбами, гранатами, картечью, брендскугелями и ядрами. Изобретено в 1757 г. графом П.И.Шуваловым. Состояло на вооружении русского флота в 1761—1867 гг.

ЗАЛП — одновременный выстрел из нескольких орудий или одновременный пуск нескольких торпед, ракет или глубинных бомб.

ЗЮЙД — юг, южный или полуденный ветер, южное или полуденное направление.

КАБЕЛЬТОВ — морская единица длины, равная 185,2 м.

КАЗЕМАТ — бронированное помещение на корабле, в котором устанавливались орудия противоминного калибра.

КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА — в эпоху парусных флотов гребное судно с 1—2 пушками 18-, 24- или 36-фунтового калибра, предназначавшееся для боевых действий вблизи берега и в шхерах. Затем мощный артиллерийский корабль для действий на реках и мелководье.

КАРБАС — парусно-гребное промысловое судно северных славян (поморов) в XII—XIX вв. При Петре I использовалось как боевое судно.

КАРКАЗ (каркас) — начиненное зажигательным веществом ядро специальной конструкции.

КАРРОНАДА — короткое огнестрельное орудие, изобретенное в 1779 г. в Англии. В русском флоте введена в 1805 г.

КАРТЕЧЬ — железный цилиндр, наполненный чугунными пулями (картечью) и выстреливаемый с близких расстояний для поражения личного состава, снастей и парусов.

КАТЕР — небольшое гребное или моторное судно.

КЕЙЗЕР-ФЛАГ — флаг генерал-адмирала или главнокомандующего морскими силами.

КЛИПЕР — быстроходное морское парусное судно для перевозки особо ценных и скоропортящихся грузов, распространенное в XIX в.

КНИПЕЛЬ — два полузаряда, соединенных штырем или цепью, предназначавшиеся для перебития снастей и рангоута.

КОМЕНДОР — артиллерийский специалист на корабле.

КОРАБЛЬ — общее название судна. В эпоху парусного флота кораблем называли крупные артиллерийские суда, выстраивавшиеся в линию баталии.

КОРАБЛЬ ЛИНЕЙНЫЙ — в парусную эпоху это были двух- и трехдечные суда, имевшие на вооружении от 64 до 120 пушек. С начала XX в. — самые мощные артиллерийские корабли.

КОРВЕТ — трехмачтовое судно с открытой батареей, имевшее на вооружении до 40 орудий, как правило, карронад.

КОРДЕБАТАЛИЯ — средняя (основная) часть боевого или походного порядка парусных кораблей.

КРЮИТ-КАМЕРА — пороховой погреб на парусном судне.

ЛАГ — в парусном флоте название артиллерии одного борта. Выстрелить из всего лага — значит выстрелить всей артиллерией одного борта. Лагом также называли уложенные в один ряд бочки с водой и устройства для измерения скорости судна.

ЛАСТОВОЕ СУДНО — грузовое портовое транспортное судно.

ЛАФЕТ — деревянный станок, на котором закреплялось артиллерийское орудие.

ЛИХТЕР — судно для доставки грузов в порт с кораблей и судов, стоящих на рейде.

МАТЕЛОТ — ближайший корабль в линии (строю) к какому-нибудь кораблю. Правый мателот — ближайший корабль с правого борта, передний мателот — ближайший корабль спереди и т.д.

МИЛЯ МОРСКАЯ — принятая на флоте единица измерения длины, равная 1852 м.

МОРТИРА — медное или чугунное короткое огнестрельное орудие.

МУШКЕТОН — короткоствольное ружье с широким каналом ствола, применявшееся в абордажном бою.

НОРД — север, северный ветер, северное направление.

ОРДЕР — определенный порядок построения кораблей на переходе морем (походный ордер) или в бою (боевой ордер).

ОСТ — восток, восточный ветер, восточное направление, где Солнце восходит во время равноденствия.

ПАКЕТБОТ — небольшое почтовое судно для посыльной службы при эскадре.

ПАЛАШ — холодное оружие с длинным прямым клинком. Состояло на вооружении нижних чинов и воспитанников военно-учебных заведений. Использовалось как абордажное оружие.

ПАЛУБА — см. *Дек*.

ПИНКА — большое военное грузовое судно, имеющее для самообороны артиллерийское вооружение.

ПИСТОЛЕТ — короткое ручное огнестрельное оружие, применявшееся в абордажном бою.

ПЛАШКОУТ — плоскодонное самоходное или несамоходное судно для перевозки крупногабаритных грузов и судового балласта.

ПОЛУБАК — палуба-надстройка, расположенная над верхней непрерывной палубой и идущая лишь в носовой части корабля.

ПОЛЮЮТ — палуба-надстройка, расположенная над верхней непрерывной палубой и идущая лишь в кормовой части корабля.

ПОРТ — на парусном судне прямоугольное окно в борту, через которое производилась стрельба пушками. Портами назывались крышки, которыми закрывались пушечные окна.

ПРАМ — большое плоскодонное военное судно, вооруженное крупнокалиберной артиллерией (24- и 48-фунтовые пушки, гаубицы и единороги), предназначенное для обстрела приморских крепостей.

ПУШКА — длинное огнестрельное орудие.

ПУШКА БОМБОВАЯ — короткая пушка большого калибра, стреляющая разрывными снарядами с большим зарядом. Изобретена в 1833 г. Пексаном.

РЕПЕТИЧНОЕ СУДНО — судно для передачи сигналов по линии.

РОСТРЫ — надстройка на палубе для размещения шлюпок.

САБЛЯ — холодное офицерское оружие с длинным, чуть изогнутым клинком. Морская офицерская сабля имела трехлучевой эфес.

СВЕТЯЩЕЕСЯ ЯДРО — снаряд в форме шара, наполненный ярко горящим составом и предназначавшийся для освещения неприятеля. Выстреливалось из мортир и единорогов.

СКАМПАВЕЯ — гребно-парусное боевое судно.

СНАРЯД — общее название выстреливаемых из корабельных орудий боеприпасов: ядер, картечи, дрейфгаглов, бомб, гранат, брандскугелей и светящихся ядер.

СНАРЯД АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ — боеприпас, предназначенный для поражения кораблей, летательных аппаратов, береговых объектов. Бывают бронебойные, фугасные, осветительные.

СПАРДЕК — палуба средней части корабля.

ТАРАН — выступающая вперед подводная часть форштевня, служившая для нанесения по неприятельскому судну таранного удара.

ТЕНДЕР — одномачтовый военный катер.

ТЕСАК (артиллерийский нож) — холодное оружие артиллерийских чинов и унтер-офицеров флотских экипажей, предназначавшееся для ведения abordажного боя.

ТУЗИК — маленькая двухвесельная судовая шлюпка.

УЗЕЛ — скорость судна, равна числу морских миль, пройденных за один час. Скорость 12 узлов означает, что судно в час проходит 12 морских миль.

ФАЛЬКОНЕТ — небольшое (1—3-фунтовое) артиллерийское орудие на вертлюге или на железном пруте, предназначавшееся для ведения ближнего боя.

ФЛЕЙТ — специальное грузовое судно для снабжения эскадры провиантом, амуницией и снарядами. Использовалось в качестве госпитального.

ФРЕГАТ — парусное трехмачтовое судно, имеющее одну батарею (36—50 пушек), шканцы и бак. Предназначался для разведки, посыльной службы, в ходе сражения отражал атаки брандеров и оказывал помощь поврежденным кораблям, конвоировал транспортные суда.

ШАЛАНДА — небольшая грузовая баржа.

ШЕБЕКА — легкое и быстроходное гребно-парусное судно для посыльной службы. Имела до 30 пушек. В борту, кроме пушечных, были вырезаны и весельные порты, что позволяло передвигаться на веслах при полном безветрии.

ШКАНЦЫ — помост на палубе в кормовой части корабля, где находились вахтенные начальники и командир.

ШКАФУТ — часть верхней палубы парусного судна между фок-мачтой и грот-мачтой.

ШЛЮП — парусное трехмачтовое военное судно XVIII—XIX вв., с прямым вооружением. Предназначалось для разведывательной, дозорной и посыльной служб.

ШЛЮПКА — общее название небольшого гребного судна.

ШНЯВА — небольшое двухмачтовое парусное торговое или военное судно, распространенное со второй половины XVII до конца XIX в. в северных странах Европы и в России.

ШТАНДАРТ — императорский судовой флаг желтого цвета, с изображением черного двуглавого орла.

ШХАНЕЧНЫЙ (ШКАНЕЧНЫЙ) ЖУРНАЛ — первоначальное название вахтенного журнала.

ЭВОЛЮЦИЯ — перестроение эскадры (дивизии, отряда) из одного строя в другой.

ЭКЗЕРЦИЦИЯ — учение нижних чинов действию огнестрельными орудиями морской артиллерии.

ЭНТРЕПЕЛЬ — железный топор с остроконечным четырехгранным наконечником, применяемый в абордажном бою.

ЮНГА — отрок, корабельный мальчик, матросский ученик.

ЮТ — кормовая часть палубы, на парусных судах между бизань-мачтой и кормовым флагштоком.

ЯДРО — чугунный шар, выстреливаемый из орудия для поражения неприятеля. С береговых батарей по кораблям могли стрелять калеными ядрами.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмирал Нахимов.* Статьи и очерки. Составитель Б.И.Зверев. М., 1954.
- Анциферов В.* Адмирал Ушаков. М.—Л., 1940.
- Асланбегов А.* Адмирал Павел Степанович Нахимов. СПб., 1898.
- Арцимович А.* Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. СПб., 1855.
- Беклемишев Н.Н.* О Русско-японской войне на море. СПб., 1907.
- Белавенец П.И.* Адмирал Павел Степанович Нахимов. Севастополь, 1902.
- Березин Е., А.Деливрон.* Адмирал Григорий Иванович Бутаков. СПб., 1883.
- Берх В.Н.* Жизнеописание российского адмирала К.И.Крюйса. СПб., 1825.
- Берх В.Н.* Жизнеописание генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина. СПб., 1825.
- Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории Российского флота. Части I—VI. СПб., 1831—1834.
- Богданович Е.В.* Наварин 1827—1877. М., 1877.
- Богданович Е.В.* Синоп. 18 ноября 1853 года. СПб., 1878.
- Богданович Е.В.* 18 ноября 1898 г. Синоп—Севастополь. СПб., 1898.
- Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948.
- Бой эскадренных миноносцев «Пронзительный» и «Быстрый» с крейсером «Гамидие» и 2-мя эскадренными миноносцами типа «Милет». 23 августа 1915 года в районе Эрегли-Кефкен. Составлено по донесениям начальника дивизиона, командиров миноносцев, командира подводной лодки «Нерпа» и по его записям моментов боя. Год и место издания не указаны.
- Бородкин М.* Двухсотлетие взятия Выборга. СПб., 1910.
- Веселаго Ф.Ф.* Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год. СПб., 1871.
- Веселаго Ф.Ф.* Краткая история Русского флота. Выпуск I. СПб., 1893.
- Веселаго Ф.Ф.* Краткая история Русского флота. Выпуск II. СПб., 1895.
- Взрыв турецкого монитора «Сейфи» 14-го мая 1877 года. СПб., 1902.
- Врангель Ф.Ф.* Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Части I—II. СПб., 1911—1913.
- Гангутская победа и другие подвиги моряков и судов родного флота. СПб., 1914.
- Год Наваринской кампании 1827 и 1828 год. Из записок лейтенанта Александра Петровича Рыкачева, веденных на эскадре контр-адмирала графа Логина Петровича Гейдена. Кронштадт, 1877.
- Гангутский бой 27 июля 1714 г. СПб., 1914.
- Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том II. Часть I. Балтийский флот 1918—1919 гг. Л., 1926.
- Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том II. Часть II. Озерные и речные флотилии. Л., 1926.
- Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том III. Юго-Запад. Л., 1925.

- Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. СПб., 1994.
- Давыдов Ю.* Нахимов. М., 1970.
- Давыдов Ю.* Сенявин. М., 1972.
- Деливрон А.* Петропавловский бой. СПб., 1914.
- Дивин В., Фокеев К.* Адмирал Д.Н.Сенявин. М., 1952.
- Дмитриев Н.Н.* Броненосец «Адмирал Ушаков», его путь и гибель. СПб., 1906.
- Дмитриев С.И.* Первая морская победа Русского флота. К двухсотлетию юбилею Гангутского сражения. 1714—1914. СПб., 1914.
- Дмитриев С.С.* Чесменская победа. М., 1945.
- Доценко В.Д.* Адмиралы Российского флота. Россия поднимает паруса. СПб., 1995.
- Доценко В. Д.* Флот. Война. Победа. СПб., 1995.
- Доценко В.Д.* Мифы и легенды русской морской истории. СПб., 1997.
- Доценко В.Д.* Битвы Российского флота. XVIII—XX вв. СПб., 1998.
- Доценко В. Д.* Мифы и легенды Российского флота. СПб.—М., 2000.
- Елагин С.* История Русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.
- Елагин С.* История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Часть I. СПб., 1864.
- Елагин С.* История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Часть II. СПб., 1864.
- Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, почерпнутая из достоверных российских и иностранных источников С.Ушаковым. Части I—III. СПб., 1811.
- Житков К.Г.* Светлой памяти Григория Ивановича Бутакова, адмирала Русского флота. СПб., 1912.
- Житков К.Г.* Светлой памяти Великого Князя Константина Николаевича, генерал-адмирала Русского флота. СПб., 1912.
- Житков К.Г.* Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. СПб., 1913.
- Житков К.Г.* Адмирал Н.О. фон Эссен. Пг., 1915.
- Зверев Б.И.* Синопская победа. Симферополь, 1954.
- Золотарев В.А., Козлов И.А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.
- Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. Борьба на море. М., 1990.
- Истомин М.К.* Балтийский флот 50 лет назад, в кампанию 1854—1855 годов. СПб., 1904.
- История Российского флота в царствование Петра Великого. Перевел с неизданной английской рукописи граф Е.Путятин. СПб., 1897.
- Кадьян И.И.* Битва Наваринская. Рукопись. Год и место не указаны.
- Капитан-лейтенант Баранов.* Очерк, составленный капитаном 2 ранга Вениамином Васильевичем Степановым по материалам, предоставленным семьей Н.М.Баранова. Одесса, 1909.
- Криницын Ф.С.* Чесменская победа 1770. М., 1951.

- Криницын Ф.С.* Из истории Архипелагской экспедиции русского флота 1769—1774 гг. М., 1957.
- Кротков А.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1894.
- Кротков А.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896.
- Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.
- Крючков Ю.С.* Алексей Самуилович Грейг. 1775—1845. М., 1984.
- Крючков Ю.С.* Самуил Карлович Грейг. 1735—1788. М., 1988.
- Кузьмин А.В.* Совместные действия торпедных катеров и авиации. М.—Л., 1945.
- Лаура Г.* Цусима. СПб., 1911.
- Лурье В., Маринин А.* Адмирал Г.И.Бутаков. М., 1954.
- Лялина М.А.* Подвиги русских адмиралов Петра Михайлова, Спиридова, Ушакова, Сенявина, гр. Гейдена, Лазарева, Нахимова, Корнилова. СПб., 1900.
- Мельников Р.М.* Крейсер «Варяг». Л., 1983.
- Мордвинов Р.Н.* Наваринский бой. М., 1945.
- Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994.
- Никульченков К.И.* Адмирал Лазарев. М., 1956.
- Овчинников В.Д.* Федор Федорович Ушаков. М., 1995.
- Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турциею в 1828 и 1829 годах. СПб., 1850.
- Островский Б.Г.* Адмирал Макаров. М., 1954.
- Островский Б.Г.* Лазарев. М., 1966.
- Петропавловский бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко. СПб., 1883.
- Поликарпов В.* Павел Степанович Нахимов. М., 1960.
- Порфирьев Е.И.* Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952.
- Потапов Ю.П.* Степан Осипович Макаров. 1848—1904. Л., 1982.
- Раздолгин А. А., Фатеев М. А.* На румбах морской славы. Л., 1988.
- Реданский В.* Арктики рядовой. Мурманск, 1971.
- Рубинштейн Л.* Адмирал Сенявин. М.—Л., 1945.
- Русско-японская война 1904—1905 гг. Книга седьмая. Цусимская операция. Пг., 1917.
- Семенов В.И.* Расплата. Трилогия. СПб., 1910.
- Синоп и его герой. К 50-летию Синопского боя 18 ноября 1853 года. СПб., 1903.
- Синопский бой. СПб., 1882.
- Скаловский Р.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. Часть I. СПб., 1856.
- Смирнов М.И.* Цусима: Сражение в Корейском проливе 14-го и 15-го мая 1905 года. СПб., 1913.
- Черкашин Г.А.* «Меркурий» — бриг российский. СПб., 1994.
- Шульц В.* Подвиги русских моряков. СПб., 1853.
- Щербачев О.* Афонское сражение (19-го июня 1807 года). Пг., 1916.
- Юнга Е.С.* Адмирал Спиридов: Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

XVIII столетие

«Небываемое бывает»	3
Гангутская победа	9
«Добрый почин Российского флота»	21
Победа при Гренгаме	25
В бой идут брандеры	33
Очаковские победы Нассау-Зигена	41
Адмирал, не знавший поражений	49
Славная победа при Роченсальме	58
Победы 1790 года	68

XIX столетие

Бой брига «Александр»	74
Победа у Афонской горы	79
Прославившие Андреевский флаг	88
«Потомству в пример»	102
Лебединая песня парусного флота	108
«Распоряжался, как на маневрах»	114
Подвиг братьев Максутовых	117
Атакуют минные катера	124
«Веста» держит бой	130

XX столетие

Погибаю, но не сдаюсь !	135
Триумф и трагедия Цусимы	147
Бой у мыса Сарыч	160
Атакуют черноморцы	163
Залпы гремят у Готланда	168
Меткие залпы «Азарда»	172
Атакует «Пантера»	175
Бой у Обиточной косы	178
Провал операции «Страна чудес»	180
Атака у острова Руонти	183
Североморцы громят конвой	190
Атакует С-13	195
Атаки у берегов Норвегии	201
ПРИЛОЖЕНИЯ	206
ЛИТЕРАТУРА	220

«Издательство «ПОЛИГОН»
представляет книги:

**ЗНАКИ И ЖЕТОНЫ РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА. 1696—1917**
**ЗНАКИ И ЖЕТОНЫ РОССИЙСКОГО
ФЛОТА. 1917—1945**

Это первые две книги уникального четырехтомного издания, до которого в отечественной исторической литературе не предпринималось попыток рассказать о знаках и жетонах морской тематики. Авторы издания постарались возможно полнее восстановить историю появления каждого из них: статут, особенности изготовления, тираж и многое другое, сопровождая текст цветным изображением описываемого знака или жетона. Издание представляет интерес не только для коллекционеров, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей флота.

Научно-популярное издание

Виталий Дмитриевич Доценко

**МОРСКИЕ БИТВЫ РОССИИ
XVIII—XX вв.**

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Технический редактор *И. В. Буздалева*.
Корректор *В. Д. Чаленко*. Компьютерная верстка *Ю. А. Федоровой*.
Компьютерная графика *А. В. Аракчеева*.

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

Подписано в печать 09.10.2002. Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 14,0 + вкл. 4,0. Усл. печ. л. 18,06 + вкл. 5,16

Тираж 5000 экз. Зак. № .

ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23. E-mail: polygon@rol.ru